Humanities in the 21st century: scientific problems and searching for effective humanist technologies

Research articles

2nd edition

**HUMANITIES IN THE 21ST CENTURY:
SCIENTIFIC PROBLEMS AND SEARCHING
FOR EFFECTIVE HUMANIST TECHNOLOGIES**

2nd edition

Research articles

**B&M Publishing
San Francisco, California, USA**

B&M Publishing
Research and Publishing Center «Colloquium»

**HUMANITIES IN THE 21ST CENTURY:
SCIENTIFIC PROBLEMS AND SEARCHING
FOR EFFECTIVE HUMANIST TECHNOLOGIES**

Science editor: R. Draut

Copyright © 2016
by Research and Publishing Center
«Colloquium»

ISBN-10:1-941655-39-4
ISBN-13:978-1-941655-39-9

DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2

All rights reserved.

Published by B&M Publishing.
San Francisco, California, USA

CONTENTS**HISTORICAL SCIENCES**

«Association of revolutionist artists», «New East Masters» – the first creative associations of Uzbekistan artist's <i>M. Tukhtaeva</i>	5
The image of the Soviet power in 20-30s of 20 th century in egos-documents of soviet intelligentsia of Uzbekistan <i>O. Pugovkina</i>	10
Characteristics exchange in kind in Turkestan in the 60-80s of the 19 th century <i>E. Pustovaya</i>	14
The rescue of a North-East minaret of the Mirzo Ulugbek's madrasah: to experience of restoration works in Uzbekistan <i>F. Shamukaramova</i>	17
Slavic world: problems of political and cultural relations <i>Yu. Uzlou</i>	27

ART

The significance and place of landscape painting in the works of great master by Nicolas Poussin of the art of 17 th century <i>L. Mamedova</i>	33
---	----

PHILOLOGY

Etymology of many anthroponyms of modern Kazakh language and anthroponyms of old Kipchak language <i>B. Kopbosynov, S. Boranbaev, A. Meirbekov, B. Kulzhayeva</i>	38
The concept of bilingualism <i>S. Sapieva, M. Meretukova</i>	43
Formation of the academic genre valedictory speech <i>M. Sukhomlinova</i>	46

PEDAGOGICAL SCIENCES

Socio-psychological training as a means of formation of multiethnic competence of the class teacher <i>K. Shalaginova</i>	51
Investigation of dynamics of students' sense of language by word associative experiment method <i>K. Aghababyan</i>	55
Public organizations and university: search forms of interaction <i>I. Garkin, L. Medvedeva, O. Nazarova</i>	62
Mass culture as megafaktor socialization growing person <i>V. Kulishov</i>	65
To question about pedagogical – psychological bases of study of biography of poets and writers in connection <i>K. Akmatov</i>	68

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Role of mentality in the formation and development of decentration <i>E. Barteneva</i>	73
---	----

PHILOSOPHICAL SCIENCES

The aesthetics of naturalism in the West, the East and Russia: comparative analysis <i>T. Bystrova</i>	77
---	----

**HUMANITIES IN THE 21ST CENTURY: SCIENTIFIC PROBLEMS AND SEARCHING
FOR EFFECTIVE HUMANIST TECHNOLOGIES • 2nd edition**

Artistic interpretation and philosophical conceptualisation of the biblical myth of the fall of man in C.S. Lewis' novel <i>Perelandra</i> (1943) <i>L. Efimova</i>	82
The death of God and the crisis of culture <i>G. Sibashvili</i>	89
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Specificity of legal linguistics as one of the core areas of linguistics – sociolinguistics in contemporary world educational space, taking into account multilingualism <i>O. Ayvazyan</i>	94
Anti-reading or transliteracy: the case of “silent” books, books for watching and picture-books <i>M. Tsvetkova</i>	99
ECONOMICS	
State policy of import substitution <i>M. Elesina</i>	112
Formation of credit portfolio of commercial banks as the main stage credit <i>L. Zernova</i>	116
Testing of ecology-economic problems in the regions of North Caucasian Federal district <i>N. Medyanik</i>	120
Economic performance opening catering <i>A. Ozolina, A. Korenkov</i>	123
Irreversibility and cyclicity of the socio-economic processes <i>V. Podlesnaya</i>	127
The regional aspect of the strategy of Ukraine's economic growth <i>T. Prykhodchenko</i>	135
Interaction between educational institutions with business community <i>T. Romashkin</i>	139
JURISPRUDENCE	
Theoretical aspects of the development of the idea of differentiated condensed form in the russian criminal trial <i>V. Dyakonova</i>	142
The legal nature gift: evolution of the problem <i>N. Kornilova</i>	152

HISTORICAL SCIENCES

«ASSOCIATION OF REVOLUTIONIST ARTISTS»,
 «NEW EAST MASTERS» – THE FIRST
 CREATIVE ASSOCIATIONS OF UZBEKISTAN ARTIST'S

M. Tukhtaeva¹

Abstract

The article examines the history of the first creative associations of fine arts in Uzbekistan ACHR, New East Masters, ARIZO and etc. Besides that, the paper shows the history of associations based on archive documents, materials of periodical press. Furthermore, illustrates their activity, goals, objectives and structure and analyzes how its influence the development of art in Uzbekistan. In addition, finds out mechanisms of influence in authority (positive and negative) in a question on cultural policy and ideological pressure to the work of artists in that period.

Keywords: Association of artists, art in Uzbekistan, policy, ACHR (Association of revolutionist artists), New East Masters.

В начале 20-х годов курс либерализации экономики, получивший название новой экономической политики (НЭП), наметил отступление от социалистического пути развития. Изменение политического курса повлияло на другие сферы жизни общества, в частности на процессы в области искусства. Художественная интеллигенция восприняла эти изменения с большим оптимизмом, что выразилось не только в ходе творческих исканий, но и в создании различных творческих объединений художников.

Первой организацией, работающей в самых различных жанрах живописи, скульптуры, графики, которая объединила художников Узбекистана, стала Ассоциация художников революции (АХР), созданный в 1926 г. в Ташкенте и являвшийся филиалом Ассоциации художников революционной России (АХРР).

Создавая подобные союзы власть рассчитывала сделать их инструментом быстрого внедрения официальной коммунистической идеологии в среду творческой интеллигенции и осуществление контроля над ней. Перед АХР ставилась задача пропаганды идей «героического реализма», привлечения и воспитания местных художников в духе революционной идеологии и направление их творческих сил на идейное воспитание масс [1, л. 23].

Финансовое обеспечение филиала АХР согласно уставу осуществлялось за счет членских взносов, пожертвований, займов, доходов от устройства выставок, лекций, субсидий правительственных и обществен-

¹Malika Tukhtaeva, Master degree, Senior research fellow, Senior researcher, Republic of Uzbekistan Ministry of Higher and Secondary special education Institute of History at National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Uzbekistan.

ных организаций, доходов от реализации работ его членов. На содержание филиала Союзным Наркомпросом выделялось 6000 рублей в год и добавочно на аренду помещения 25 рублей в месяц [2, л. 1].

Работу художников осложняло отсутствие доброкачественных материалов на рынке, их дороговизна, ограничение в выборе цветов, изобилие всякого рода имитаций. Учитывая это АХР наладил производство красок, которые отличались пластичностью, яркостью и полнотой цвета, строго соответствовали химической формуле веществ. Эти краски члены АХР могли приобретать со скидкой 20% с назначенной цены (от 50 копеек до 2х рублей).

Ташкентским филиалом АХР была открыта студия для молодых художников, которая к 1930 году насчитывала 60 учеников. Нельзя точно определить общее количество членов АХР в Узбекистане, но известно, что на 1 октября 1925 г. в Ташкенте их насчитывалось 31 человек. Всего по союзу было открыто 15 отделений с общим количеством членов 250 человек [3, л. 3]. В Самарканде, под влиянием АХРа были открыты 2 художественные группы, одна из которых – АРИЗО, с преобладанием в ней художников-самоучек, разделяющих идеи АХР.

В Ташкенте студия АХР была открыта при Центральном художественном музее. Первые результаты работы студии, согласно годовому отчету, были положительными. Отмечалось что, в мае 1925 г. была проведена выставка картин художника Д. Кежушке. Было представлено свыше 200 картин отражающих быт, культуру и этнографию народов Востока. Особенно успехом пользовалась выставка работ молодого ташкентского художника Николаева, в дальнейшем известного под именем Усто Мумин [4, л. 40].

Члены АХР принимали активное участие в культурной жизни страны, так, в частности, их работы были представлены на выставке под названием «Жизнь и быт народов СССР», в Туркестанском павильоне. В принципе молодые художники активно вступали в этот союз, учитывая, что это обеспечивало участие в выставках, покупку материала по заниженным ценам и, в целом, обеспечивало общение друг с другом.

Внутри АХР шел постоянный процесс ротации, и численный состав членов постоянно менялся. Так на 1925 г. количество членов АХР в Ташкенте было 18 человек: И.С. Казаков – председатель, Н.В. Розанов, К. Земкин, И.И. Головин, Н. Розанов, Б.В. Челли, М.Е. Новиков, А.И. Гринцевич, Н.И. Рыков, А.В. Николаев, Л.М. Лебедев, М.О. Маркевич, Е.Г. Бурцов, К.И. Янин, А.Н. Волков А.И. Дохно, Н.Г. Карахан др. [4, л. 13]. В правление вошли 9 человек: председатель: Казаков И.С. секретарь: Головин И.И., Члены: Розанов И.В., Новиков М.Е., Рыков Н.И., Лебедев Л.М., Бурцев Е., Земкин К., Розанов Н. [1, л. 27].

Члены АХР ставили своей целью обрести статус «всесоюзной художественной организации», однако, центральная власть считала такой процесс нецелесообразным. Вскоре, настороженное чрезмерной активизацией художников, руководство страны осознало, что цель не достигнута, а созданная организация «возрождает реакционные тенденции старого академизма» [1, л. 27]. И поэтому метод работы ташкентского филиала АХР был подвергнут резкой критике.

Наступление на АХР в Ташкенте началось со статьи, опубликованной в 1930 г. в газете «Правда Востока» по названию «АХРовая реакция под красной этикеткой» [5]. Автор под псевдонимом «А. Ксандр» подвергал

критике работу студии, методы преподавания, отсутствие программы занятий и преподавательского состава и учеников, писал: *«В студии 60 учеников. Среди них 7 комсомольцев, кроме них много молодежи, кроме неё много просто барышень и дам, которые учатся рисованию потому, что так было когда-то принято. Хорошо воспитанная женщина должна уметь и рисовать, и играть на пианино»* [5].

Основная цель посещения студии, по мнению автора, заключалась «в приятном время провождении и возможности получения легких денег». Критике был подвергнут и постановочный материал: *«рисуют Христа, апостола Павла. Молодые парни и девушки искренне потянувшиеся к искусству, корпят над черепом с вороной»*. Не ограничиваясь критикой, автор статьи призывает органы власти обратить внимание на деятельность студии, очистить ее состав от вредных элементов, «а заодно выяснить, чем занимаются христосики из АХРа», *«способствовать выдвижению художников из рабочего класса»*. Общий смысл статьи заключался в последних двух предложениях: *«пора сдать в архив старенького учителя рисования»* [5], где «под стареньким учителем» подразумевались прежние принципы академизма в изобразительном искусстве.

Это заметка в газете имела большой резонанс и явилась предметом обсуждения Московского областного союза советских художников 6 февраля 1930 г. С целью узнать положение дел на месте, из Москвы в Ташкент был отправлен председатель ревизионной комиссии АХР Пшеничников, который получил самые неблагоприятные отзывы: *«Ревизионная комиссия настаивает на чистке АХР от всего классового, враждебного, идеологически реакционного и примазавшегося элемента, видя в этом залог для более четкой и идеологически выдержанной работы»* [2, л. 1 об.]. По результатам этой работы было выработано «Особое мнение», которое якобы показало наличие борьбы и внутри организации. Политическую неблагонадежность Ташкентской ассоциации Пшеничников усмотрел в классовой неоднородности состава организации, а так же в «политической отсталости» многих членов и даже в аполитичности.

Обвиненный в политической отсталости Ташкентский филиал АХР был подвергнут чистке и по результатам работы комиссии протокол №20 от 30 марта 1930 года было принято постановление о закрытии филиала АХР в городе Ташкенте с обвинением в политической отсталости [6, л. 20].

Одновременно с филиалом АХР в Ташкенте существовали и другие художественные объединения. Так, в 1927 году в Ташкенте возникло творческое объединение под названием «Мастера Нового Востока». Согласно уставу его задача заключалась в объединении Среднеазиатских художников для привлечения к искусству народа. Для осуществления этого «Мастера Нового Востока» должны были устраивать выставки, лекции, диспуты и организовать библиотеку. Общество состояло из членов: действительных, почетных и соревновательных. Правление общества «Мастера Нового Востока» являлось его исполнительным органом, председателем был М. Курзин, заместителем С. Мальт и казначеем А. Николаев (Усто Мумин), членами правления – В. Маркова, А. Волков, В. Гуляев. Для всех членов общества был установлен обязательный членский взнос в размере 1 руб. и ежемесячные отчисления 50 коп. [7, л.79] Правление общества должно было давать отчет о ежегодной деятельности общества через общественную печать. В случае отсутствия публикации в

3-х месячный срок, общество должно было прекратить свое существование. Средства общества состояли из субсидий правительственных и общественных учреждений, членских взносов и пожертвований, доходов от продажи изданий, сборов за вход на лекции, выставки и др. поступлений.

В мае 1929 г. «Мастерами Нового Востока» была принята резолюция, которая отражала насущные и повседневные вопросы жизни художников, согласно чему они могли выписывать книг и художественные материалы из-за границы, имели право льготного железнодорожного проезда. Согласно данной резолюции ставилась задача направить художников на фиксирование моментов «революционной борьбы» Средней Азии при музее революции, вовлечение художников в конкурсы и в художественные советы, комиссии по оформлению празднеств и издание открыток, лубков, гравюр и литографий [8, л. 80-81].

В 1929 г. в Ташкенте и Самарканде появилась «Ассоциация работников изобразительного искусства» (далее – АРИЗО), которая просуществовала до 1932 г. В Ташкенте ее председателем был М. Курзин, в Самарканде АРИЗО руководил О. Татевосян.

Р.Х. Такташ в книге «Изобразительное искусство Узбекистана» писал, что художники этого сообщества в отличие от АХР действительно придерживались принципов социалистического реализма. Однако анализ творчества М. Курзина, В. Марковой, О. Татевосяна показывает, что 1929-1932 гг. эти художники находились в творческом поиске и сохраняли свою яркую индивидуальность и были еще далеки от принципов соцреализма. Однако и эта ассоциация также вскоре была обвинена в спаде общественной инициативы, беспринципности и аполитичности.

В Самарканде в это же время были созданы экспериментально-производственные мастерские, называемые «Изофабрика» [9, с. 72].

Следует отметить, что списки членов и отчетность по деятельности всех существующих художественных организаций и обществ ежегодно представлялись в органы НКВД. На основе постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 «О ликвидации художественных группировок» [10, л.1]. все существовавшие в стране объединения были ликвидированы. Созданные же новые профессиональные творческие союзы (художников, архитекторов, писателей и т.п.), были полностью в подчинении государства.

История творческих объединений художников, в частности, АХР, Мастера Нового Востока и АРИЗО показывает, что они были абсолютно новым явлением в культурной жизни Узбекистана. Эти организации объединяли талантливых художников, работающих в различных направлениях. Основное значение первых объединений художников Узбекистана состояло в том, что они не просто приняли участие в становлении и формировании изобразительного искусства, но и привнесли в этот процесс современные течения. Результатом их творчества стали уникальные, яркие, самобытные произведения, отражающие красоту и своеобразие Востока.

Немаловажно и то что, эти организации оказывали всемерную поддержку молодым художникам в решении их бытовых проблем. Они были призваны пропагандировать искусство «национальное по форме и социалистическое по содержанию», выражали в определенной степени свободу творчества, альтернативу подходов и были на первых порах прояв-

лением институционального оформления изобразительного искусства Узбекистана, отражающего специфику художественной жизни 20-х годов.

Однако их история – это еще одно свидетельство того, как вытравливалась альтернативная мысль и альтернативное поведение, не входящее в русло коммунистической идеологии советского режима.

References:

- [1] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 2941. оп. 1 д. 36.
- [2] РГАЛИ. Ф. 294.1 оп. 1. д. 61.
- [3] РГАЛИ. Ф. 2941. оп. 1. д. 179.
- [4] РГАЛИ. Ф. 962. оп. 19. д. 159.
- [5] Правда Востока. 17.01.1930 г.
- [6] РГАЛИ. Ф. 2941. оп.1. д. 319.
- [7] ЦГА РУз. Ф. р. 2487. оп. 1. д. 32.
- [8] РГАЛИ. Ф. 94. оп 5. д. 514.
- [9] Такташ Р. Х. Изобразительное искусство Узбекистана. Ташкент, 1972. с.72.
- [10] ЦГА РУз. Ф. р. 2320. оп. 26.

THE IMAGE OF THE SOVIET POWER IN 20-30S OF 20TH CENTURY
IN EGOS-DOCUMENTS OF SOVIET INTELLIGENTSIA OF UZBEKISTAN

O. Pugovkina¹

Abstract

The article bases on egos-documents of Russian intelligentsia of Uzbekistan, reveals the image of the Soviet power in 20s-30s of 20-th century. The purpose was to analyze the memories, diaries, letters of famous representatives of Tashkent intelligentsia and the members of their families like N.P. Ostroumov, N.G.Malitskiy, N.S. Lykoshin, V.F. Oshanin and others, those who suffered from the repressive machine of soviet rule: deportation and arrests. Analyze of ego-documents allows us to tell that deprived of previous way of life, injustice of convictions, general political and economic situation, strengthening of the totalitarian regime, the conflict between saying and reality made to rethink many problems, to change one's mind and review the place of Russian intelligence in soviet state.

Keywords: egos-documents, memoirs, letters, Soviet Uzbekistan, intelligentsia of Uzbekistan, the image of the Soviet power, 20-30-s of 20-th century

Октябрьские события 1917 года были неоднозначно встречены русской интеллигенцией Туркестана. И если февральская революция 1917 г. вызвала оживление во всех слоях общества, то события октября рассматривались крайне негативно. Но интеллигенция Туркестана, значительная ее часть, сделала выбор в пользу Туркестана, полагая, что нужна краю, что опыт и знания будут востребованы советской властью и окажутся полезными для местных народов, для обустройства новой жизни. Но туркестанские реалии оказались другие. Одна часть интеллигенции была выслана из края, так как рассматривалась как «неблагонадежная», другая – осталась, но попала под волну репрессий 30-х годов XX века, выстояла и продолжала жить. Как она смогла все это пережить? Что думала о происходящих событиях? Как воспринимала советскую власть и ее лидеров? Эти и многие другие вопросы, как показывает анализ мемуарных источников, ставили перед собой многие представители интеллигенции Туркестана.

В центре внимания данной статьи – анализ эго-документов представителей русской интеллигенции Туркестана, в которых нашли отражение многие вопросы из советской истории 20-30-х годов, позволяющие в своей совокупности составить образ советской власти в представлении интеллигенции Туркестана. С этой целью к исследованию были привлечены воспоминания, дневники, письма – комплекс эго-документов видных представителей ташкентской интеллигенции и членов их семей – Н.П. Остроумова, Н.Г. Малицкого, Н.С.Лыкошина, В.Ф. Ошанина и др.

Из всех мемуарных источников особого внимания заслуживают днев-

¹Oksana Pugovkina, Candidate of Historical Sciences (Ph. D.), Senior researcher, Republic of Uzbekistan Ministry of Higher and Secondary special education Institute of History at National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Uzbekistan.

ники и воспоминания О.Н. Малицкой, написанные в 30-е годы XX в. Она была дочерью известного востоковеда Н.П. Остроумова, а также супругой видного туркестанского исследователя, бывшего редактора «Туркестанских ведомостей», бывшего городского головы Ташкента Н.Г. Малицкого. После октября 1917 г. Н.Г. Малицкий неоднократно подвергался аресту за своё «бывшее» прошлое, а в 1932 г. был привлечен к делу о профессорах «Восточного факультета» Среднеазиатского Государственного университета (САГУ) и получил высылку на 2 года в Чимкент. Вместе с ним в ссылку отправилась и его жена, Ольга Николаевна, где и начала писать свои «Чимкентские дневники» [1]. Все пережитое здесь буквально всколыхнуло Ольгу Николаевну, заставило ее многое передумать, переосмыслить, заново посмотреть на многие проблемы, пересмотреть свое место в советском обществе.

Чимкентские дневники – это постоянный диалог, спор с видными представителями русской интеллигенции, советского государства, глубокие размышления по поводу наступившей эпохи социализма. Складывается ясное представление, что не таким оно мыслилось в умах русской интеллигенции. Для О.Н. Малицкой советская власть не абстрактное понятие, это конкретные фигуры – М. Горький и М.М. Литвинов. Она постоянно обращается к М. Горькому с вопросами, давая при этом свои ответы. Так, М. Горький дал интервью одной из газет, заявив о «замечательной советской действительности», в то время, когда в стране начался голод: *«Неужели он ничего не видит? (о случаях людоедства во времена голода 1933 года). В маленьком Чимкенте, а что на Кавказе, на Украине то же самое. Вот Вам, товарищ Горький, картинки из нашей прекрасной действительности, в которой, по Вашему мнению, так много «непосредственной радости»* [2, л. 41].

Критикуя систему колхозов, гонения на единоличников, стремление председателей колхозов и местного руководства к завышению показателей, также вызвала у нее вполне закономерную критику: *«А наши приносящие писаксы, новоиспеченные таланты, по системе Горького, разлизываются соловьем, воспевают колхозное житье, строительство советское, успехи социализма. Стыдно, Вам, Господа, помогать этому великому злу, служить великой неправде. На костях Ваше строительство социализма. Вы, отвергающие связь с историей, Вы сами не замечаете, что повторяете дикие нравы, воспоминания и которых, сохранились в легендах»* [2, л. 75].

Мысль о несправедливости и униженном положении советского народа она продолжает развивать в другом эпизоде, в связи с переговорами, которые велись между Советским государством и Америкой: *«Между прочим, Рузвельт спросил Литвинова: «Смогут ли его соотечественники отправлять у нас свои религиозные обряды: крестить, венчаться, хоронить»? Президент свободной страны старается оградить, обезопасить свободу своих сограждан среди рабства миллионов!»* [2, л. 72 об. -73].

Кроме того, в представлении Ольги Николаевны советская власть неотделима от партии и ее членов. Она пишет, что внутри партии и партийцев кипит страсти – доносы, аресты, расстрелы: *«Сами партийцы не смеют «иначе» помыслить,... а большая часть населения томиться по подвалам, ссылкам и высылкам* [2, л. 37].

Она с горечью пишет, что для государства его граждане – никто, потому что в советском государстве всё подчинено великой цели – насилие-

ственному строительству социализма: *«Человек для человека – все для человечества (и это теперь насильственно проводится в жизнь) – это формула социализма. На алтарь человечества (проблематического) мы вынуждены жертвовать всем. Мы не принадлежим себе, но всецело государству. Нас кормят, смотря на работу (не трудивый – да не ест). Нас одевают тоже по работе. Наше время нам не принадлежит, так как выходные дни жертвуем опять таки государству. Часть своего заработка добровольно отдаем на выполнение пятилетки. Последние силы изматываются. Наше поколение постепенно сходит со сцены, на наше место идет молодежь пока радостная и самоуверенная, безрасудная... Ей льстят преувеличивая в ее сознании ее силы и этой лестью подталкивают растративать природой данный капитал, который потом уже ничем не вернуть. Зато – все для человечества. Как будто мы являем это на деле. Хотя бы насильственно, а отчасти под гипнозом»* [2, л. 3-Зоб.].

Будучи человеком верующим, она верит в то, что все происходящее – есть Божий промысел, эта та ноша, которую должен вынести человек и не сломаться: *«На старости пришло испытание настоящее: и болезнь, приковавшая к постели и общее бездействие. Вот теперь то не утратить веры, вот теперь то чаще молиться и помнить, что ни один волос не упадет с головы без его святой воли»* [2, л. 36].

Дневники Ольги Николаевны Малицкой, пожалуй, единственные, написанные с такой долей открытости и откровенности, желания выговориться, доказать, насколько жива власть и несправедливы принятые ей решения. В этом и есть определенная «прелесть» дневников, что авторы пишут «здесь и сейчас», без исправлений и дополнений, когда нет времени взвесить и подобрать удачную фразу. Поэтому и отличаются написанные ею немного позже воспоминания об известном исследователе Средней Азии В.Ф. Ошанине [3], датированные 1937 г. В тексте воспоминаний мы не находим прямой оценки действий советской власти, автор рассказывает историю своего учителя, исследователя Средней Азии, который умер незадолго до революции. Но в конце текста она все выводит образ власти жестокой к своим гражданам, мстящей «бывшим» за то, что они имели и кем были в прошлой жизни. Она пишет, что советская власть сломала судьбу русской интеллигенции, ввергнув ее в голод и нищету. Счастливы лишь те, кто умерли до революции и не могут видеть, что творится в их Отечестве: *«Судьба была милостива к Василию Федоровичу. Ему не пришлось видеть разруху России. Его жизнь пресекалась за месяц до революции, дав ему удовлетворение: его труды были напечатаны и отмечены. Он получил золотую медаль. Не то было с Елизаветой Ивановной (его супруга – О.П.). Ей пришлось испытать горькую участь вместе со всей интеллигенцией: пережить весь ужас нищеты и голодовки. Никто не узнал бы теперь в небрежно одетой старушке, без цели бродящей по улице, прежнюю «ташкентскую маркизу»* [3, л. 75].

Значительный информационный потенциал содержит переписка бывших видных представителей колониального Туркестана – Н.С. Лыкошина (бывшего Самаркандского военного губернатора) и Н.П. Остроумова. В письмах авторы отмечали, что современный им край стал для них чужим, как и сама власть. Они ее не понимают, а она, власть, мстит им за это. Н.С. Лыкошин, находясь в ссылке в Самаре писал: *«Мне прихо-*

дится доживать век в родной, но чужой России, где я лишен всего того, к чему успел-таки довольно крепко привыкнуть за 40 лет, проведенных в Туркестане» [4, л. 75-77]. Оба автора понимают, что к старости лет они, силою власти лишены всего: «Совсем надо переустроить жизнь на седьмом десятке лет. Последовавшие о нас решения видимо не переменятся. Должно быть, это было не хорошо, и судьба возвратила нас вспять, под нож жизни. Все-таки возвратила!» [4, л.73].

Анализ приведенных эго-документов позволяет сконструировать образ советской власти в представлении русской интеллигенции Туркестана. Авторы убеждены, что новая власть не отвечала запросам интеллигенции, а они не понимали и не принимали ее, осуждали проводимую политику в экономике и социальной сфере, репрессии, гонения.

References:

- [1] Дневники О.Н. Малицкой хранятся в личном фонде Н.Г. Малицкого (Р-2231) в Центральном Государственном архиве Узбекистана (ЦГА РУз) Сохранились 3 тетради ее воспоминаний: Ф Р-2231, оп. 1, дд. 265, 266, 267.
- [2] ЦГА РУз Р-2231, оп. 1, д. 267.
- [3] ЦГА РУз Ф.Р 2231, оп.1, д.268 – Воспоминания о В.Ф. Ошанине. 1937 г. Василий Федорович Ошанин был приглашен в Туркестанский край по приглашению первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана. Участвовал в военных походах с научной целью. Известен как педагог, исследователь истории и культуры народов Средней Азии.
- [4] ЦГА РУ Ф-1009 (Личный фонд Н.П. Остроумова), оп. 1, д. 29.

CHARACTERISTICS EXCHANGE IN KIND IN TURKESTAN
IN THE 60-80s OF THE 19TH CENTURY

*E. Pustovaya*¹

DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/01

Abstract

This article describes the peculiarities of trade relations between the settled and nomadic population in Turkestan in the second half of the XIX century. The majority of commercial transactions with the nomads made not for the money but through exchange in kind. With the conquest of the Russian Empire began to change the situation, it began to be a gradual transition to monetary relations, but in the 60-80-s. basically maintained the current situation.

Keywords: exchange in kind, trade, wages, nomadic, sedentary population.

Середина XIX века явилась переломным периодом для многих народов Центральной Азии. В это время существующие здесь государства – Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханство стали зависимыми от Российской империи, и это событие повлияло на все стороны жизни края, от политического положения до социально – экономических и торговых отношений. Вместе с тем, в первые годы российского господства продолжали оставаться неизменными многие традиционные отношения, к которым можно отнести и сложившуюся торговлю между кочевым и оседлым населением.

Как внутренняя, так и внешняя торговля в этот период осуществлялась не только за деньги, но также товары продавали в кредит, отдавали на реализацию на определенный срок, либо обменивали на другой товар соответственный стоимости. Именно это и было характерно для торговли оседлого населения с кочевниками – казахами, киргизами, туркменами.

Кочевники торговали скотом, преимущественно лошадьми и овцами, доставляли и продукцию степного хозяйства – кошмы, паласы, но главным образом, сырье, шерсть и кожи. Оседлые жители привозили зерно, изделия домашнего обихода. Большим спросом пользовались дешевые хлопчатобумажные ткани и готовая одежда. Хорошо расходились изделия, вырабатываемые местными ремесленниками, а также привозимые извне: парча, бархат, шелковые платки, ситцы, сукна разных сортов, холст, медь, сталь и железо полосовое, чугунная посуда, латунь, пряденное серебро и золото, сахар, кошениль, юфть, опойки, сафьяны бумага и т.д.

Купцы Бухарского эмирата доставляли товары казахам, принимая их караваны или скупая все прямо на месте, во время прохождения кочевья с торговыми караванами идущими в Оренбург. Казахи же приобретали среднеазиатские товары для продажи в Оренбурге. Иногда вывезенные ими товары составляли больше половины собственных [1, с.206].. Изделия из шерсти приобретались и у туркмен, особой популярностью

¹Pustovaya Elena, Senior Lecturer, the Faculty of History, Tashkent State Pedagogical University, Uzbekistan.

пользовались ковровые изделия – вещевые мешки и ковровые дорожки. В обмен туркмены – кочевники, главным образом, скупали бухарские ткани, из которых шили одежду.

В Хивинском ханстве туркмены привлекались к торговле как посредники. Это создавало возможность без затруднения пользоваться торговыми путями, пролежавшими через их кочевья на Мангышлаке.

Для торговли с населением Кокандского ханства кочевники, казахи и киргизы, пригоняли скот в близлежащие города, а оседлые жители привозили свои товары.

«Занимает ли киргиз денег у сарта для уплаты ... или по отнесению повинностей, занимает непременно на баранов, т.е. он обязан отдать сарту не деньгами, а баранами, по 3 барана за тило, т.е. 3 р. 80 к. Если же в этом году отдаст, то должен отдать однолетними, если через год, то двухлетками ... на таких же условиях он покупает товар у купцов. Разносчики татары и сарты в аулах меняют товары прямо на баранов, или в долг или на наличные...» [9, с. 141].

Похожие сведения мы встречаем в «Очерке внутренней торговли Киргизской степи: «Смотря по обстоятельствам, купцы променивают свои товары на наличных баранов, или отдают товары в долг и уже собирают скот впоследствии...» [6, с. 269].

В записках Григория Потанина (зимой 1863-1864 гг.) отмечается: «старую сеть променивают они здесь на 2 ½ пуда разной рыбы, что будет стоить около 2 р. 90 к. Чугунный чайник стоил здесь 2 ½ пуда белой рыбы, т.е. 1 р. 50 к., казан в 11 четвертей в окружности с таганом – 3 барана, тесе (железный топор) – 3 хороших овчины». [3, с. 260].

Однако обмен такого рода, как пишут источники, порождал злоупотребления со стороны купцов. В статье посвященной торговле русских с киргизами мы читаем: «Торговцы, положившие начало торговли в степи возвышают цены на свои товары до баснословных размеров и обогащаются весьма быстро.... Торговля ведется посредством мены или на деньги. Мена выгодна для купцов, невыгодна для киргизов, при их весьма слабых понятиях о ценности товаров. При мене купцы большей частью прежде отдавали товар в долг и при этом брали всегда большой процент, но к счастью, киргизы догадались о невыгоде для них подобного положения дела, и все более и более стараются продавать и покупать товар на деньги» [5, с. 145].

То же упоминается и в «Очерках внутренней торговли Киргизской степи: «Купцы торговали преимущественно в степи ... мена эта продолжалась недолго. Киргизы поняли, что купцы берут с них за все не только непомерные цены, но и страшно обманывают (например с них брали за ситцу очень посредственного, пол пуда или пуд пшеницы, а в то время пуд пшеницы стоил 50-60 копеек), а потому киргизы начали продавать и покупать на чистые деньги» [6, с. 276].

Там же встречаем «во всех официальных документах мы находим постоянные жалобы на непомерно высокие цены на русские товары в степи. Цены эти доходят иногда и до тройной и даже четвертной размеров, противу цене в Оренбурге» [6, с. 272].

Получается, что меновая торговля существовала между кочевниками казахами и киргизами и оседлым населением, с приходом российских купцов эта традиция, продолжала оставаться какой-то небольшой период, а затем стал происходить постепенный переход к денежной торговле.

Такая же картина прослеживается и среди туркмен кочевников.

Присутствовал натуральный обмен и при оплате труда, так служащие в армии Кокандского ханства получали юзбаши в год – 1 тилля 4 тенгги, 80 пудов пшеницы, чалму, сапоги, шаровары, шубу, халат, 2 барана, 2 пачки чая. Нижние чины в армии в год: 2 мешка муки, 7-10 батманов ячменя, 4 халата, сапоги, рубашка, чалма, тюбетейка, кушак, теплый халат, шубу, сапоги, теплую шапку, лошадь, оружие и 1 тилля в месяц [4, с. 262].

В Заравшанской долине в 1880 году пастухам помимо оплаты выдавали: 2 рубахи, штаны, халат, 2 пуда муки и 1 фунт соли в месяц. [7]. И в 1881 году там же пастухам платили «20 рублей, шапку, сапоги, калоши, 2 рубахи, штаны и халат ... на каждого пастуха, кроме жалования отпускали в месяц 2 пуда муки и 1 фунт соли» [8].

Вот что мы встречаем в описании у Гродекова Н.И. «У земледельцев существует вид найма рабочих на паях: состоятельные дают работнику пропитание и семена и одалживают свой скот, землю и орудия на время полевых работ. Рабочий получает вознаграждение из урожая, смотря по условию, от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ его. Нет урожая, нет и вознаграждения» [2, с. 118]. И у Южакова Ю.: «Есть особые специалисты, сделавшие рисование узоров своим ремеслом, за узор на платке они берут 4 лепешки» [9, с. 59].

Такое положение дел наблюдалось среди наемных рабочих, пастухов, и мелких ремесленников на всей территории Средней Азии как до завоевания Россией, так непосредственно в период военных действий, и в первые годы после него.

Таким образом, в изучаемый период во многих областях и во внутренней и во внешней торговле, а так же при оплате труда присутствовал натуральный обмен. Постепенно происходил переход на денежные отношения, однако, в 60-80 годы от него еще не отказались, в силу ряда причин.

References:

- [1] Апполова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII- начале XIX в. М., 1960.
- [2] Гродеков Н.И. Киргизы и Каракиргизы Сыр Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1889.
- [3] Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863-1864) господина Потанина. Из записок ИРГО. Т. 1 Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Составленный по поручению Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана В.И. Межовым. СПб, 1869. Т. 15.
- [4] Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства. Т. 1973.
- [5] О торговле русских и киргизами / СПбургские ведомости. № 264. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Составленный по поручению Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана В.И. Межовым. СПб. Т. 2. 1867.
- [6] Очерк внутренней торговли Киргизской степи: сборник сведений по Министерству финансов. Туркестанский сборник...т. 5. 1867. № 8-9.
- [7] Туркестанские ведомости. 1880. 18 ноября. № 46.
- [8] Туркестанские ведомости. 1881. 6 января. № 1.
- [9] Южаков Ю. Наши приобретения в Средней Азии / Отечественные записки. № 7, 8. Туркестанский сборник ... 1868. Т. 5.

THE RESCUE OF A NORTH-EAST MINARET OF THE MIRZO ULUGBEK'S MADRASAH: TO EXPERIENCE OF RESTORATION WORKS IN UZBEKISTAN

F. Shamukaramova¹

Abstract

In the history it is shown on the basis of archive documents and scientific literature the history and historiography of saving of East-Northern minaret of Mirzo Ulugbek's madrasa in 1918-1932. Because of this process it was caving uniquely medieval architectural monument and common view of Registan square.

Keywords: Mirzo Ulugbek, Samarkand, madrasa, minaret, V.L. Vyatkin, M.F. Mauyer, B.N. Kastalsky, Turkomstaris, Samkomstaris, Ragistan.

История реставрации и консервации памятников материальной культуры, в том числе архитектурных сооружений Узбекистана составляет одно из интереснейших разделов исторической науки, к сожалению пока еще недостаточно исследованных. Между тем, данная проблема связана не только с историей самих памятников и временем их строительства, но и с другими периодами их многовекового существования. Состояние архитектурных сооружений во многом зависело от социально-политических и естественно-географических причин, отношению государства, наличие квалифицированных специалистов и специальных органов. В 1918-1932 годы велась трудоемкая работа с участием специалистов разных профессий по выпрямлению северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека в Самарканде, построенного в 1417-1420 гг. В Государственном архиве Республики Узбекистан сохранились документы, протоколы, письма и другие материалы, свидетельствующие о том, какие невероятные практические и научные усилия были приложены для сохранения замечательного облика площади Регистан в Самарканде в столь сложный для Узбекистана период.

Единственной публикацией, посвященной этому грандиозному проекту является научно-популярная брошюра известного ученого-археолога М.Е. Массона [3] «Падающий минарет», бывшего непосредственным участником событий тех лет.

Крен северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека первыми заметили в 1918 г. «китабсатары-мукавачи» – букинисты-переплетчики и ювелиры, лавки которых располагались в близости от данного объекта. Обеспокоенные тем, что минарет может рухнуть прямо на их лавки, они решили поставить в известность В.А. Вяткина (1869-1932) – представителя Самаркандской комиссии Туркомстариса [7], надзирателя за памятниками старины Самарканда, известного тем, что он нашел и открыл остатки обсерватории Мирзо Улугбека. Это было одним из ярких событий в исторической науке начала XX века.

¹Feruzha Shamukaramova, PhD of History, senior research fellow, The Institute of History at National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Uzbekistan.

Фото 1. Василий Лаврентьевич Вяткин – первый исследователь
обсерватории Мирзо Улутбека

В работе над спасением минарета принимали участие почти все работники Комиссии Цуардела [2]. Была создана специальная, но не оформленная никаким приказом и никем не утвержденная «Комиссия по оказанию скорой помощи минарету», как её назвал Б.Н. Кастальский (1868-1943), инженер Самаркандского облводхоза, археолог-краевед и близкий друг В.А. Вяткина. Выпускник Николаевской инженерной академии Б.Н. Кастальский после 1917 г. и вплоть до конца своей жизни работал в Самарканде и был известен как знаток ирригационных сооружений. Работу на служебных постах он сочетал с большим интересом к прошлому Центральной Азии, будучи страстным собирателем местных древностей и членом Туркестанского кружка любителей археологии. После открытия остатков астрономической обсерватории Мирзо Улутбека Б.Н. Кастальский «взялся сделать все вычисления и чертежи квадранта (*главного инструмента обсерватории. – Ф.III.*) в таком виде, чтобы ... можно было построить точно такой же квадрант со всеми ошибками (в расчетах), которые могли влиять на точность произведенных при помощи его вычислений» [5]. Его основным оппонентом по научной разработке проекта выпрямления минарета был инженер-архитектор М.Ф. Мауер.

Фото 2. Михаил Федорович Мауэр. Архитектор. По его проекту выпрямляли северо-восточный минарет медресе Мирзо Улутбека в Самарканде

Михаил Федорович Мауер окончил Николаевское военное инженерное училище. За революционные идеи (из места назначения после учебы) разжалован в солдаты и сослан на службу в Фергану. Таким образом судьба связала его с Туркестанским краем на всю оставшуюся жизнь. После освобождения из ссылки он вышел в отставку и работал городским архитектором сначала в Фергане (Скобелев), а затем в Коканде. Чтобы усовершенствовать своё образование, М.Ф. Мауер, разменявший к тому времени четвертый десяток, поступил и досрочно окончил отделение гражданских инженеров Рижского политехнического института и, не смотря на уговоры остаться в институте, вернулся в Туркестан. Продолжив свою профессиональную деятельность в Самарканде, он навсегда понял, что его призвание – архитектор-реставратор. М.Е. Массон писал о нем: «На новом поприще оказались пригодны все его природные качества и приобретенные знания... Повышенная требовательность ко всему и к себе в первую очередь, блестящие математические способности, умение оригинально мыслить – все это сочеталось в нем с честным, бескорыстным служением делу, с широко научной постановкой любого вопроса, с подходом к решению его одновременно и со специальной технической стороны, как инженера конструктора, и с исторической, как исследователя памятников прошлого» [3, 8].

Для человека, не любящего спешных решений, но добросовестно относящегося к своему делу, задача восстановления минарета оказалась не из легких. Известно, что архитектурный ансамбль площади Регистан в Самарканде состоит из медресе Мирзо Улугбека, Шир-Дор и Тилля-Кари. Как писал М.Е. Массон: «члены комиссии отчетливо сознавали, что знаменитое медресе Улугбека является памятником большого научного и художественного значения, и что главный его фасад без одного углового минарета окажется недопустимо обезображенным» [3, 13], так как и без этого в 1870 г. рухнул один из четырех минаретов медресе, чуть позже – и второй.

В те годы нужно было спасать не только северо-восточный минарет, реставрация была необходима всему зданию медресе, также как и другим памятникам старины Самарканда. Решать эти вопросы, особенно с материальной точки зрения было очень нелегко. Однако спасение минарета было делом не только научным, но и политическим. Советская власть как известно, искала малейшую поддержку среди населения, пытаясь отвлечь его от «басмачества», которое упорно не хотела сдавать свои позиции. Это было делом престижа власти. Поэтому в мае 1920 г. при Туркомстарисе была учреждена специальная Самаркандская комиссия по охране памятников старины и искусства – «Самкомстарис», в которую входили три секции: технико-строительная, художественная и археологическая. Следует признать, что члены комиссии прилагали все усилия для спасения и сохранения исторических памятников города и по мере сил старалась делать всё возможное, чтобы добиться от властей финансовой и другой помощи.

Комиссия 25 мая 1920 г., на своем очередном заседании, состоявшемся прямо на площади Регистан приняла решение: «ввиду того, что езда на грузовиках и в автомобилях разрушительно действует на памятники старины площади Регистан,... настоятельно просит Облревком категорически запретить приказом ездю на автомобилях и грузовиках мимо Регистанской площади, предложив ездить по другой имеющейся дороге» [14, л. 23а].

К тому времени минарет на половине высоты был опоясан досчатым корсетом, перехвачен 24 стальными тросами весом в 36 тонн, закреплёнными на деревянные якоря, вкопанные в землю. В итоге минарет прекратил свой крен на отметке 1,8 метра от нормального положения [3, 10].

В самом начале были предложены два способа выпрямления. Первый способ предложил Б.Н. Кастальский, сторонник простых и незамедлительных действий, предложил разобрать минарет по кирпичикам и заново восстановить в том же виде. Бесспорно, это было простым решением, но трудоемким и не реальным, так как фактически означало разрушение памятника и сборку его заново, что могло привести к потере своей исторической ценности. Второй способ, предложенный М.Ф. Мауером, состоял в том, чтобы «оторвать» минарет от здания, качнуть его, выпрямить и опустить на свое место [3, 8].

Горячие споры между двумя инженерами и их сторонниками шло очень долго – на протяжении всего периода пока осуществлялись другие работы. На повестке дня каждого заседания Комиссии вопросы, касающиеся этой проблемы стояли на первом месте.

Фото 3. Главный портал медресе Мирзо Улутбека в Самарканде.
Вид северо-восточного минарета до выпрямления (Фото 1931 года)

5 июня 1920 г. М.Ф. Мауер на очередном заседании сделал доклад, где настаивал срочно начать работы [14, л. 34-39]. Члены Комиссии на заседании приняли следующее решение: «Строительно-технической секции приступить к немедленным работам по выпрямлению и поддержанию минарета... и поставить её вне всякой очереди».

Восстановительные работы планировалось завершить в 1920 г., так как «деревянные якоря, к коим прикреплены стальные канаты-оттяжки, находящиеся частью в земле, частью над землей, за эти полтора года настолько прогнили и ослабели, что едва ли выдержат ещё более полугодия» [14, л. 80].

Пока М.Ф. Мауер работал над изучением сооружения и разработкой проекта выпрямления минарета, параллельно велись и другие реставрационные работы в самом здании медресе. Так, на очередном заседании Комиссии 26 июня 1920 г. приняли постановление о том, что «до получения из Москвы требуемых аппаратов и фотографических принадлежностей, организовать обычную зарисовку, калькирование и протирку, как северо-восточного минарета, так и внутренней части портала медресе Улутбека. Строительно-архитектурной секции комиссии и комиссии по выпрямлению минарета по возможности немедленно приступить к устройству двух люлек и лесов, как вокруг минарета, так и под аркой главного портала этого минарета» [14, л. 49]. Дело было в том, что Самкомстарис на случай неожиданного, всё-таки, падения минарета решил зафиксировать на бумаге копии каждого орнамента, каждой мозаики в натуральную величину и сделать художественный альбом. Из этого сле-

дует, что художественная секция не верила «в благополучное завершение предприятия», начатое технико-строительной секцией [3, 18].

Поскольку споры между заведующим технико-строительной секции Б.Н. Кастальским, его сторонниками и М.Ф. Мауером продолжались и возникали на каждом заседании Комиссии, то были приглашены «авторитетные технические консультанты из Ташкента и из центра», которые всё больше склонялись в пользу предложения М.Ф. Мауера [3, 19]. Он провел большую исследовательскую работу, изучив и собрав все материалы по медресе и «чтобы иметь возможность самому не только контролировать некоторые необходимые ему исторические тексты, но и улавливать их дополнительный смысл, он принялся за изучение персидского языка и в конце концов одолел его в нужном для него объеме. На Регистане Михаил Федорович лично производил детальные архитектурные обмеры, изучавшегося медресе и вел тщательные наблюдения за состоянием подвязанного на стальных тросах минарета» [3, 20-21], – писал М.Е. Массон, вспоминая те годы.

Между тем центр насколько поддерживал организационные дела, настолько оттягивал финансовые вопросы, касающиеся минарета. На какое-то время восстановительные работы даже были приостановлены. Судя по архивным документам, причиной была – нехватка денежных средств. В октябре 1922 г. председатель ТуркЦИКа И. Хидыр-Алиев послал телеграмму в Москву в Совет Народных Комиссаров РСФСР, где говорилось: «...ТуркЦИК считает необходимым отметить, что местные ассигнования на укрепление падающего минарета Улуг-Бека являются недостаточными почему просим оказания денежной помощи эту надобность» [14, л. 388]. Это означает, что минарет восстанавливался за счет республиканского бюджета и только через 4 года после начала работ местное правительство обратилось в центр с просьбой о финансовой помощи.

Вопрос финансирования для восстановления и охраны памятников старины в Туркестане был одним из важных и выдвигался почти в каждой телеграмме и письме. Грандиозные по масштабам дела требовали больших затрат. В частности, председатель Туркомстариса Д. Нечкин [13, л. 380-382] был вынужден обратиться к В.В. Куйбышеву. 3 сентября 1922 г. он отправил на его имя письмо с просьбой о содействии в выделении денежной помощи, так как «сам Туркестан из местных средств (их у него почти нет. – *Ф.Ш.*) может уделить весьма немного, но без помощи центра ничего нельзя сделать, иначе памятники предоставляются разрушению». В письме речь шла о всех самаркандских памятниках, в том числе и об «отпуске специальных средств по восстановлению падающего минарета Улуг-Бека в сумме 50.000.000 рублей (знак 1922 года)...» [13, л. 380-382].

Просьба аргументировалась тем, что это «вопрос чести Советской Республики и гибель памятников будет поставлена мусульманами в тяжелую вину Советской власти, а также вызовет злорадство на Западе, где интересуются и теперь состоянием Самаркандских памятников... Вопрос о древних памятниках мусульманского зодчества не является столь ничтожным, как неправильно полагают некоторые известные товарищи в Москве...» [13, л. 380-382].

Это напоминает историю по сооружению памятника Мирзо Улугбеку в период царской администрации. В 1908 г. после долгих поисков и пер-

вых раскопок остатков обсерватории Улугбека, Русское астрономическое общество направило письмо царскому правительству с предложением – соорудить в городе Самарканде памятник, чтобы увековечить память великого ученого. Шла переписка между административными кругами [9;10, л. 2-3, 13, 18; 12], а в газетах печатались отклики ученых [4; 6; 7]. Противостояние двух лагерей – прогрессивной русской интеллигенции Туркестана и царской администрации, в лице чиновников, касающееся финансирования данного предложения длилось несколько лет. Но всё закончилось лишь тем, что в 1915 г. кирпичной кладкой перекрыли сохранившуюся часть главного инструмента обсерватории Улугбека, благодаря чему он существует и в настоящее время.

Случай с минаретом имел другой исход. Ученые и правительство Туркестана оказались настойчивыми и не уставали посылать письма и телеграммы в Москву. Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркестанской Республики, т.е. в феврале 1923 г., все исторические памятники Самаркандской области, в том числе и медресе Улугбека были переданы «на учет и в ведение Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы Туркестанской Республики (Туркомстарис)» [11, л. 25].

Переписка Туркестана с центром продолжалась долгие годы, но работа по спасению северо-восточного минарета медресе не прекращалась и шла за счет и без того скудного бюджета республики. Но по всей вероятности, финансовая помощь из Москвы все же была оказана. Мы не можем сказать, когда это произошло, но среди документов, хранящихся в Госархиве имеется телеграмма (без указания даты) председателя Туркомстариса председателю Самкомстариса, где говорится: «...Переведенные в Ваше распоряжение девятнадцать миллиардов рублей должны расходоваться исключительно на производство подготовительных работ к капитальному ремонту минарета медресе Мирзы Улуг-Бека и перекрытию прочих памятников...» [14, л. 391]. Благодаря этому на основе предложения М.Ф. Мауера в Москве дважды был составлен проект по выпрямлению памятника. Первый был отклонен из-за несоответствия характеристикам сооружения, второй был разработан московским инженером В.Г. Шуховым, к которому М.Ф. Мауер ездил для обсуждения деталей проекта.

В 1927 г. по проекту М.Ф. Мауера московский завод «Мосмет» под руководством инженера В.Г. Шухова изготовил металлическую конструкцию и прислал в Самарканд. Она должна была быть помещена и укреплена в основание минарета. При его осмотре М.Ф. Мауер обнаружил некоторые неточности, которые «при практическом выполнении проекта могли бы привести к пагубным последствиям» [3, 40]. В итоге, ему пришлось вновь поехать в Москву с присланной конструкцией и доказывать, что в ней допущены просчеты.

После переделки в 1932 г. металлическую конструкцию внедрили в минарет. Так благополучно завершилась многолетняя и кропотливая работа, сопровождавшаяся решением финансовых проблем. Но до этого счастливого и в то же время тревожного события деревянные якоря, вкопанные в землю, несколько раз менялись. Процесс восстановления состоял в том, что «огромный ствол минарета был целиком отделен от своего основания и закреплен на раме с шатунами. Вся поврежденная его нижняя часть от уровня фундамента на высоту нескольких метров

была удалена. Её заменили капитальной железобетонной кладкой... В течение нескольких часов ствол минарета медленно качнули в обратном падению направлении и выпрямили» [3, 41].

Фото 4. Металлическая конструкция, устанавливаемая в основании северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека (Фото 1932 года)

Фото 5. Фото снятое сразу после установки металлической конструкции в минарете медресе Мирзо Улугбека (Фото 1932 года)

Таким образом, благодаря смелости идеи, точности до миллиметра расчетов М.Ф. Мауера [1] и беззаветно преданным и добросовестно работавшим людям был спасен исторический памятник средневекового зодчества Центральной Азии, построенный выдающимся ученым и правителем Мавераннахра Мирзо Улугбеком. Ничего подобного ни до, ни после в архитектурно-реставрационной практике не наблюдалось. В результате, был сохранен уникальный комплекс на площади Регистан в Самарканде, и по сегодняшний день радующий узбекистанцев и туристов, приезжающих со всех концов мира и с восхищением отзывающихся о среднеазиатских исторических памятниках.

References:

- [1] В 1947 году по проекту М.Ф. Мауера, уже после его кончины, закреплялся и реставрировался купол Гур-Эмира в Самарканде.
- [2] Комиссия Цуарделя – Комиссия по охране памятников старины и искусства в Туркестанском крае.
- [3] Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент: Узбекистан, 1968. 44 с.
- [4] Памяти ученого. Туркестанские ведомости. 1914, № 6 (Прибавление).
- [5] Письмо Вяткина Бартольд от 1 февраля 1910 г.
- [6] Сикар И.И. О памятнике Улутбеку. Известия Туркестанского Отдела императорского Русского Географического общества. Ташкент, 1913. Том. IX. С. 78-83.
- [7] Сооружение памятника Мирзо Улутбеку. Туркестанские ведомости. 1911, 19 ноября, № 258.
- [8] Туркомстарис – Туркестанский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской АССР.
- [9] Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. 18, оп. 1, д. 67.
- [10] ЦГА РУз, ф. 18, оп. 1, д. 8287
- [11] ЦГА РУз, ф. 394, оп. 1, д. 5.
- [12] ЦГА РУз, ф. 1591, оп. 2, д. 67.
- [13] ЦГА РУз, ф. 394, оп. 1, д. 28.
- [14] ЦГА РУз, ф. 394, оп. 1, д. 3.

SLAVIC WORLD: PROBLEMS OF POLITICAL AND CULTURAL RELATIONS

Yu. Uzlov¹DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/02*Abstract*

To understand the essence of the issue, the article discusses the Slavic world as the main way of world development in the civilizational, cultural, geopolitical contexts, the system clusters and specific views.

Keywords: geopolitics, globalization, integration, modernization.

The World civilization to the beginning of the XXI century is the socio-economic, technological and cultural organism, where the global problems facing humanity, determine the need to develop alternatives morally, socially, economically trajectories historical path of civilization, the reorientation of all kinds of human activity, a fundamental change in the mindset, going beyond the boundaries of technocratically oriented values and ideals.

The Socio-historical and cultural background of the emergence of the ideas of Slavic orientation originated in the lands of the Western Slavs, it was connected with the national liberation movement, one of the main elements of which was the idea of the necessity of unity and mutual assistance of the Slavic peoples. In Russia, interest in this movement emerged in the nineteenth century after the Napoleonic wars among the Russian intelligentsia.

The idea of Slavic actualized and played an important role in solving geopolitical problems during subsequent centuries: in 1941, became the basis of the organization of the Slavic Committee for mobilization of the Slavic peoples struggle against Nazi Germany; in 1946, he held the pan-Slavic Cathedral with the participation of representatives of the Slavic peoples; in 2005 IX pan-Slavic Congress announced the creation of the Union state of Belarus and Russia, which can be seen as a signal for the reconstruction of a multipolar world.

The Scientific-educational center of the North Caucasian Slavic" Kuban State University for several years studying the history of the Slavic world: Russian-Ukrainian relations; historical and ethno-cultural selection of the Slavic peoples; the Byzantine, Ottoman, Austro-Hungarian and German empires in the lives of southern and Western Slavs; the cultural heritage of the Slavic peoples; globalization and the Slavic world and other Kuban scientists have gained theoretical and empirical material on the conceptualization of the phenomenon of "Slavs", the study of the nature, content and dynamics of this image in the context of historical problems, international communications and the assessment of the impact on the processes of transmission of the image on the international arena.

The despite the importance of the research question, the literature does not contain a clear definition of the categories of "Slavic" and "Slavic world", there is a range of judgments and opinions, which is associated with a large set of concepts that bear these images.

¹Yury Uzlov, Candidate of History Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Russia.

The social formation component of the global evolutionary process, just law divergence – the multiplicity and complexity of civilizations existing in continuous competition, mutual enrichment and addition: a viable, meet the conditions of habitat, replacing archaic, less able to adapt to changing conditions and innovations, as a result, synthesis and mutual penetration. Every civilization education is a complex evolving system, within which there is a continuous interaction between the various competing forms: industrial, spiritual and cultural, some elements are replaced by others.

Along with the variability of civilizational characteristics are conservative, defining features of ethnicity in a temporary space and builds possible patterns and trends of historical development. The wheel of history of the Slavic world was under the influence of climatic, geographical and geopolitical factors: a special position between East and West led to the cultural diversity of the Slavic peoples, the emergence of cultural phenomena.

This kind of cultural education belong to the category of "edge": a holistic community, formed at the boundaries of major civilizational formations for a long time and in the synthesis of the closely related and genetically distant cultures.

For such formations is characterized by such signs as polyethnicity, multi-religious reality, tolerance, religious tolerance, the capacity for cultural adaptation to the achievements and values of other cultures. These categories are fully applicable to the Slavs and Slavic world in General.

The weakness border-cultural formations is the incompleteness, failure of cultural synthesis that makes the formation of permanent transition, contradictory and unpredictable, they are particularly sensitive in the competitive struggle of civilizations.

Is it possible to consider the global problems as a threat to the Slavic world, bearing in mind that the events in Yugoslavia and Ukraine? Globalism and its adverse consequences cannot be associated with the twentieth century. Background of globalization were laid throughout the history of mankind. During the last centuries the peoples of the world was decided two issues: the achievement of national sovereignty and independence, freedom from external oppression and the establishment of democratic control over their own authority and its submission to the constitutional-legal norms.

A. Panarin, authoritative specialist we have studied the question [1, p. 183-185] notes that the greatest illusion is that the process of global modernization is carried out in line with a single universal perspective. The inclusion of less-developed countries to a common standard developed countries in the process of collapsing.

M. Delyagin, according to [2, p. 185-186], globalization is the process of formation of a single global Finance information space on the basis of new, mostly computer technology, which qualitatively changes the nature of the business. This trend is fundamentally changing the nature of cooperation between developed and developing countries. Creative development of second first through direct investment gives way to destructive development by removing financial and intellectual resources. The gap between rich and poor countries on the basis of the action of such a system will not be reduced, and to increase swiftly.

The politically of globalization does not lead to integration and to the monopolist, to the formation of a unipolar world, with the center of this new

world order is the financial capital of a number of developed countries under the auspices of the United States of America. The actors of globalization does not focus only on financial and economic manipulation. They are well aware that the most effective business is the transformation of human consciousness.

Traditionally it was considered that the main object of labour was a change of nature, now is the impact on human consciousness. Diverse types and forms of PR and advertising, unlike traditional marketing, not fit the product to the preferences of the people, but on the contrary, people to the product. Intensive development of the technology of manipulating the consciousness and behavior of people through various forms of propaganda, agitation national and cultural traditions, the imposition of others' social norms and values.

Industrial civilization, creating a strong scientific and technical base, realizing the phenomenon of globalization of the economy, in their spiritual and value orientations remained at the level of primitive ideas of the society for mass-consumption.

Against this background, the problem of the Slavic world in the context of the system of the concept of global problems developed in the works: S. Artamovskogo, S. Ikonnikova, M. Kagan, A. Carmine; transnational forms of development formulated F. Cassedy, A. Panarin, M. Reshetnikov, A. Utkin, F. Fedorov, V. Shokhin.

V. Streletskaya [3, p. 330], author of articles on regional identity and cultural regionalism, European countries and Russia considers geocultural method as a mechanism of spatial self-organization of cultural complexes and their carriers, where the modern nation is a community of people United by culture and language, and not just the General area. As such, the boundaries of linguistic worlds are not the territories, as is commonly believed, but by the people and depending on what language the person speaks and thinks, is defined by its belonging to a cultural or civilizational space.

Geoculture as a method, has a unique opportunity and a way-difficulties in understanding and preserving images and traditions in the interpretation of historical images in its local space, it acts both as a process and as a result of development, that allows to consider it as an instrument of influence on the socio-cultural space.

With all the evidence of geoculture as a method, the semantic definition of this phenomenon is not, what causes the variability of the positions, quite non-uniform. There are situations when the object carries a double meaning: on the one hand, it represents a structural component of physical geography, on the other the sphere of material activity, a set of cultural images synthesized from a variety of natural, social, material and ideal elements that form a particular civilizational space.

Geoculture in the sphere of financial activity system is the concept of geopolitical and geo-economic problems, in such a plane, it races-is seen as a tradition of images, forming a civilizational space in which a set of personal schemes and which way the political design, based on the mobilization of certain cultural traits.

Geoculture can be represented as a system of stable relations and representations, which are formed on a certain area in the coexistence, weave, interaction, collision of different religions, cultural traditions and

norms, values, deep psychological structures of perception and functioning: the preservation of these principles allows us to speak about the level of institutional development.

Thus, the geoculture takes the form of branding areas, incoming and outgoing for their civilizational framework, as such entities may be people, not included in the core of a particular civilization, including belonging to civilizational limitrophes.

Globalization, economic, political and cultural disparities complicate the possibility of building a modern geo-cultural space of the Slavic world without its unification. The axiological dimension geoculture represents a field where various schemes, influence each other, including on the dynamics of the space. Spatial schemes have certain semantic charge, helping to create a "force field", affecting nearby areas civilizational space. Geoculture as such is perceived as a system of regulatory bases of activity and its symbolic content.

A. Kolesnikov in the book "Philosophical comparative studies East – West" [4] attempted to present the history of the Slavs, as one of the specific areas of historical and philosophical direction. Geoculture may contain in addition to the economic structure, social relations between members of society, production, distribution, basic ideology – all components of this complex are interrelated, interact and form a single civilizational space.

The first project of globalization can be considered Hellenistic culture with the characteristics of universalism, which formed the basis of European civilization. The conquest by Alexander the great southwest Asia and Central Asia led to the creation of the Hellenistic world. Greek culture is basically prone to universalism was supposed to be shared around the world and interact with other cultures.

The Roman Empire was repeated cultural processes of the Hellenistic world: absorbed Hellenistic and created a global culture, brought to the West a culture of its own principles of morality, law, political consciousness, creating a unified state and legal organization; its characteristic features. Thanks to Roman civilization originated medieval West. Hellenistic civilization did not disappear, though, and ended its development as an organic whole. Hellenism is a unique phenomenon, given the common cultural values in all areas of spiritual and material human activity.

The Byzantine world has its own characteristics: the Greco-Roman and Eastern traditions have left their mark on public life, politics, religion, philosophy and culture. The Byzantine world, differing from the East and West, was at the same time link the two worlds. Byzantium world had a profound impact on the countries of medieval Europe, the distribution of which is from southern Italy and Sicily to the Balkans, the Crimea and the Caucasus.

As suggested by M. Isaev, Russia could finally merge with the Slavs not earlier than the twelfth century. The Russian Truth knows very well Rusina, bringing his Vikings (foreigner) and the Slav. This is a very characteristic feature in the Russian tradition. Typically, the sources of law barbarians reinforcing the legal status of different population groups and ethnic groups differently. Barbaric know the truth a similar differentiation between the peoples of the conquerors and, for example, by the Romans, who continue to live according to the right of the citizens. But what distinguishes the Russian legal as well as cultural-state civilization, of the total number barbaric and

ancient images of Western culture, so this is a rejection of ethnic separateness as a principle of public life [5, p. 139].

East and West were spreading their ideology, culture, religion of life on a global scale. Rome embraced their influence almost all European countries. On the Balkan Peninsula and further North, for the lower over the Danube, as well as in the countries between the Black and Baltic seas, where he founded the Russian state, prevailed Byzantine civilization. The Nations that entered into the field of world-historical process, were distributed between global entities.

The Byzantine world was the kind of picture where geocultural and geopolitical space, being in close contact, led to the actual blending of the secular and spiritual power with the subsequent finding of the Universal ideas of the Eastern Roman Empire, which was confirmed in the letter of Patriarch Anthony Moscow Prince Vasily I (XIV). Byzantine space was largely cosmopolitan: lived on Athos Greek, Russian, Serbian, Romanian monks, and various scribes and translators of the sacred books in national languages has created a chain of effective cultural communication, which permeated the space, fed it and made it more dense.

The Byzantine world was heterogeneous: the periphery differed religious syncretism; the processes of acculturation took place rather slowly, as evidenced by the merge process and the interaction between pagan and orthodox traditions. Geocultural space Byzantium was, in fact, more pliable and flexible than geopolitical space. It continued to function in offline mode and after the fall of the Empire, although the main cultural ties were relegated by the Ottoman Empire to the North of the Balkans and in Russia, within Serbia, Romania and Moldova. This geocultural space had, in contrast to the geopolitical space, the structure, where the internal cultural boundaries was a series of transitional zones. The primary conduit of influence remained the Church. Important role in the formation of the Slavs as the world, played the Church Slavonic language, created for the needs of the cultural periphery, to a large extent contributed to the preservation and conservation of the Byzantine heritage.

Geographical diversity of individual regions, countries and continents makes it almost impossible perception of a single, main way of world development in its civilization, social, political and economic contexts. The way of the world development is a system of coordinated networks, or clusters targeted specific geographic megabrutal, including traditional ideas about the dynamics of geospatial development of certain human communities.

The Slavic world is focused on the convergence of the state and public initiatives Slavic peoples views on creating a life-affirming worldview and practical conduct of his life. The Slavs by nature itself free from the violence of nature, which the peoples of the Romano-Germanic century when the work of civilization could only move from one activity to another.

A. Hilferding [6], analyzing the reasons for loss to the nineteenth century. near the Slavic peoples of statehood, explained this lack of unity, the inability to resist external pressure. Slavs are insufficiently committed to the traditions, weakly rooted in the national soil, the result is easily adopt an alien culture are vulnerable to foreign influence and replace their own life foreign. History has subjected them to the domination of the public started West. Slav in the Czech Republic, in Moravia and Carinthia differs from the

neighbor's German, Slovak, Magyar only language, dress, customs and peculiarities of his character. In public life he was identified with German or Magyar, his ideas about the state and state power, religion – not differ from those adopted in the Western world. Anyway, starting from the XII century Russia acts as the main ideological enemy of Europe.

I. Dusinsky, author of "The Geopolitics of Russia" [7, p. 72], notes that Russian encourages convergence with the Slavs congenital related sense, the consciousness of Slavic unity: the Slavic need Russia and more than Russia needs the Slavs. The future of the Slavic world lies in mutual harmony, unity and understanding common benefits, only political Union can once and for all to protect their land and to give impetus to the wide cultural development.

N. Danilevsky [8] believes that independence without unity weakens the Slavic people, making it the playfield foreign interests and intrigues, arming against each other. Unity without independence will deprive him of his liberty, the breadth and diversity of the inner life.

Our analysis of the sources shows that the majority of researchers of the Slavs consider the problem through the prism of the evolution of European Nations and inherent in this process phenomena, and by analogy transferred to other civilizations. This approach fits into the project system the concept of global problems.

Remaining numerous socio-cultural community, Slavic peoples gained largely different appearance, which confirms the presence in the modern world counter the dominant trends – globalization and national-cultural differentiation. The Slavic world was divided politically, economically, social forces explicitly stable districts.

Slavic countries, and the whole civilized world, has embarked on the road of modernization, which is not an easy choice but a requirement of the time, made a breakthrough in the modern developed economy, rely on new technologies, new socio-economic relations [9, p. 250].

Modernization of the XXI century involves the launch of a comprehensive socio-cultural process in which managerial and technological solutions are subject humanitarian purposes, and humanitarian objectives associated with economic objectives. The question is how to consider these factors in the context of global issues and how to work with them.

References:

- [1] Panarin A. Globalization / Global studies. The encyclopedia. M., 2003.
- [2] Delyagin M. Globalization / Global studies. The encyclopedia. M., 2003.
- [3] Streletskaya N. The geospace in cultural geography. Humanities geography: scientific and cultural almanac. M., 2005.
- [4] Kolesnikov A. Philosophical comparative studies: East-West. SPb., 2004.
- [5] Isaev M. lectures on the history of Russian law and the state. Vol. 1. M.: Moscow State University, 1996.
- [6] Hilferding A. Russia and Slavdom. M.: 2009.
- [7] Dusinsky I. Geopolitics of Russia. M.: 2003.
- [8] Danilevsky N. Russia and Europe. M.: 1991.
- [9] Uzlov Y. Slavic world in the context of geocultural space. The Slavic world and Russia. Krasnodar, 2014.

ART

THE SIGNIFICANCE AND PLACE OF LANDSCAPE PAINTING
IN THE WORKS OF GREAT MASTER BY NICOLAS POUSSIN
OF THE ART OF 17TH CENTURY

L. Mamedova¹

Abstract

The article refers to the meaning and place of landscape painting in the works of the great masters of art by Nicolas Poussin of the 17th century. Landscape painting in 17th century got round development in all major European schools of painting. The article also covers the basics of the method and principles of landscape art and the artist landscape paintings by Poussin are compared with similar sketches of other great masters of landscape painting.

Keywords: Nicolas Poussin, landscape painting, the work of the master, painting, art, artist, painter, "The Seasons".

Пейзажный жанр в XVII веке получил всестороннее развитие во всех ведущих европейских школах живописи. Место человека в мире осознавалось теперь иначе, чем в эпоху Возрождения. Конечно, в разных национальных школах сложились свои системы художественно-образного постижения мироздания. В искусстве Рубенса пейзажный жанр наполнялся могучими жизненными импульсами, приобретая эпический характер и поистине космическую всеобщность. Характерно, что роль фигур в пейзажных картинах Рубенса состоит не в том, какую именно сцену они изображают, а в их сопричастности творческим силам природы.

Если фламандскому пейзажу свойственна эпичность, то в голландских ландшафтных картинах преобладают лирические интонации, интерес к индивидуальному своеобразию мотива, к его конкретным особенностям. По такому пути шли многие голландские мастера, даже большинство их, но отнюдь не все. Искусство Рембрандта - вершина нидерландской живописи XVII века - открывало иные возможности. Хотя он учитывал опыт соотечественников, его пейзаж явился художественным выражением не тихой поэзии повседневности, а мощных драматических конфликтов бытия, той борьбы между человечностью и злом, которая была лейтмотивом искусства великого голландца. (В этом смысле знаменит офорт «Три дерева»). Борьба враждебных стихий в пейзажных произведениях Рембрандта оказывается выражением нравственных коллизий человеческой души. Индивидуальность играет решающую роль и в пейзажных образах голландского мастера. Особенность французского

¹Leman Mamedova, Senior teacher, Nakhchivan State University, Nakhichevan Autonomous Republic.

пейзажа XVII века легче понять, привлекая к сравнению поэзию эпохи. В ней отчетливо звучала тема вечного совершенства природы.

Изучая пейзаж Пуссена, часто увлекались отысканием предшественников и истоков. Основоположником пейзажного искусства XVII века называли Аннибале Каррачи, указывая, что его картины («Бегство в Египет») наделены величием и гармонией. Было бы ошибкой в данном случае игнорировать тот очевидный факт, что пейзажи Пуссена – одна из вершин этого жанра в XVII веке.

Во всех произведениях Пуссена есть одна примечательная общая особенность: действие разворачивается в пейзажной среде. Живописца интересует мотив движения, процессии, показанных не на фоне пейзажа, а как бы в нем самом. Для сцен поэтического характера, такая тенденция вполне закономерна. Интерес к воссозданию природной среды заставляет художника отказаться от разноцветных драпировок, его всецело поглощают оттенки карнации и зеленоватые тени, определяющие своеобразную тональность картины. Нечто подобное мы находим в таких картинах мастера, как «Пан и Сиринга», «Детство Юпитера». В подобных картинах вполне закономерно анализировать мастерство Пуссена как пейзажиста. Уже в 1630-е годы французский мастер создал пейзажные шедевры.

Пуссен считал себя историческим живописцем и всегда работал именно в этой сфере. История и природа в равной мере увлекала художника. Исторические события разворачиваются у него, как правило, в пейзажной сфере, а образы природы дышат историей. В его исторических картинах на всем протяжении творческого пути от ранних рисунков для поэта Марино до композиции «Аполлон и Дафна» пейзаж занимал важное место. Дело не только в том, что образ природы, как правило, соответствовал настроению пуссеновских героев, будучи проникнут то лирической эмоциональностью («Вакханалия с гитаристкой»), то мрачными нотами трагизма («Снятие с креста»), то величественным спокойствием («Триумф Нептуна и Амфитриты»). Дело в том, что существует целый ряд произведений ранней поры, в которых образ природы не только вторит драматическому действию, но как бы определяет его сущность. Содержание картин обусловлено представлением художника о гармонии человека и природы или, как любили говорить в XVII веке, жизни по законам природы и разума.

Пуссен всегда тяготел к скульпторам, и столь же неизменной была его дружба с пейзажистами: из их опыта он извлекал полезные уроки. Но и сам он был одним из крупнейших пейзажистов своего времени, хотя не придавал этому жанру большого значения. И сам Пуссен почти ничего не говорил о своих пейзажах. Встречается сопоставление пейзажных рисунков Пуссена с аналогичными этюдами голландцев – Бартоломеуса Бренберга, Корнелисаван Пуленбурга. Поводом для сближения служат сочные тени отмывки бистром. Но ведь у голландцев и у Пуссена выразительность этого характерного приема различна. Голландцы насыщали тени тональными градациями, для них это имело решающее значение. В рисунках французского мастера глубокие тени несут пластическую функцию и вместе со светлыми участками поверхности листа создают прежде всего ощущение объема в его определенных пространственных отношениях («Вид римской Кампании»).

Если уже говорить о влияниях, - гораздо важнее вспомнить пейзажные фоны Рафаэля, графическую технику Тициана. Но любые сопоставления не должны заслонять главного – новизны образного мира Пуссена, значительности его собственных пейзажных открытий. С этой точки зрения показательно, что творческая близость Пуссена с Клодом Лорреном, общий интерес к природной закономерности и гармонии не лишили каждого из них индивидуальности и своеобразия художественного пути. И все равно различия значительны. В искусстве Лоррена при всем его классицистическом характере большую роль играли необычные, интригующие зрителю сюжетные мотивы: водопады, сумрачные ущелья, заливы с кораблями. Лоррен особенно ценил декоративные возможности ландшафта, любил воссоздавать эффекты освещения, изменчивые состояния природы.

А у Пуссена пространственное решение пейзажей составляет одну из основ их образного смысла. Пуссен широко и свободно разворачивал перспективу своих ландшафтов, умело пользуясь то дополнительными диагоналями, то чередованием уровней почвы, то сменой цветовых зон. Жизнь пространства в его картинах на редкость содержательна, причем художник не прибегал к каким-либо внешним эффектам. Он владел и воздушной перспективой, не только смягчая контрасты, но и умеряя насыщенность цвета. Мастер использует цвет в пейзаже очень многообразно.

Из сказанного напрашивается один очень важный вывод: работа в области пейзажной живописи в конце 1640-х годов уводила Пуссена от жестких схем и обогащала его искусство. «Гроза» - один из самых драматических пейзажных образов Пуссена. Эта картина произвела сильное впечатление на художников и любителей живописи. Пуссен, который никогда не говорил в письмах ни слово о своих пейзажах, оставил ее описание: «Я попытался представить бурю над землей, воссоздавая так хорошо, как только я мог, эффект стремительного ветра, воздуха, наполненного мраком дождя, молний и грома, ударяющих во многие места, повсюду смятение....».

В конце 1640-х, а точнее – в 1648-1651 годах, Пуссен написал много великолепных пейзажей. Из этого факта никакой периодизации получиться не может, потому что мастер обращался к пейзажу всегда, когда испытывал в этом необходимости.

Пейзаж Пуссена чаще всего определяли по тематическому критерию («героический»), с точки зрения стиля («идеальный») или метода («сочинённый»). Не отрицая возможности применения этих терминов, которые отражают тот или иной аспект феномена, подчеркнуть важность определения его сущностных основ. Пейзаж Пуссена является историческим – как по сюжету, так и по своему образному содержанию. Поэтому он органически связан с другим жанром творчества художника. Между двумя жанрами, в которых преимущественно работал Пуссен, не было ни разрыва, ни противостояния. Вот почему многие пейзажи Пуссена не просто населены какими-то фигурами, а имеют своего исторического героя. Это относится, в частности, к двум парным картинам, исполненным в 1648 году: «Перенесение тела Фокиона» и «Пейзаж со вдовой Фокиона». Величественному замыслу соответствует торжественный язык пейзажных форм. В ряду произведений 1648 года – замечательный «Пейзаж с Диогеном». Картина дает не только гармоничный, не только обобщенный,

но и – что очень важно подчеркнуть, – многоаспектный образ мира. Густая темная чаща над ручьем, широкая гладь водоема, открытая низина с извилистой дорогой, могучие скалы, грандиозные строения города – все это соединено в выразительное целое. Пейзаж Пуссена можно приравнять к картине мироздания. Аналогия такой широте пейзажного замысла в западноевропейской живописи XVII столетия, конечно, существовали, но нельзя не признать, что речь идет о редком и выдающемся достоинстве.

К «Пейзажу с Диогеном» близок по структуре «Пейзаж с человеком, убитым змеей», датировка которого не совсем определена. Композиция построена аналогичным образом: могучие деревья, ручей на первом плане, дорога, уходящая в глубину, холм с городскими строениями, озеро в центре картины. Сам пейзажный образ не содержит трагических интонаций.

Но художественным завещанием Пуссена справедливо принято считать цикл «Времена года». Для изображения четырех времен года художник соединил пейзажные образы с ветхозаветными мотивами. (Последовательность исполнения картин цикла неизвестна, как и его творческая история). С предельной полнотой развернута здесь всеобъемлющая концепция мироздания, свойственная пейзажному искусству Пуссена. Его образ природы возвышен над повседневностью, но концентрирует в себе все то значительное, что содержится в реальности. Метод сочинения пейзажа, в котором обычно подчеркивают некую ограниченность, становится равнозначен поэтическому обобщению. При всей своей необыятности природа в картинах Пуссена соотнесена с человеческой мерой. Дело не только в том, что во «Временах года» больше персонажей, занятых делами земными: жатвой, молотьбой, сборок яблок («Лето» и «Осень»). И не только в том, что эти мотивы приобретают необычную жизненную убедительность: жнецы, работающие в поле, женщины, собирающие и уносящие плоды, девушки, готовящие трапезу для жнецов, музыкант, играющий на своей волейке. То, что мастер при этом не стремился к житейской конкретности, показывает следующий пример: молотьбу он представил так, как это делали в древности, опираясь, видимо, на какое-то старинное ее изображение (пять коней, топчущих снопы в «Лете»). Аналогия возвышенного деяния в последнем живописном цикле Пуссена сменяется осознанием смысла человеческой жизни не только в согласии с природой, но и как части самого природного процесса.

Живописное решение «Времен года» тесно связано с предшествующим опытом мастера в пейзажном жанре. Об этом свидетельствуют и многие черты композиции картин. Но заметно и другое: художник последователен в своем стремлении выявить реальные пространственные закономерности. Лучше всего это видно в картине «Лето», где планы строятся в глубину объемами самих природных форм. Конструктивные элементы такого построения – стена несжатого хлеба, упругая линия дороги, ряды скал, уходящие влево к дальним горным хребтам.

В целом же его наследие показывает упорное стремление мастера к совершенству, к постижению закономерностей бытия. Пуссен обладал твердыми творческими принципами и стремился к их теоретическому осмыслению.

В 1650-е годы искусство Пуссена вступило в полосу кризиса, уровень его становился неровным. В поисках объяснений не следует забывать о

болезни, которая в последние годы особенно изнуряла художника. Поражает не столько кризис, сколько способность Пуссена сопротивляться ему и сохранять творческие силы.

Еще современники художника, глядя на его последние пейзажи, высказывали сожаление по поводу его слабеющей руки. Ныне поражает другое: пластическая выразительность мазка, красочной пасты, передающей не только нюансы цвета, но и индивидуальность предметной формы. Мастер находит в себе силы, чтобы сделать еще один шаг: от общей пластической функции краски к ее индивидуализации в многообразной жизни мазка. Новую убедительность приобретают и цветовые градации планов, энергия тональных отношений. «Времена года» действительно являются духовным и художественным завещанием Пуссена, в них заложено предвестие образных и колористических открытий будущих эпох.

References:

- [1] Беллори П. Мастера искусства об искусстве. Т. 3. М., 1967-1970, С. 280.
- [2] Золотов Ю. Пуссен. М.: Искусство, 1988. С. 371
- [3] Poussin N. Letters (Письма Пуссена)
- [4] Якимович А.К. Классицизм эпохи Пуссена. Основы и принципы». М.: Искусствознание, 1978. Вып. 1. С. 178.
- [5] Ротенберг Е.И. Пуссен. Тематические принципы. М.: Искусствознание, 1979. Вып. 2. С. 169.
- [6] Художественная галерея. Полное собрание работ всемирно известных художников «Пуссен». Де Агостини. М., 2007. С. 42.

PHILOLOGY

ETYMOLOGY OF MANY ANTHROPONYMS OF MODERN KAZAKH LANGUAGE AND ANTHROPONYMS OF OLD KIPCHAK LANGUAGE

B. Kopbossynov¹, S. Boranbaev², A. Meirbekov³, B. Kulzhayeva⁴

Abstract

One of distinctive features of the Kazakh language is examined in this article, consisting in synharmonism. Its preposition is underlined in the process of communication. At the same time on the basis of the done analysis it is specified that synharmonism submits to conformities to law of synchronicity of vowels and consonants as well.

Keywords: etymology, Kipchak language, Turkic, Kazakh nation.

The outlook, traditions, beliefs, household way and written petroglyph heritage of medieval Kipchak are the most valuable source for definition of etymology of many anthroponyms of modern Kazakh language. In this article we raise a question of the solution of the problems concerning anthroponyms, ethnonyms and ethnotoponyms of the Kazakh onomastics by means of definition of etymology of onomastics system of old Kipchak language.

Now the idea of cultural and language continuity of old kipchak names in the Kazakh onomastic system is actual and proving deep historical continuity of language ethnogenetics, we think that came to expand time of representation about the kipchak of the Middle Ages as comparative researches of regularities of development of kipchaksky and modern Turkic languages demand the weighed approach to century history of Kazakh language.

During the research anthroponyms ethnonyms and ethnotoponym are at the forefront, it is necessary to set the historical and Etymology analysis and comparative – historical methods, as well as scientific induction and deduction, traditionally used in the etymological research. Determination of the etymology of the ancient Kipchak anthroponyms and ethnonyms is the key to unraveling the history of ethnogenesis language of medieval Kazakhstan, which in turn helps to solve some of the issues of Ethnology

¹Bekzhan Kopbossynov, Candidate of Ph.D., South Kazakhstan State University named after M. Auezov, Kazakhstan.

²Sandybaev Boranbaev, Ph.D., Associated Professor, South Kazakhstan State University named after M. Auezov, Kazakhstan.

³Akylbek Meirbekov, Ph.D. Doctor. South Kazakhstan state pedagogical institute, Kazakhstan.

⁴Botagoz Kulzhayeva, Candidate of Ph.D., Kazakhstan, South Kazakhstan State University named after M. Auezov, Kazakhstan.

and Turkic. Historical and comparative research approach of the language of medieval kipchak written monuments and studying the etymology of old kipchak names and names of ethnic groups will help to determine the linguistic relations between the medieval Kipchaks and ethnogenetic connection with modern Kazakhs, and will give an opportunity to recover the historical continuity.

At the same time at research of antroponyms of old kipchak language the main attention should be paid to the review of history of research of anthroponyms of old kipchak language where it is necessary to enter comparison of model types of anthroponym of East Desht-i-Kipchak and the Polovtsian names, the names which developed on the basis of ethnonyms, nicknames and names of totems, thus showing that anthroponyma of polovets were closely connected with their title, the related political, social and economic relations by clarification of their etymology and at the same time proving that the revealed of ancient Kipchaks anthroponyms were a basis of formation of the Kazakh names. Thus demonstrating that Polovtsian anthroponymy were closely related to their title and relative, political, social, economic relationships by clarifying their etymology and at the same time proving that identified old kipchak anthroponyms were the basis of the formation of the Kazakh names. Here it is important to note that, the elucidation of the formation ways of ethnonyms and nicknames of old kipchak language by division of Polovtsian names on lexical-semantic groups, based on scientific studies about language sources should be made on the verbal basis – the main grammatical difference between these anthroponyms from names of other Turkic languages.

The etymology of the Kumano-Polovtsian anthroponyms was thoroughly studied by the Soviet Türkologists, while the topic about names of the East Dasht-i-Kipchak still not affected. Therefore, the penetration of the social basis of personal names, the study of linguistic roots of Kipchak names of East Dasht-i-Kipchak and medieval Khorezm state is today's actual problem and has an acute need for research.

In adequate study of ancient monuments of our people has led to a merger with the "newly created written" people and it became a historical fact. The root cause of this situation was the union ideology, the political purpose to repayment the national identity.

Hostage of this ideology is a generation who, deeply indifferent with their history and culture. This indifference bitterly noted Nursultan Nazarbayev: "The influence of alien ethnic cultures has led to the marginalization of some of our Kazakh people, who have absolutely no idea of their true history" [1, 58].

It is impossible to plan the future, without researching the past history of the nation. The history of the nation is not only in the cultural material sources, also extant national, cultural and spiritual terminology of that period, which have been preserved in the language sources. In this regard, the history of the appearance of old kipchak language anthroponyms, which are comprehensively considered in the onomastic and etymological aspect, in comparison with the Kazakh language, makes it possible to draw conclusions about the origin of many personal names and ethnonyms, where the roots of them lie on the names of totems. Ethnicity, who was the head of state and called Turkic Khanate, as part of the Middle Ages Kipchaks were called "bori totemdi Taipa" or "elbori" and reached predominating tribe.

The results of this huge work will help to solve number of problems of the ethnogenesis of the medieval history of Kazakhstan, which in turn play a role in Ethnology and Turkic studies. They can also be used for reading special courses on general onomastics and etymology, lectures, in the preparation of anthropological and etymological dictionaries and textbooks.

There is no doubt that today's subject of increased interest of national and world history is the formation of Turkic personal names. Also, their definition will be a significant contribution to the Turkic onomastics. It is not a secret that, up to this day studies on personal names were the prerogative of foreign scientists. However, from the point of view of understanding of national features, traditions, language problems ideas of Turkic language carrier scientists, undoubtedly, more conclusive, since they are based on scientifically accepted undeniable fact that exactly the Kazakh nation is the spiritual heir and linguistic Kipchaks who lived in the Middle Ages.

Before defining the historical roots of old kipchak names origin, take a look at the research historiography. The first "pioneer" in this list became Dictionary M. Kashgari "Diواني lugat-at-Turk". In this dictionary there are 73 names. Some of the names, according to Kashgar are just male names, while others are the names of the Khans, true warriors and known poets. In his work, he also explains the meaning of the names of days of a week [2].

Since the XIX century, the etymology of anthroponyms of Kumano-Polovtsian was studied by famous Russian Turkologists and Orientalists, L.Z. Budagov, B.B. Radlov, I. Dobrodomov, K.Gronbich, N. Baskakov, S. Pletneva and others. Also, in late twentieth beginning of the XXI century Kazakhstan Türkologists B. Mahpirov, M.E Alimbaev and others researched too [3; 4].

In his "Comparative dictionary Turkish-Tatar adverbs" L.Z Budagov gave a scientific explanation of the history of several names of Kumano-Polovtsian origin. However, he gave only linguistic comments on the name "Aydar" and on the history of the origin of names "Alak, Barak, Kobyak-Kobek" [5,183].

One of the first researchers of the origin history of the Polovtsian names turcologist V.V. Radlov in his 4-languid work "The experience of dictionary of Turkic dialects" gives several Polovtsian names: Emyak, Coban, Samogur, Tugortak-Tugorkan, with an explanation of their meaning [6]. According to other Turkic researchers, V. V. Radlov gave the best scientific and reliable explanation to above names without referring stories of polovtsian names.

Soviet Turkologists considered Kipchak onomastics without relationship with ideology, ethnopsychology and mental characteristics. This inevitably led to one-sided conclusions. The realities of today require look at the history of occurrence of the Polovtsian names in the context of ethnogenesis. In our opinion, this will lead us to the continuity of old-kipchak and modern Kazakh names. It cannot be determined only by lexical-semantic analysis and systematization; you must pay close attention to social factors – ethnic groups and social groups of the Polovtsian community. Taking into account this effect, we will be able to more accurately find out the origin of the Polovtsian names in the etymology where ethnonyms, nicknames, names of totems are present.

Comparing Polovtsian names etymology, it is possible to reconstruct the history of occurrence and characteristics of the Polovtsian anthroponyms in later Turkic period, reasonable reliance on the social factor.

Examining the language of the ancestors, we define the degree of

closeness of the relationship of material and spiritual aspects of their lives. In this regard, Professor K. Musayev said this: "When we say that language is a storehouse of history of the people – its carrier primarily refers to the lexicon, which directly responds to the all changes in the lives of the nation. Neither the phonetics or grammar cannot show us the living conditions of the people, as the vocabulary".

From generation to generation passing the public and social experience, spiritual wealth as a national heritage, people create material and spiritual culture of society. Rethinking the facts of human history, learning and absorbing the invaluable experience of generations, new members of the community have the opportunity to further develop at a higher level. Traditional ways of the people, positive character traits, especially the national worldview, aesthetic perception and psychology – all periods of national development can be found in the language of the written heritage. Old kipchak language, during its former prosperity Turkic language, was spoken in the community, was office language and the language of international communication. Already at that time "Kipchak language" had a wide area of distribution and experienced many historical and social upheaval. There is no it is classified as a dead language, but kipchak language is the foundation of kipchak language groups such as Kazakh, Karakalpak, Nogai, Tatar, Bashkir, Kumyk, Karachay, which are currently raised to the level of independent national languages [7].

It is also indisputable that the linguistic point of view on anthroponymy used in the Middle Ages, has played a significant role in the turkology, as a science in identifying ways of formation and development of the literary language history, areas constituting the history of language – historical phonetics, historical grammar, syntax, historical, historical lexicology.

It seems to us, the study this character, based on comparative work with anthroponyms, though raises doubts among turkologists of Eurasian continent, yet it could be solved. Anthroponymy related Kipchak languages should be investigated by comparative-historical method, combined with modern Kipchak language materials, capturing the ancient Turkic language examples, examples of modern language of Turkic languages, through synchronous description, as well as historical and diachronic aspect.

For theoretical and methodological foundations of the study should be used monographs and articles of domestic and foreign scientists in the field of Turkic studies, recent theoretical and methodological achievements in modern Turkic philology, which will expand the topic more fully clarifying the ethno-linguistic and etymological continuity of language formation relating to the Kipchak group [8, 123].

A distant scientific value of this work we see in consideration of the close relationship of historical grammar and historical lexicology of the Kazakh language, coupled with the problems of Turkic studies. The additional use of materials from groups related to Kipchak languages and linguistic comments made at comparative aspect, meet the requirements of traditional Turkic studies, but modern, unconventional approach prejudge the relevance of the new vision at the present stage of development of science.

In the study it is necessary to make an attempt change the angle of view of the peculiarities of language development related Turkic peoples, to reassess the structure, the cognitive value of the remaining pearls of the word, making full use of the comparative method study philosophy, culture,

way of life, the spiritual riches of the Turks, to reveal the nature of linguistic phenomena by studying anthroponyms in the languages of kindred peoples of the Kipchak group, taking into account differences in the historical development of ethnic groups.

References:

- [1] Nazarbayev N. A. "On a history crest". Almaty. Atamura. 1999. P. 58.
- [2] Kashkari M. "Turkish dictionary". Almaty: Khant, 1997-1998. T. 1,2,3.
- [3] Makhpirov V.U. "Names of far ancestors". A., 1997.
- [4] Alimbayev M.E. XIV-XVcentures. "Eskyi kipshak antroponimderi". Manuscript., Almaty, 2010. P. 128.
- [5] Budagov L.Z. "Comparative dictionary Turkish-Tatar adverbs" SPb., 1869. T.1; SPb., 187. T.2. P. 183.
- [6] Radlov V.V. "Experience of the dictionary of Turkic adverbs". SPb., 1893. T.1; 1899. T.2.
- [7] Kuryshzhanov A.K. Research on lexicon "Turkic-Arab dictionary". Almaty, 1970.
- [8] Sabyr M.B. "Work of lexicon of middle Turkic and Kazakh languages" (on a written monument of XIV of century). Almaty, 2004.

THE CONCEPT OF BILINGUALISM

*S. Sapieva¹, M. Meretukova²**Abstract*

The article deals with the concept of bilingualism (bilingual). Considerable attention is paid to the problem of bilingualism. The study of the concept of bilingualism (bilingual) has great scientific and practical importance in the study of Russian language as a foreign.

Keywords: bilingualism, linguistic problem, psychology, study, native speaker.

Впервые к вопросу описания билингвизма с различных точек зрения обратился Е.М. Верещагин. «Для методики обучения русскому языку как неродному не могут не быть интересны эти изыскания. Если цель педагога – найти, обосновать кратчайшие и эффективные пути обучения новому языку, то он непременно проявляет интерес к наработкам психологии, психолингвистики, этнопсихологии, этнолингвистики в области обоснования сути двуязычия» [1, с. 5].

Проблема двуязычия – одна из важнейших социолингвистических проблем современности. В литературе еще нет общепринятого определения этого явления. Многие лингвисты считают неправомерным ставить вопрос о разных аспектах исследования билингвизма, поскольку двуязычие – чисто психологическая проблема. По мнению других, эту проблему надо считать однозначно только лингвистической. Третьи исходят в определении двуязычия из общественной функции языка.

Существует два разных подхода к понятию «билингвизма» в лингвистике. Представители первой группы (О.С. Ахманова, Ю.А. Дешериев, В.А. Аврорин и др.) трактуют билингвизм как владение двумя языками – родным и вторым. При этом авторы делают акцент на то, что двуязычие начинается тогда, когда уровень владения вторым языком приближается к уровню владения первым. В то же время Ю.А. Дешериев признает, что знание второго языка может отличаться от знания первого и что абсолютно идентичное владение двумя языками крайне редкое явление и разделяет билингвизм на полное владение обоими языками в совершенстве и процесс развития билингвизма, и изучение второго языка. В.Ю. Розенцвейг, У. Вайнрайх, М.М. Михайлов, Ю.А. Жлуктенко, которые являются представителями второй группы, придерживаются более широкого понимания билингвизма – как умение или способность пользоваться средствами двух языков в различных сферах общения (бытовой, научной и т.п.). В.Ю. Розенцвейг определяет билингвизм как владение двумя языками и регулярное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения или владения двумя языками и их попеременное употребление в зависимости от условий языкового общения. М.М. Михайлов значительно расширяет понятие билингвизма, опре-

¹Saida Sapieva, Candidate of Philological Sciences, Assistant, Adyghe State University, Russia.

²Marieta Meretukova, Senior Lecturer, Adyghe State University, Russia.

деляя его как способность индивида или нации (либо ее части) общаться на двух языках. У. Вайнрайхом под билингвизмом понимает практику попеременного владения двумя языками. По мнению Ю.А. Жлуктенко, данное определение является наиболее удачным лингвистическим определением билингвизма, поскольку оно указывает на важнейшую черту этого явления – функционирование двух языков в процессе общения одних и тех же индивидов. Таким образом, все авторы выделяют одну и ту же основную лингвистическую проблему билингвизма – характер взаимодействия структур контактирующих языков, но в качестве важнейших моментов этого взаимодействия указывают на различные его аспекты. Другими словами, при определении билингвизма правомернее ориентироваться на основной, наиболее общий его признак – умение человека, народа или части его, так или иначе, использовать два языка в речевой коммуникации. Итак, билингвизм – это «способность отдельного индивидуума, или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [4, с. 5].

В процессе развития билингвизма неродной язык воспринимается через призму родного языка, в его рамках и категориях. Данное явление давно привлекло внимание ученых и названо по-разному: Бодуэн-де-Куртенэ, В.А. Богородицкий называли «смещением языков», Л.В. Щерба – «смешанным двуязычием», В.А. Абаев – «субстратом». В более поздних работах это же явление получило название интерференции, под которой понимается отрицательное влияние родного языка на усвоение неродного языка. «Для решения проблемы предупреждения и преодоления возможной интерференции ученые предлагают: моделирование явлений интерференции, анализ структуры обоих языков, их элементов и взаимодействия в различных плоскостях: стилистической, фразеологической, лексико-семантической, морфологической, синтаксической, фонетико-фонологической» [2, с. 17]. В данном случае наиболее важным признается исследование феномена интерференции в указанных плоскостях; влияние второго языка на родной, родного языка на второй язык, интерференция языка в речи (Ю.А. Дешериев, И.Ф. Протченко). Влияние лингвистических закономерностей развития билингвизма и разработка рекомендаций для общественной практики на основе средств и методов лингвистического анализа (Ю.А. Жлуктенко). Описание структур и систем контактирующих языков и выяснение тех их различий, которые создают трудности для синхронного владения обоими языками, что позволило бы преодолеть проявление интерференции, указать двуязычным индивидам на их отклонения от норм в каждом из языков, связанные с их двуязычием (У. Вайнрайх).

С точки зрения психологии в проблеме билингвизма важно выявление этапов, периодов развития двуязычия, особенно в условиях обучения второму языку в школе, т. е. при искусственном способе обучения языку. Как правильно отмечают Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко, главной задачей психологического аспекта исследования билингвизма является рассмотрение интерференции в собственно-психологическом плане. Это значит – дать соотносительную характеристику лингвистических категорий, понятий, закрепленных в языковом сознании носителей двуязычия; особенностикрепления в памяти, осмысления, слухового (в речи) и зрительного (на письме) восприятия двуязычным коллективом или отдельным лицом признаков особенностей категорий и понятий, специфиче-

ских для второго языка, но отсутствующих в их языковом сознании как носителей первого языка [3, с. 63].

References:

- [1] Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007.
- [2] Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ю. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. М., 1972. С. 28.
- [3] Джандар Бетти Махмудовна. Теоретические основы обучения иноязычной монологической речи в условиях адыгейско-русского билингвизма (Английский язык, средняя школа): дис.... д-ра пед. наук: 13.00.02: Майкоп, 2002. 393 с.
- [4] Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М.: Наука, 1969.

FORMATION OF THE ACADEMIC GENRE VALEDICTORY SPEECH

*M. Sukhomlina*¹

Abstract

The article gives a complex description of one of the oral academic genres – the genre of valedictory speech. A genre is described as a standard, socio-determinate and socially-oriented form of presentation of cognitive and communicative activities. The main purpose of the genre under consideration is to thank, to praise, to motivate, to touch the feelings, to cheer up and to say good-bye at the same time. The genre is strictly structured and has certain characteristics such as dynamism, dialogism and some others.

Keywords: academic discourse, academic genre, communicative modus, genre of valedictory speech, genre structure, characteristic features of a genre.

Академическая коммуникация осуществляется в стенах университетов, университетских колледжей и академий. Университет как феномен современного социокультурного развития представляет собой особую, относительно автономную и замкнутую среду. Он является не только формой организации процесса производства и получения знания, но и сложным социальным организмом, сложившимся ещё в эпоху Средневековья. Университет – это сообщество, которое объединяет разные статусные и возрастные группы, что делает возможным передачу традиции, реализацию преемственности. Социокультурную идентичность университета как общественного института формирует его исконная ответственность за сохранение и развитие чистого академизма. Главная цель совершаемых в рамках академического дискурса коммуникативных действий состоит в том, чтобы путём «упаковывания» универсального знания средствами современного национального языка формировать пространство интеллектуальной коммуникации. Академический дискурс выступает той частью университетского дискурса, которая обслуживает образовательный и исследовательский процесс в чистом виде, вне множества различных организационных, воспитательных и т.п. ситуаций взаимодействия основных типов участников академического дискурса – преподавателей и студентов. Совершаемые в рамках жанров данного дискурса коммуникативные действия – лекция, семинар, экзамен, консультация и т.д. – реализуют свои социокультурные характеристики в зависимости от многих факторов, и одним из самых важных является полярность выполняемых студентами и преподавателями программ [1]. Задачей данной статьи является комплексное описание жанра «прощальная благодарственная речь» в подязыке современной англоязычной академической коммуникации.

¹Marina Sukhomlina, PhD in Philology, associate professor of the Chair of English Philology, Southern Federal University, Russia.

Жанры академического дискурса могут рассматриваться как нормативные, социально-детерминированные и социально-ориентированные формы презентации познавательно-коммуникативной деятельности, коммуникативные цели которых определяют структурно-композиционные особенности, а также отбор и использование чисто языковых средств [2].

В данной статье под академическими жанрами будем понимать совокупность жанров, возникших и развивающихся в рамках университетской деятельности (или академической среды).

По коммуникативному модусу в академическом дискурсе выделяются устные, письменные и смешанные, или гибридные, жанры, в рамках подготовки и презентации которых задействована и устная и письменная речь. В последние десятилетия возник ещё один модус существования текста – электронный.

Особенностью академического дискурса является то, что в нём пересекаются учебно-педагогический академический дискурс, или *instructional-pedagogical academic discourse*, и исследовательский академический дискурс, или *research-oriented academic discourse*. Благодаря этому факту язык академической коммуникации представлен тематическим разнообразием жанров, ведь в университете преподаватель одновременно выполняет две функции: преподавателя и учёного [3].

Выделяют три основных уровня академических жанров:

1) жанры, используемые в учебной аудитории, или *classroom genres* (например, *lecture, seminar, tutorial, interview, students' presentation, exam*);

2) институциональные жанры, или *institutional genres* (например, *academic year opening lecture, commencement address, prize acceptance speech*);

3) исследовательские жанры, или *research genres* подразделяются на жанры конференции или *conference genres* (например, *plenary lecture, paper presentation, poster presentation, colloquium, seminar, research meeting*) и другие исследовательские жанры (например, *PhD thesis defence, master thesis, presentation, research project*) [4].

Академический жанр *valedictory speech* (его также называют *graduation speech, commencement address*) относится к числу институциональных жанров. Термины *valedictory* и *valedictorian* возникли в английском языке от латинского «*valedicere*», что означает *formal farewell* («официальное прощание») [5]. По модусу общения – это устный жанр, который определяется как:

1) заключительная или прощальная речь, или обращение, особенно то, которое произносится на выпускной церемонии;

2) речь или обращение, произносимое на церемонии присвоения учёных степеней и вручения диплом в американских колледжах или семинариях одним из выпускников.

Выступление с прощальной благодарственной речью на церемонии окончания университета имеет долгую традицию, природа которой со временем изменилась. В прошлом, когда группы студентов были малочисленные, существовала традиция, в рамках которой каждый выпускник выступал с высокопарной речью с целью продемонстрировать присутствующим статус учёного (образованного) человека. Однако, когда размер выпускных групп увеличился, стало гораздо сложнее находить

время на то, чтобы каждый студент демонстрировал своё ораторское искусство. Наступил переходный период, во время которого только часть выпускников сохранили возможность выступить с благодарственной речью. В 1878 г. в университете Мичигана (the University of Michigan) решили отменить выступления студентов на торжественной церемонии окончания и заменить их речью выдающегося оратора. Постепенно этот опыт распространился на остальные университеты. Кого именно считать выдающимся оратором, выбирал каждый отдельно взятый университет. Многие давали право выступления ректору или бывшим выпускникам, достигшим определённых успехов. В XX веке появилась модная тенденция приглашать выступить с речью известных людей, таких как местных руководителей и политических деятелей. В последние годы на выпускной вечер приглашают знаменитых людей в широком смысле слова, например, музыкантов, актёров телевизионных деятелей. Тем не менее, в большинстве британских и американских университетов почётную миссию выступления с прощальной благодарственной речью по-прежнему выполняет лучший выпускник.

K.H. Gault и B.F.A. San Marcos справедливо отмечают, что мы живём в динамичном обществе, ситуация в котором постоянно меняется и, как следствие, каждое поколение выпускников университета несколько отличается друг от друга. Поэтому ожидается, что последние напутствия молодым людям, вступающим во взрослую жизнь, также со временем будут претерпевать изменения. Отсюда, вслед за вышеупомянутыми авторами, приходим к выводу, что жанр *valedictory speech* динамичен [6].

Valedictory speech призвана быть вдохновенной и убедительной. Основная цель этой речи – поблагодарить, похвалить, мотивировать и стимулировать к дальнейшим достижениям, оказать воздействие, затронуть чувства, поднять настроение и, одновременно, попрощаться. Безусловно, благодарственная речь должна быть заранее подготовлена и иметь чёткий план. Продуманная структура позволяет аудитории следить за ходом мысли выступающего. Здесь уместно воспользоваться приёмом повтора, который облегчит восприятие слушателями.

Благодарственная речь имеет чёткую структуру. Она включает три части: вступление, основную часть и заключение, каждая из которых обладает своими особенностями. Если уместно, речь можно начать с цитаты или словесного образа (словесной картины). Например,

Weeks ago, I had a nightmare wherein I had completely forgotten to write my valedictory and almost slept through Encaenia altogether. But, luckily, in the nightmare, after some smooth maneuvering of the limousine (sent by the university to ensure my immediate arrival) and driven by a slightly deranged Jude Law I showed up just in time and with the perfect speech, written on the back of a cereal box. Somehow in my seven-minute drive I had managed to mix just the right amount of reminiscence and humour, schmaltz and inspiration [6].

Так как выступление имеет определённую цель, во вступлении необходимо обозначить все пункты, которые планируется раскрыть в основной части. Во время составления речи следует учитывать целевую аудиторию, её возраст и статус. Выступающий является частью этой аудитории, вместе с которой переживал те или иные события и добился конкретных достижений. Желательно об этом упомянуть. Накануне написания речи выпускники могут собраться группой, провести мозговую атаку

и вспомнить самые яркие и знаменательные события, произошедшие за годы обучения.

В основную часть рекомендуется включить следующие пункты:

1. Прошлое (воспоминания о прошлых событиях, связанных с годами учёбы, испытаниях и достижениях лично выступающего и его однокурсников). Например,

I remember quite vividly when I first became "conscious" of the University of the West Indies; the day I knew I wanted to attend the UWI. As a young boy, I recall a summer visit by a UWI, Cave Hill Campus student. I recall how bright and successful he seemed. To my recollection, he excelled in every step of his academic progression. I remember thinking of how good it would be if I were so bright, if my name would one day be spoken with the same pride that his name was [7].

2. Настоящее (получение степени, торжественный момент, начало новой, взрослой жизни). Например,

The certificates, diplomas, and degrees we received today, are therefore, in and of themselves, not an end, but the means to open yet another chapter for us and for those who succeed us... As graduates, we become ambassadors of change. I urge you to know and live up to the UWI's pledge of excellence, of social and professional responsibility [8].

3. Будущее (планы и перспективы на будущее). Например,

Some of us will go on to grad school, some of us will travel, some have fantastic jobs lined up (lucky sons a..), and some will very well end up back here teaching. The future is far too uncertain for me to tell all of you that you will be successful, or happy, or destitute [7].

Окончание университета – это очень эмоциональное время, пора расставания с университетской жизнью, студенческими друзьями, надежды на построение успешной карьеры. Благодарственная речь должна быть искренней; опыт, полученный за университетские годы, не должен приукрашиваться. Необходимо отразить в речи то, что думают о полученном опыте остальные выпускники, какие у них желания и интересы. Обязательной частью *valedictory speech* является выражение благодарности профессорско-преподавательскому составу, ректору и его заместителям, декану факультета и всем остальным людям, которые были вовлечены в студенческую жизнь выступающего на всех этапах обучения в университете. Это сделает благодарственную речь более значимой и торжественной. Стилль речи должен быть дружелюбным, тёплым, выразительным и эмоциональным. Употребление избитых клише лишает речь искренности.

Наряду с динамичностью, описываемому жанру присуща диалогичность, так как прощальная благодарственная речь представляет собой опосредованный диалог. Несмотря на то, что выступающий обращается к большому количеству слушателей, его речь имеет конкретного адресата. Например, *Professor E. Nigel Harris, Vice Chancellor; Members of the Senior Administration of the University of the West Indies; Honorary Graduates; My Fellow Graduates; Families and Friends of the Graduating Class; Distinguished Ladies and Gentlemen* и т.д. [8].

Церемония по поводу окончания университета является официальным событием, поэтому в речи следует избегать разговорного и, тем более, непринуждённого тона. Выступающему следует предпринять попытку придумать инновационные подходы к составлению речи, которые по-

могут ему завладеть вниманием аудитории и надолго оставить приятные впечатления от выступления.

Подытоживая всё сказанное выше приходим к следующему выводу. *Valedictory speech* представляет собой устный жанр академического общения, хотя на стадии подготовки задействована письменная речь. Это восторженная, эмоциональная речь, адресованная руководству университета, преподавателям, одноклассникам и всем присутствующим. Прощальная благодарственная речь имеет логическую структуру и выстраивается по определённым правилам.

References:

- [1] Митягина В.А. Коммуникативные действия в академическом дискурсе: социокультурная характеристика. Известия ВГПУ, 2008. С.13-16.
- [2] Костенко В.Г., Сологор И.Н., Знаменская И.В. Жанровые параметры объективации категории интердискурсивности в дискурсе стоматологии. *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн.* 2014. №5 (7). Режим доступа: URL:<http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1300> (дата обращения: 14.07.2015).
- [3] Bellés-Fortuño B. Spoken Academic Corpora Applied to Language Teaching and Research: Towards a Multimodal Approach. *Universitat Jaume I*. PP. 907-919.
- [4] Fortanet, I. (2005): "Honoris causa speeches: an approach to structure", *Discourse Processes*, 7 (1). PP. 31-51.
- [5] Fleming G. How to Write a Graduation Speech. Crafting the Valedictory or the Inspirational Speech. Режим доступа: homeworktips.about.com/.../speechclass/.../vale... (дата обращения: 22.05.2016).
- [6] Gault K.H., San Marcos B.F.A. The Development of a Genre: Commencement Addresses Delivered by Popular Cultural Icons Thesis, Texas December? 2008.
- [7] University of King's College. Liz Johnston's Valedictory Address. Режим доступа: <http://www.ukings.ca/liz-johnstons-valedictory-address> (дата обращения: 20.06.2016).
- [8] Graduation 2010. Valedictorian Speech. Режим доступа: <http://www.open.uwi.edu/graduation2010/valedictorian-speech> (дата обращения: 20.06.2016).

PEDAGOGICAL SCIENCES

SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRAINING AS A MEANS OF FORMATION
OF MULTIETHNIC COMPETENCE OF THE CLASS TEACHER**K. Shalaginova¹*DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/03*Abstract*

The article presents the experience with the class teacher in the multicultural educational environment. Socio-psychological training is regarded as the most effective means of formation of multiethnic competence of the class teacher

Keywords: socio-psychological training, a classroom teacher, multi-ethnic competence.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-16-71005 а/Ц

В качестве основного метода работы по формированию полиэтнической компетентности классного руководителя нами используется социально-психологический тренинг (СПТ).

Социально-психологический тренинг – это активное социально-психологическое обучение, характеризующееся обязательным взаимодействием обучаемых между собой (Ю.Н. Емельянов); средство психологического воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений, опыта в области межличностного общения (Л.А. Петровская).

В широком смысле под социально-психологическим тренингом понимается практика психологического воздействия, основанная на активных методах групповой работы. При этом подразумевается использование специфических форм сообщения знаний, обучения навыкам и умениям в сферах общения, деятельности, личностного развития и коррекции [1]. СПТ получил широкое распространение в первую очередь как составная часть подготовки специалистов различного профиля: руководителей, педагогов, врачей, психологов, социальных работников и т.д.

В общем виде, рассматривая цели СПТ, в современной практике принято говорить о повышении коммуникативной компетентности личности за счет приобретения психологических знаний, внешне выражаемых умений общения, коррекции коммуникативных установок, адекватного восприятия себя и других в ситуациях общения, развития и коррекции

¹Ksenia Shalaginova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Tula state pedagogical University L.N. Tolstoy, Russia.

личности, ее глубинных образований, решение личностных экзистенциальных проблем.

При этом, общая цель СПТ конкретизируется решаемыми в процессе его реализации задачами. Речь идет об ориентировке на приобретение и развитие специальных навыков, например, умения вести деловую беседу, решать межличностные конфликты и т.д., либо углублении опыта анализа ситуаций общения, например коррекция формирования развития установок, необходимых для успешного общения, развития способности адекватно воспринимать себя и других, анализировать ситуации группового взаимодействия.

В своем исследовании при выстраивании программы тренинга мы использовали следующие методы, широко используемый в настоящее время в мировой практике.

1) дискуссионные методы, позволяющие личности учиться становиться на точку зрения другого, развивать инициативу, способствующие повышению мотивации и эго-вовлечённости участников в решение обсуждаемых проблем. Кроме того, дискуссия даёт эмоциональный толчок к последующей поисковой активности участников;

2) игровые методы, дающие возможность участникам тренинга «увидеть» то воздействие, которое оказали его решения на будущие события (операционные игры), либо «проиграть» ситуации, релевантными тем случаям, которые характерны для реальной деятельности и ставят перед необходимостью изменить свои установки (ролевые игры – именно этот вид игр лёг в основу метода, разработанного профессором М. Форвергом и названного им социально-психологическим тренингом;

3) психодрама, – разыгрывании определённой ситуации, включающей так называемого протагониста (основное действующее лицо, чьи конфликты предстоит разрешить) и других действующих лиц;

4) сензитивный тренинг – стремление к максимальной самостоятельности участников, основан на актуализации чувств и эмоций, а не интеллекта, основным средством стимуляции группового взаимодействия о выступает феномен отсутствия структуры. Группа тренинга сензитивности не имеет очевидной цели. В ходе сензитивного тренинга участники включаются в новую для них сферу социального опыта, благодаря которой они узнают, как они воспринимаются другими членами группы, и получают возможность сравнивать эти перцепции с самовосприятием.

Мы разделяем положение отечественных практиков о том, что эффективность тренинга во многом зависит не только адекватности осуществляемой тренером диагностики, но и от того, насколько большим арсеналом средств он обладает для достижения той или иной цели. При этом, сразу стоит обратить внимание, что работа тренера по готовой программе, вовсе не означает, что он не меняет его направленности или назначения. Каждая тренинговая группа обладает уникальным составом и опытом участников. Отсюда возникает задача доопределения, доработки его целей и задач, исходной корректировки содержания.

По ходу реализации программы тренинга ведущий:

1. Руководит работой участников, т.е. задает программу обучения, правила, цели, задачи, осуществляет методическое обеспечение занятий.

2. Оказывает экспертную помощь участникам с целью объективно оценить свое поведение, наглядно показать, как оно действует на дру-

гих. Экспертиза может осуществляться через предоставление информации по проблеме и через анализ происходящего.

3. Проводит анализ, обобщение и осуществляет комментирование событий, происходящих в группе. Комментарии могут носить характер:

а) наблюдений, которые ведущий преподносит не от себя лично, а в виде описания деятельности группы без выражения собственных чувств и оценочных суждений;

б) перечисления и классификации происходящего в группе с использованием соответствующего понятийного аппарата;

в) гипотез, в которых как бы предполагается, что в группе может произойти почему.

4. Посредничает в организации и управлении групповыми процессами. Когда группа испытывает затруднения, ведущий может вмешаться, используя методы психологического воздействия.

5. Ведущий задает и выступает как образец поведения для участников. Искренность в выражении чувств, участие в процедурах вместе с группой.

Ведущий отвечает за обеспечение психологической безопасности участников, гарантирует своевременную и бесплатную психологическую помощь членам группы, если их проблемы и состояния обострились под влиянием процессов, происходящих в группе, процедур, предусмотренных ходом тренинговой работы. В силу вышесказанного тренеры работают в паре либо как равноправные партнеры, либо как ведущий и ассистент. Каждый из них держит под наблюдением свою часть круга или группы, при необходимости покидает групп и приступает к индивидуальной работе с нуждающимися в психологической помощи. Если негативная динамика изменения состояний участников сохраняется за границами тренинга, например, обострение наступает в последующую неделю или две, то и тогда члены группы вправе обратиться к тренеру за помощью и поддержкой. (Особенно это важно при проведении личностно ориентированных тренингов, которые могут существенно отразиться на личной жизни и карьере участников, привести к кардинальной перестройке их межличностных и деловых отношений, развитию невротоподобных состояний).

К компетентности ведущих тренинговых групп предъявляются достаточно высокие требования. Это профессиональная психологическая подготовка, предполагающая умение осуществлять психологическую диагностику, умения организовывать работу в группе, управлять групповыми процессами, осуществлять консультативную и психотерапевтическую помощь, это методическая подготовка, включающая знание технологий проведения разного рода тренингов, умений разрабатывать и корректировать программу тренинга, просвещенность в отношении процессов и явлений, активизирующихся включением участников в работу группы, направленную на достижение той или иной конкретной цели. Поэтому человек, который работает в качестве тренера должен сам пройти через аналогичный тренинг в качестве участника (первая ступень подготовки), затем в качестве помощника тренера (вторая ступень). Далее самостоятельно работающего тренера при участии супервизора (третья ступень). Еще более высокая квалификация предполагает возможность работы в качестве тренера консультанта, выполняющего функции супервизора. Кроме этого для поддержания оптимального состояния тренерам реко-

мендуется хотя бы 1-2 раза за год становиться рядовым членом тренинговой группы.

Говоря о позиции тренера, следует отметить, что ведущий может по своему усмотрению и, исходя из ситуации, принимать или не принимать участие в процедурах и упражнениях, предлагаемых им участникам. В этом заключается один из аспектов исключительности позиции тренера. Но, даже оставаясь наблюдателем, ведущий продолжает активно работать – отслеживает динамику мотивационных, эмоциональных и функциональных состояний членов тренинговой группы, контролирует их отношения между собой, оценивает степень продвижения группы в целом в направлении, заданном процедурой, этапом работы или тематикой ее в целом.

References:

- [1] Анн Л.Ф. Психологический тренинг с подростками / Л.Ф. Анн. СПб.: Питер, 2013. 271 с.
- [2] Анцупов А.Я. Профилактика конфликтов в школьном коллективе. М.: ВЛАДОС, 2014. 207 с.

INVESTIGATION OF DYNAMICS OF STUDENTS' SENSE OF LANGUAGE BY WORD ASSOCIATIVE EXPERIMENT METHOD

K. Aghababyan¹

DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/04

Abstract

The dynamics of students' sense of language (SL) is investigated by using of the word associative experiment method. Three-level scheme to develop of SL is designed: to get past the initial stage of the process as a student, to comprehend his own experience as a teacher and then, based on their own experience, to apply the acquired skills in a live teaching.

Keywords: sense of language, word associative experiment method, rating factor

Одной из основополагающих путей совершенствования навыков владения родного языка является целенаправленное развитие «чувства языка» (ЧЯ) учащихся в процессе обучения. При этом под «чувством языка» понимается сложный психолингвистический процесс, сплетенный осознанно-логическими [1,2] и интуитивно-подсознательными [3, 4] элементами словестного восприятия мира, который обеспечивает формирование коммуникативной компетенции индивида и способствует ее развитию [4, 5].

Технология развития ЧЯ студентов в процессе их обучения можно представить следующей схемой (рис. 1): на первом этапе методом словестного ассоциативного эксперимента (САЭ) определяется начальный уровень ЧЯ студентов, после чего проводится одномесячное обучение по специально разработанным методикам и проверка знаний по тестам трехуровневой сложности. На четвертом этапе проводится повторное определение уровня ЧЯ, по результатам которого оценивается эффективность примененных методик обучения. Цикл 2-3-4-2 (рис. 1) можно повторить, исходя из желаемой величины достижения уровня ЧЯ обучаемых студентов. На пятом, шестом и седьмом этапах студенты педагогических вузов в процессе вузовского обучения и активной педагогической практики в школе приобретают умения и навыки применения методов оценки и методик развития ЧЯ школьников. Таким образом, предлагаемая технология развития ЧЯ студентов педагогических вузов разработана и применена по трехуровневой схеме: пройти начальную стадию процесса в качестве ученика, осмыслить все на собственном опыте и только затем, с учетом собственного опыта, применить приобретенные умения в живом педагогическом процессе.

¹Karine Aghababyan, Senior Lecturer of Armenian state pedagogical University after Kh. Abovyan, Yerevan, Armenia.

Рис. 1. Блок-схема технологии развития ЧЯ

В настоящей статье приведены результаты исследования динамики развития ЧЯ студентов третьего курса по специальности *педагогика и методика начального образования* (1-4 этапы, рис. 1) и уровня их практических умений по результатам научно-педагогических исследований, проведенных ими в начальных классах во время педагогической практики (5-7 этапы, рис. 1).

Метод САЭ впервые был детально проанализирован А. Тумбаем и К. Марбеем [6] и далее был развит в работах Ю. Д. Апресяна [7], В.А. Вусфилда и сотр. [8], Ж. Диза [9]. В литературе различают несколько вариантов САЭ: когда в цепочке реакции на слово-стимул учитывается: 1) первое слово-реакция, 2) второе слово-реакция, 3) цепочка целиком [7-9]. Возможны также варианты многошаговых испытаний с применением самосогласованных ассоциаций, когда САЭ проводится несколькими этапами: при этом словом-стимулом для каждого последующего этапа служит слово-реакция предыдущего этапа [7,8]. По типу слов-стимулов различают также методы свободного (стимулом служит одно единственное слово) и направленного (в качестве стимула выступают словосочетания) САЭ. В наших исследованиях были использованы оба вида САЭ (рис. 2). Очевидно, процесс исследования ЧЯ носит опосредованный характер, так как ЧЯ проявляется на подсознательном или сознательном

уровне при выявлении определенных предметных и/или морально-этических отношений индивида с окружающим миром. В качестве таковых нами выбраны пять базовых составляющих *гражданственности*: *историческая память*, *патриотизм*, *оптимизм*, *национализм*, *прогосударственность*. Для каждого из них выбраны по пять слов-стимулов, а шестое – выбрано произвольно, с целью минимизации возможности образования логических цепочек (рис. 2).

Рис. 2. Слова-стимулы для САЭ

В эксперименте участвовали 27 студентов 3-го курса. Длительность САЭ составила 7 мин. Слова-стимулы диктовались в разупорядоченном порядке. При этом участники не были заранее ознакомлены с целями проведения эксперимента: им было предложено в течение 5-7 сек на заранее подготовленных бланках перед номером продиктованного слова-стимула записать первое пришедшее на ум слово или словосочетание. При анализе результатов и количественной оценки учитывались первые слова-реакции. Оценка проводилась по четырехбалльной системе: наивысшим 4 баллом оценивались наиболее глубокие слова-реакции (**борьба** – *родина, победа*); более поверхностные, типичные ответы получали 3 балла (**борьба** – *свобода, любовь*); слова-реакции, являющиеся синонимами или антонимами слов-стимулов, получали 2 балла (**борьба** – *битва, умиротворение*); слова-реакции, являющиеся грамматической формой или простейшим смысловым продолжением слов-стимулов, получали 1 балл (**борьба** – *борец, ринг*). Суммарные баллы каждого респондента приведены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты первого и второго САЭ

№ студентов	Первый САЭ		Второй САЭ		Изменение уровня ЧЯ		№ студентов	Первый САЭ		Второй САЭ		Изменение уровня ЧЯ	
	Оценка бал	Рейтинг Группы	Оценка бал	Рейтинг Группы	Индивид.	Групповой		Оценка бал	Рейтинг Группы	Оценка бал	Рейтинг Группы	Индивид.	Групповой
1	20	0.24 (0.32)	28	0.29 (0.33)	8	0.05	14	55	58	0.64 (0.71)	3	0.04	
2	22		33		11		15	55			4		
3	32		37		5		16	56			3		
4	38		42	4	17		58	4	0.65 (0.68)		62	4	
5	39		43	4	18		63	67			4		
6	39		43	4	19		66	71			5		
7	42	0.43 (0.45)	45	0.43 (0.45)	3	0	20	69	74	5	- 0.01		
8	44		47		3		21	70	75	6			
9	44		47		3		22	73	76	3			
10	46		49		3		23	77	82	5			
11	47		52		5		24	78	85	0.78 (0.83)	7		
12	51	0.52 (0.55)	55	0.56 (0.57)	4		25	78	85		7	0.02	
13	53		57		4		26	82	88	6			
		27		88		92	4						

Далее по набранным баллам были образованы группы: в первую группу вошли студенты, набравшие до 40; во вторую – от 41 до 50; в третью – от 51 до 60, в четвертую – от 61 до 75 и в пятую – более 75 баллов. (Отметим, что выбор интервалов набранных баллов несколько произволен и может быть изменен в зависимости от конкретной ситуации. Важно лишь то, чтобы в одну и ту же группу были вовлечены студенты с близким уровнем ЧЯ и чтобы группа содержала не менее трех и не более семи членов.) Далее определялся рейтинг группы по формуле

$$\delta = (M\xi - \sqrt{D\xi})/100, \quad (1)$$

где $M\xi = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N x_i$ и $D\xi = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N x_i^2 - (M\xi)^2$ – соответственно, математическое ожидание и дисперсия случайной величины ξ , $x_1, x_2, \dots, x_N$ – оценки участников данной группы, N – число студентов в группе. Заметим, что максимальное значение рейтинга группы $\delta_{max} = M\xi/100$ достигается при нулевом значении дисперсии, т.е. при $D\xi = 0$, (в этом предельном случае набранные балы каждого члена группы равны). Очевидно, близость значения рейтинга группы к δ_{max} , обеспечивает степень достоверности информации об уровне ЧЯ каждого члена данной группы. Именно по этой причине в одну и ту же группу следует включать респондентов, получивших максимально близкие баллы.

В табл. 1 указаны группы респондентов после первого САЭ, приведе-

ны рассчитанные и максимальные (в скобках) значения рейтингов групп.

Следует отметить, что одномесячные занятия проводились совместно со всеми студентами по единой программе и методикам (сами студенты не уведомлялись об их принадлежности к той или иной группе). Однако, после месячных занятий проверка знаний по всем темам проводилась по заданиям трехуровневой степени сложности. Оценивание выполненных заданий также проводилось по особой методике: в этом процессе наряду с преподавателем участвовали как другие студенты (оценивание презентаций, эссе и т.п.), так и сам экзаменуемый (самооценка). Окончательная рейтинговая оценка формировалась умножением оценки задания той или иной степени сложности на рейтинговый показатель группы, в которую входил студент, выполнивший данное задание.

После проведенных занятий и оценки заданий, с целью определения эффективности использованных методик обучения, был проведен повторный САЭ по тем же стимулам-словам, но продиктованным в иной последовательности. Результаты анализа второго САЭ: суммарные баллы респондентов, реорганизованные группы, рассчитанные и максимальные значения рейтингов групп приведены в таблице 1. Видно, что все студенты получили более высокие баллы, что и привело к повышению рейтинга некоторых групп, приближая их к максимальному значению. Следует отметить, что, поскольку после второго САЭ происходит существенное перераспределение студентов по группам, то, очевидно, что рейтинги некоторых групп могут понизиться. Например, рейтинг 4-ой группы, в состав которой вошли другие студенты, а прежние перешли в группы с более высоким рейтингом, понизился (табл. 1). Однако, в любом случае, максимальное значение рейтингов групп растет, что свидетельствует о росте уровня ЧЯ каждого отдельного респондента (табл. 1).

С целью подготовки студентов к педагогико-исследовательской деятельности (5-ый этап) были проведены тренинги, по окончании которых они приобрели навыки и умения применения метода САЭ для определения уровня ЧЯ школьников. Были составлены необходимые учебные материалы для проведения педагогико-исследовательской работы в начальной школе (выбор слов-стимулов с учетом возрастных особенностей респондентов, составление дидактических материалов и заданий трехуровневой сложности в рамках учебных программ начальных классов и т.д.). Далее студентами-практикантами было проведено исследование динамики ЧЯ учащихся начальной школы. В качестве респондентов были выбраны ученики трех третьих классов: 15 учеников из 3^а, 21 – из 3^б и 25 – из 3^г. В качестве объекта исследования были выбраны пять базовых составляющих ценностной системы: *родина, семья, природа, образование и искусство*. На первом этапе методом САЭ был определен начальный уровень ЧЯ и по описанной выше методике сформированы группы для проведения групповой работы. Слова-стимулы приведены на рис.3. Отметим, что в одну и ту же группу вошли ученики с примерно равным уровнем ЧЯ, что, во-первых, обеспечило равные условия для каждого члена группы, во-вторых, минимизировало возможность использования учеником результатов со-товарища по группе, тем самым повышая его активность и, в третьих, как показал анализ полученных данных, обеспечило непрерывное развитие ЧЯ каждого ученика. В каждом классе студенты провели три групповые работы по заранее составленным дифференцированным заданиям трехуровневой сложности в рамках школь-

ной учебной программы. При этом в группах с рейтинговым коэффициентом до 0.5 применялись простые задания, в группах с рейтингом от 0.5 до 0.7 – задания средней сложности и в группах с рейтингом выше 0.7 – задания повышенной сложности.

Рис. 3. Слова-стимулы, предложенные ученикам 3-его класса

После завершения групповой работы был проведен повторный САЭ по тем же словам-стимулам и по формуле (1) были определены новые рейтинговые факторы, по которым были сформированы новые группы для последующих групповых работ (табл. 2). Этот цикл можно повторить несколько раз.

Таблица 2
Результаты 1-ого и 2-ого САЭ и структура групп

№ ученика	Оценки откликов 1-ого САЭ, коэффициенты рейтинга (максимальное значение)						Оценки откликов 2-ого САЭ, коэффициенты рейтинга (максимальное значение)					
	3 а		3 б		3 г		3 а		3 б		3 г	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	18	0.23 (0.38)	44	0.45 (0.47)	17	0.2 (0.9)	27	0.32 (0.46)	55	0.56 (0.6)	36	0.42 (0.51)
2	41		49		38		52		62		55	
3	56		50		44		60		64		56	
4	62	0.62 (0.63)	54	0.54 (0.57)	49	0.54 (0.57)	65	0.66 (0.67)	66	0.67 (0.7)	58	0.65 (0.68)
5	64		54		49		68		67		64	
6	65		61		53		68		71		66	
7	66	0.67 (0.69)	61	0.64 (0.65)	57	0.6 (0.6)	70	0.7 (0.71)	72	0.78 (0.79)	69	0.76 (0.77)
8	68		64		57		71		75		69	
9	70		65		60		73		78		73	
10	73		65		63		76	0.76 (0.76)	79		76	

Окончание таблицы 1

№ ученика	Оценки откликов 1-ого САЭ, коэффициенты рейтинга (максимальное значение)						Оценки откликов 2-ого САЭ, коэффициенты рейтинга (максимальное значение)					
	3 а		3 б		3 г		3 а		3 б		3 г	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
11	76	0.75 (0.78)	69	0.70 (0.71)	63	0.67 (0.67)	76	0.78 (0.8)	79	0.84 (0.84)	78	0.80 (0.81)
12	76		71		64		77		79		78	
13	76		72		64		78		84		80	
14	78		72		65		80		84		80	
15	86		73		67		86		84		80	
16			75	0.74 (0.75)	67	0.69 (0.7)			85	0.85 (0.86)	82	0.83 (0.82)
17			75		68				85		83	
18			76		69				85		83	
19			77		69				85		84	
20			78		72				86		84	
21			81	0.77 (0.79)	72	0.75 (0.76)			89		86	0.86 (0.87)
22					74						86	
23					76						87	
24					76						87	
25					76						88	

Сравнение рейтинговых коэффициентов, определенных по результатам первого и второго САЭ (табл. 2), показывает, что рейтинги групп каждого класса увеличились, приближаясь к своему максимальному значению. Это, с одной стороны, свидетельствует об эффективности методик проведенных групповых работ, с другой стороны показывает, что уровень ЧЯ как каждого отдельного ученика, так и групп учеников имеют положительную динамику роста.

Таким образом, полученные результаты позволяют делать следующее заключение: метод САЭ является эффективным инструментом для определения уровня ЧЯ респондентов, а предложенная комплексная методика развития ЧЯ обеспечивает устойчивую динамику роста уровня ЧЯ каждого студента (ученика), развивает навыки педагогико-исследовательской работы студентов педагогических вузов и стимулирует их применение в живом педагогическом процессе.

References

- [1] Kainz F. Psychologie der Sprache. Stuttgart, 1941. Bd. 1,3. Aufl., 1965. P. 186.
- [2] Гохлернер М.М., Эйгер Г.В. Психологический механизм чувства языка. Вопросы психологии, 1983. №4. С. 137.
- [3] Васильева В.Ф. «Языковое мышление» и «внутренние законы» языка. Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС прес, 2009. № 38. С. 89.
- [4] Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции ребенка. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. М.: МПСИ, 2002. 278 с.
- [5] Лебедева О.А. Чувство языка как компонент коммуникативной компетенции. Вестник ТГУ, 2008. № 311. С.153-155.
- [6] Thumb A., Marbe K., Experimentelle Untersuchungen über die psychologischen Grundlagen der sprachlichen Analogiebildung. Leipzig, 1901. P. 108.
- [7] Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Наука, 1996. 305 с.
- [8] Bousfield W.A., G.A., Berkowitz H. Partial responses identities in associative clustering. J. of general psychology, 1960. V. 63. P. 233-238.
- [9] Deese J. The structure of associations in language and thought. Baltimore, J.. Hopkins press, 1966. P. 216.

PUBLIC ORGANIZATIONS AND UNIVERSITY:
SEARCH FORMS OF INTERACTION

I. Garkin¹, L. Medvedeva², O. Nazarova³

DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/05

Abstract

From experiences the Center for practice of students and to promote employment of graduates of Penza State University of Architecture and Construction are the forms and mechanisms of cooperation with different public organizations and associations

Keywords: public organizations, students, graduates, employment, graduate employment center, educational projects.

Важным аспектом деятельности Центра практики студентов и содействия трудоустройства выпускников Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (ЦПСиСТВ ПГУАС), при трудоустройстве выпускников и поиске мест практики студентов, является взаимодействие с общественными организациями и профессиональными сообществами [1]. Рассмотрим структуру некоторых таких организаций, и методы взаимодействия с ними.

Взаимодействие проходит на безвозмездной основе по следующим направлениям:

1. Подбор выпускников и студентов по заявкам работодателей для их дальнейших практик и трудоустройства [2, 3].
2. Содействие трудоустройству студентов выпускников по профессии.
2. Организация проведения совместных мероприятий.
3. Информационное сотрудничество (использование общих информационных ресурсов).
4. Совместная научно-исследовательская деятельность (проведение социологических исследований).
5. Проведение совместных образовательных проектов для студентов.

В связи, с инженерно-техническим профилем ВУЗа и соответственно выпускников, основным партнёром среди общественных организаций Пензенской области можно считать Некоммерческое партнёрство «Союз Пензенских строителей» (НП СПС). НП СПС объединяет основные предприятия строительного комплекса и жилищно-коммунального хозяйства Пензенской области (более 100).

В 2016 году по инициативе ЦПСиСТВ, был заключен договор о стратегическом сотрудничестве и о проведении практики студентов между ПГУАС и НП СПС (в соответствии с программой «Стратегическое партнёрство»). Сотрудничество осуществляется по таким направлениям, как:

- проведение совместных мероприятий (круглых столов, семинаров и т.д.);

¹Garkin Igor, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Penza State University Architecture and Construction, Russia.

²Medvedeva Linara, specialist on educational and methodical work of 1 category Penza State University of Architecture and Construction, Russia.

³Nazarova Olga, Candidate of Pedagogical Sciences, Penza State University, Russia.

- помощь студентам в поиске мест практики;
- помощь студентам и выпускникам в трудоустройстве, привлечение студентов к строительству социально значимых объектов.

НП СПС является организатором ежегодных конкурсов профессионального мастерства по строительному профилю [4], а также соорганизаторами региональных чемпионатов WorldSkillsRussia по компетенции «Кирпичная кладка» [5]. Ежегодно наиболее активных студентов награждают благодарностями и почётными грамотами НП СПС.

Выпускаемая НП СПС газета «Строитель» является важным информационным партнёром ЦПСиСТВ в работе по трудоустройству молодых специалистов. В газете публикуются краткие резюме выпускников, вакансии, и информация о деятельности Центра.

НП «СПС» состоит в Российском союзе строителей (РСС). Сотрудничество с данной организацией проходит через участие в работе комитета РСС по молодёжной политике и студенческих строительных отрядов. Сотрудники ЦПСиСТВ регулярно участвуют в съездах комитета, делясь своим и перенимая опыт работы других участников комитета.

Помимо НП «Союз Пензенских строителей» в Пензенской области функционирует общественное объединение Союз молодых строителей Пензенской области (ПРО СМС). Актив ПРО СМС участвует и оказывает большую помощь в организации мероприятий ЦПСиСТВ в качестве волонтеров (основной актив ПРО СМС составляют студенты ПГУАС). Во время мероприятий, работники ЦПСиСТВ зачастую выделяют наиболее активных членов ПРО СМС и выдают им рекомендации при трудоустройстве.

В целях организации трудоустройства студентов на летнее время, ЦПСиСТВ активно сотрудничает с Пензенским отделением Российских студенческих отрядов (РСО). Ежегодно до 100 студентов работают (совмещая работу и практику) на различных Всероссийских стройках, а также вожатыми в детских лагерях на черноморском побережье, проводниками и т.д.

Помимо РСО ЦПСиСТВ, сотрудничает с общественной организацией «Мобильные кадры страны». В рамках сотрудничества за последние два года было трудоустроено на летнее время более 50 человек на различные объекты строительства страны.

В ПГУАС действует волонтерский корпус, который активно поддерживает ЦПСиСТВ. Волонтеры участвуют в различных крупных спортивных мероприятиях Пензенской области (международных, региональных и иных чемпионатах). В настоящее время ЦПСиСТВ оказывает поддержку будущим волонтерам Чемпионата мира по футболу – 2018 года.

Важную роль в саморазвитии, а значит и в повышении конкурентоспособности учащихся играет первичная профсоюзная организация студентов и аспирантов (ППОСА) ПГУАС. Регулярно организуя школы актива, тренинги и мастер классы, ППОСА развивает лидерские и коммуникативные навыки студентов, приучает к общественной работе и способствует выработке у студентов дополнительно (помимо профессиональных) качеств необходимых для построения успешной карьеры [6].

В целом, общественные организации играют важную роль в подготовке высококвалифицированных рабочих и инженерных кадров, особенно с учётом перехода на двух уровневую систему высшего образования [7].

References:

- [1] Гарькин И.Н., Гарькина И.А. Роль общественных организаций в развитии строительного комплекса. Молодой ученый. 2014. №5. С. 440-442.
- [2] Гарькин И.Н., Медведева Л.М., Глухова М.В. Производственная практика студентов строительных специальностей на предприятиях агропромышленного комплекса. Успехи современной науки и образования. 2016. №6. Том 1. С. 36-39.
- [3] Гарькин И.Н., Медведева Л.М., Назарова О.В. Бизнес и ВУЗ: поиск механизмов сотрудничества. Успехи современной науки и образования. №8. Том 1. 2016. С. 137-139.
- [4] Гарькин И.Н., Гарькина И.А. Конкурсы профессионального мастерства: профориентационная работа среди молодёжи. Молодой учёный. 2014. №18. С. 535-538.
- [5] Гарькин И.Н., Гарькина И.А. «WorldSkills» как инструмент пропаганды строительных профессий (на примере Пензенской области). Вестник магистратуры. 2014. №9. С. 9-11.
- [6] Гарькин И.Н., Гарькина И.А. Профсоюзная организация студентов как инструмент личностного роста молодёжи. Молодой учёный. 2014. №14. С. 287-289
- [7] Данилов А.М., Гарькина И.А., Гарькин И.Н. Подготовка бакалавров: компетентностный подход, междисциплинарность. Региональная архитектура и строительство. 2014. №2. С.192-199.

MASS CULTURE AS MEGAFAKTOR SOCIALIZATION GROWING PERSON

V. Kulishov¹*Abstract*

In the article the actuality of researches of features of socialization and education of students in terms of expansion of the values and meanings of mass culture. The article presents analysis and typology of the properties and functions of popular culture, influencing educational reality. Submitted by understanding the risks of socialization and upbringing of growing human expansion values of mass culture.

Keywords: socialization, education, popular culture, pedagogic reality, properties and functions of mass culture, child development, risks, socialization and education.

Одной из примет глобального кризиса, переживаемого человечеством на рубеже веков можно считать кризис в области теории и практики воспитания. Этот кризис имеет разные уровни проявления – ценностно-смысловой, целевой, содержательный, технологический и результативный. Одной из его граней является неспособность педагогов видеть социокультурные вызовы современности и адекватно на них реагировать. Например, сегодня можно заметить отсутствие интереса у педагогики к одному из самых противоречивых феноменов нашего времени – массовой культуре, о которой так настойчиво в последние два десятка лет говорят и пишут философы, социологи и антропологи. Массовую культуру педагогика считает понятием социологическим, а потому и не проявляет к ней особого интереса. Однако, являясь сложным социальным явлением, массовая культура не может рассматриваться только в узкосоциологическом ракурсе. Образование ведь не может существовать вне практики общественного целого. Культура проявляет себя в образовании в определенном виде, чтобы затем быть распредмеченной в структуре личности тех, ради которых осуществляется образовательный процесс.

Исследование особенностей социализации и воспитания учащихся в условиях экспансии ценностей и смыслов массовой культуры нам представляется актуальным и перспективным по целому ряду причин. Во-первых, несмотря на широкое распространение ценностей массовой культуры в современных обществах, в педагогике до сих пор не исследованы особенности отношений и деятельности субъектов педагогического процесса, оказавшихся в орбите влияния массовой культуры. Во-вторых, массовая культура оказывает влияние на всех субъектов педагогического процесса, следовательно, объективно влияет на развитие и социализацию всех учащихся. В-третьих, массовая культура как культурно-историческая среда воздействует на социально-психологическую сферу ребенка не как обстановка, а как источник развития. В четвертых, девиантогенное влияние потребительских ценностей массовой культуры

¹Kulishov Vladimir, Candidate of pedagogical sciences, docent, Associate Professor of General and social education of the Kuban State University, Kuban State University, Russia.

трансформирует смысловую саморегуляцию растущего человека, существенно меняя его субъективное отношение к явлениям действительности. В пятых, массовая культура порождает дисфункции процессов социализации и социального контроля, которые могут изменить качество социокультурного капитала российского общества.

Попытаемся выделить свойства и функции массовой культуры, имеющие отношение к педагогической реальности. Под педагогической реальностью мы понимаем совокупность явлений объективной, субъективной и трансцендентной реальности, оказывающей существенное влияние на воспитание человека. Воспитание понимается здесь как специально организованный целенаправленный процесс актуализации смыслов и способов бытия человека, призванный обеспечить достижение полноты реализации его человеческого качества. Педагогическая реальность представляет собой отношение между исторически сложившимся в результате реализации педагогических целей и замыслов теоретическим, практическим и духовным опытом человечества и педагогической действительностью.

Свойствами выступают различные характеристики массовой культуры, оказывающие влияние на педагогическую реальность. Этими свойствами являются: функциональность (она задает социальные роли и функции); социальность (является атрибутом социума); универсальность (охватывает всех членов общества); амбивалентность (обуславливает как положительные, так и отрицательные явления в жизни людей).

Функциями массовой культуры выступают ее объективные влияния на педагогическую реальность. Этими функциями являются: интергративная (обеспечивает интеграцию ребенка в общество); социализирующая (определяет процессы социальной адаптации и автономизации); социально – идентифицирующая (способствует идентификации ребенка с определенной социальной группой); мобилизирующая (формирует у ребенка мотивацию достижения желаемого социального статуса); направляющая (формирует интересы и предпочтения относительно будущих социальных ролей); демонстрационная (демонстрирует образцы стилей жизни); детерминирующая функция (определяет качество социокультурного капитала общества).

Оказывая влияние на субъектов образовательного пространства, массовая культура выступает атрибутом или неотъемлемым свойством педагогической реальности. Распространение массовой культуры сопровождается утверждением определенного набора ценностей: культ наслаждения, свободного времени, комфорта, достатка, эгоизма и потребления. Эта модель становится доминирующей, определяя поведение широких социальных слоев современного общества. Указанные ценности определяют большую часть содержания информационных потоков современного общества, создавая символический универсум комфорта и потребления, «обволакивающий» ребенка посредством рекламы, массового искусства, моды и т.п. Исследования социологов, разделяющих позиции девиантологического подхода, показывают, что массовая культура способна порождать масштабные дисфункции процессов социализации и социального контроля. Эти процессы препятствуют физическому и личностному развитию на тех возрастных этапах, которые являются сензитивными для формирования нравственного здоровья и социально ценных личностных качеств. Критериями для характеристики массовой культу-

ры в качестве девиантогенного фактора педагогической реальности выступают дисфункции процессов социализации и социального контроля, нарушения смысловой регуляции поведения его субъектов и детерминация их отношений и деятельности.

Экспансия ценностей массовой культуры, порождающая дисфункции процессов социализации и социального контроля, нарушения смысловой регуляции растущего человека может выступать причиной рисков и противоречий в социализации и воспитании учащихся, провоцировать возникновение угроз для адаптации и автономизации учащихся в социуме, формирования их личности и деятельности. Риск – это опасность того, что объективные обстоятельства могут спровоцировать нежелательные и неблагоприятные последствия. Риски в социализации и воспитании в условиях массовой культуры – это возможные угрозы благополучию учащихся, дегуманизирующие ход и деформирующие результаты их социализации и воспитания.

Вышесказанное позволяет нам расширить представление о факторах социализации и включить массовую культуру в число макрофакторов социализации. Связанные с массовой культурой агенты социализации, оказывающие влияние на социальную адаптацию и автономизацию ребенка, могут рассматриваться как микрофакторы социализации. Совокупность параметров влияния массовой культуры образует контекст социализации современного ребенка, обуславливает формирование социального характера и доминирующего образца поведения в повседневной жизни. Таким образом, массовая культура – это значимый социальный феномен, определяющий качество педагогической реальности и влияющий на развитие растущего человека.

TO QUESTION ABOUT PEDAGOGICAL – PSYCHOLOGICAL BASES
OF STUDY OF BIOGRAPHY OF POETS AND WRITERS IN CONNECTION

K. Akmatov¹

Abstract

In the article ideas are expounded about the psychological and pedagogical aspect of study of biography of poets and writers in connection with their works. With support on researches of leading scientists-methodists didactic principles that must be taken into account at the study of biography of writers and poets in connection with their works are set.

Keywords: biography, "biographic" method, didactic principles, history, personality, psychological theories, epoch.

Литературное образование в мировом масштабе пережил очень долгий процесс: господствовали различные взгляды, различные идеи, различные методы и средства; существовало противостояние взаимоотрицающих мнений. Все это имело связь и с изучением биографии писателей и поэтов.

В методике преподавания русской литературы, на которую опирается методика преподавания кыргызской литературы, место биографии писателя всегда было предметом дискуссии, в которой принимали участие и ученые, и методисты, и школьные учителя, и сами писатели и поэты. Некоторые из них считали, что достаточно изучать только произведение и нет необходимости знать его биографию, но некоторые утверждали мысль о том, что биография создателя является действенным средством воспитания гражданина и личности. В 60-80-е гг. XIX в. ученые по методике преподавания русской литературы В.И. Водовозов, В.П. Острогорский, В.Я. Стоюнин придавали огромное значение изучению биографии автора. Они считали: чтобы понять произведение, необходимо понять его автора.

Эту идею подхватили и углубили в XX веке Г.И. Беленький, Г.К. Бочаров, В.В. Голубков, И.Е. Каплан, Т.Ф. Курдюмова, С.А. Леонов, Н.Д. Молдавская, В.А. Никольский, З.Я. Рез и другие. Они разработали принципы понимания произведения писателя посредством биографии и принципы воспитания посредством биографии. Эти принципы были дополнены такими методистами, как В.Н. Дробот, А.А. Шейман, Н.В. Тимерманис, В.Г. Маранцман, Т.В. Чирковская.

Основами изучения биографии служат научные исследования и находки в области философии, эстетики, истории, педагогики и психологии. Французский литератор Шарль Огюстен де Сент-Бёв (1804-1869) – обосновал так называемый «биографический» метод. В своих трудах «Портреты», «Causeriesdulundi», «Nouveauxlundis» он продемонстрировал, что задачей литературной критики является раскрытие творческой индивидуальности писателя. Он разработал теорию «движения эпохи, общества и разума». В трудах своих также показал, что художник –

¹Akmatov Kyyalbek, candidate of pedagogical sciences, associate professor Osh State University, Kyrgyzstan.

явление, отличное от других, а автор и произведение – переплетённые друг с другом явления. «Моральная физиология» и психика автора в его записях выдвинуты на главное место, а мелкие детали биографии писателя, его письма, мемуары и дневники были исследованы тщательно.

Выдвинутый Сент-Бёвом «биографический» метод развивал дальше датский литературный критик, публицист Георг Брандес (1842-1927). Он, уже в трудах «О дуализме в нашей новейшей философии» (*Om dualismen i vor nyeste filosofi*, 1866), «Эстетические этюды» (*s tetis ke studier*, 1868) а также в исследованиях о таких личностях, как Эсайас Тегнер, Бенджамин Дизраэли, Людвиг Хольберг, Уильям Шекспир, Хенрик Ибсен, Вольфганг Гёте, Вольтер, Гай Юлий Цезарь, Микеланджело Буонаротти, на главное место выдвинул автора произведения и до мельчайших деталей исследовал биографию этих людей.

«Биографический» метод европейских литераторов нашел поддержку у русских литераторов Н.А. Котляревского, О.П. Герасимова и других. Данный метод получил особое развитие в психологии и в начале XX века начали придавать огромное значение месту отдельного человека в истории (Н.А. Рыбников, Ш. Бюлер), автобиографическому методу (вопросы-ответы, собеседование, высказывания свидетелей, контент-анализ дневников и писем и т.д.). В этом направлении особой является роль советского ученого-психолога Б.Г. Ананьева (1907-1972). В своих психологических трудах [1] о познании на главное место он выдвигает человека.

Русский литератор Б.М. Эйхенбаум (1886-1959), выступая против «биографического» метода, в своих исследованиях о Л.Н. Тостом, А.С. Пушкине, Н. Гоголе, О. Генри, А. Ахматовой и писателе, литераторе и кинокритике В.Б. Шкловском (1893-1984) и поэте В.В. Маяковском, придерживался мнения о том, что должен преобладать «формалистический метод», а художественное произведение должно рассматриваться так, как оно есть. Еще один из представителей противников данного метода был советский литератор В.Ф. Переверзев (1882-1968), который в своих трудах о Достоевском, Гоголе высказал идею о том, что нет необходимости учитывать личную биографию писателя и роль его личностных качеств.

Под влиянием вышеназванных литераторов в начале XX века появились так называемые течения «формалистическая школа», «переверзевская школа». Мы считаем, что эти противоположные взгляды оба ошибочны – нужно найти компромисс этих взглядов, заключающийся в том, что в том или ином произведении есть какое-то участие автора, но оно не представлено столь детально.

Связь «автор – личность – художественное произведение» рассматривается как методологическая опора в исследованиях С.С. Аверинцева, В.Ф. Асмуса, М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева, Ю.Б. Боревой, Д.С. Лихачева и других философов и эстетиков. Они, исследуя то или иное произведение или биографию того или иного писателя, особо рассматривают их единство, их преходящее соотношение, затем объясняют, что они не могут существовать друг без друга.

В философии на главном месте стоит человек: картины Пикассо нарисованы человеком, «Евгений Онегин» тоже написан человеком, мелодии как «Камбаркан» и «Сынган бугу» также созданы человеком. Значит, человек – автор-создатель. Именно этот человек-создатель в

каждом произведении выдает себя, отражает себя. Почему Ван-Гог и Айвазовский – художники отличные друг от друга, почему их картины отражают жизнь по-разному? Потому, что они художники различного стиля.

Исследование и изучение биографии писателя в связи с его творчеством связаны с психологическими теориями, относящимися к XX веку и настоящему:

- теория последовательного отношения в деятельности личности (М.С. Каган);
- учение о культурно-историческом понимании развития человеческой психики (Л.С. Выготский);
- общее психологическое учение деятельности (А.Н. Леонтьев);
- теория поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин);
- учения, раскрывающие психологию личности как сложное явление (С.А. Рубинштейн, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин) и др.

Изучение биографий писателей в связи с их творчеством опирается на передовые находки педагогики человечества. В «Великой дидактике» (1667) основателя дидактики Я.А. Коменского (1592-1670) и в теориях продолжателей его учения И.К. Песталоцци [2], К.Д. Ушинского [3] разработаны принципы учебной деятельности детей, отношений учителя и учащихся, принципы применения содержания, методов и средств обучения.

Психологические основы выбора содержания изучаемого материала согласно возрастным и психологическим особенностям детей указаны в качестве методологической опоры в трудах таких ученых, как Л.И. Божович [4], Л.С. Выготский [5], А.Н. Леонтьев [6], С.А. Рубинштейн [7], Д.Б. Эльконин и др., А.А. Алиев разносторонне рассматривает в ряде своих книг проблемы общества, художника и психологии, а также эстетический вкус писателя [8].

Ученые-дидактики советского периода И.Я. Лернер, М.И. Махмутов, Г.К. Селевко, Ю.К. Бабанский, И.Б. Бекбоев, М.И. Махмудов, В.П. Беспалко, В.К. Дьяченко глубоко исследовали содержание, принципы и методы процесса обучения.

В учебниках по педагогике для студентов высших учебных заведений изложены мысли о творчестве личности, о примере отдельного человека для молодежи.

Проблемы преподавания кыргызской литературы разработаны Б. Алымовым, С. Байгазиевым, С. Батакановой, К. Иманалиевым, Н.И. Ишкеевым, С. Момуналиевым, А. Муратовым, С. Рысбаевым, Б. Исаковым.

Киреше Иманалиев выделяет следующие моменты, на которые в первую очередь нужно обратить внимание при изучении биографии писателя:

1. Связь писателя с передовыми людьми своей эпохи. В качестве примера приводит встречу Аалы Токомбаева с Максимом Горьким в 1934 г., связь Чингиза Айтматова с казахским писателем Мухтаром Ауэзовым.

2. Стойкая борьба писателя за основную жизненную цель, за идеалы. В качестве примера также приводится участие Аалы Токомбаева в классовой борьбе 30-х годов, его старания за создание литературы пролетариата.

3. Указание на моменты, в которые писатель долгие годы неустанно работал над произведением в поисках необходимого. В пример приведены факты о том, как А. Токомбаев более тридцати лет работал над романом в стихах „Перед зарей“ („Кровавые годы“), как Джусуп Турусбеков писал свою драму „Вместо смерти“ с 1934 по 1939 год, переправляя несколько раз.

4. Указание на факты о том, как писатель активно внёс вклад в процветание национальной культуры, в обогащение родного языка, принимал участие в борьбе за свободу. В качестве примеров приводится титанический совместный труд А. Токомбаева, К. Маликова, Т. Сыдыкбекова в создании объединенного варианта эпоса „Манас“ [9].

Далее методист К. Иманалиев пишет: „Выбор вышеуказанных фактов и принципов из биографии писателя в образовательных и воспитательных целях в основном выполняет две функции: во-первых, обогащает сознание учащихся новыми знаниями; во-вторых, воздействует на их волю и сознание“. Данная книга методиста К. Иманалиева долгие годы служила как основное пособие в подготовке учителей, значит, эти идеи нашли широкое применение в практике преподавания кыргызской литературы.

Далее методист в качестве знаний, умений и навыков, достигаемых и формируемых при изучении биографии, отмечает следующее:

1) Через изучение биографии писателя учащиеся изучают историю народа.

2) Через изучение биографии писателя учащиеся знакомятся с историей ряда произведений данного автора.

3) Через изучение биографии писателя и поэтов учащиеся получают воспитание.

В качестве выбираемых фактов при изучении биографии писателя Б.Алымов выделяет следующее:

- исторические факты и события, характеризующие эпоху, в которую жил писатель;
- способы отражения вышеуказанных фактов и событий в его произведениях;
- связи писателя с передовыми людьми и их положительное воздействие;
- трудности и препятствия на творческом пути, с которыми столкнулся автор, его борьба с ними и стойкость;
- доказательства, подтверждающие долгий и непрерывный труд писателя над своим произведением;
- сведения, доказывающие участие писателя в народном освободительном движении, его заботу о поднятии национальной культуры и родного языка;
- факты, указывающие на отношение писателя к мировой литературе и культуре [10].

В подтверждение вышесказанного ученый разработал и предложил учителям методическую систему изучения биографии Аалы Токомбаева.

Таким образом, все изложенное выше предполагает, что при изучении биографии писателя в связи с его произведениями необходимо руководствоваться следующими *дидактическими принципами*:

- научность;
- сознательность;

- доступность;
- наглядность;
- естественность;
- связь теории с практикой;
- последовательность, преемственность;
- действительность и крепкость знаний;
- групповое и индивидуальное отношение;
- историчность;
- гуманность.

References:

- [1] Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.
- [2] Песталотти И.Г. Избранные педагогические сочинения. М.: 1981. Т. 2. 416 с.
- [3] Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. М.: 1968. 557 с.
- [4] Божович, Л.И. Избранные психологические труды: проблемы-формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Изд-во Междун. пед.академии, 1994.
- [5] Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. 449 с.
- [6] Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: 1972. 292 с.
- [7] Рубинштейн С.А. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 423 б.
- [8] Салиев А. Акыл-эс дүйнөсү жана көркөм элес. Ф.: Мектеп, 1981. 256 б.
- [9] Иманалиев К. Орто мектептерде кыргыз адабиятын окутуунун методикасынын негизги маселелери. Ф.: «Мектеп», 1973. 125-128-бб.
- [10] Алымов Б. Тандалган эмгектер. Б.: КУУ, 2012. 252 б. 784 б.
- [11] Муратов А. Кыргыз адабиятын окутуу: теориясы жана практикасы. Б.: “Турар”, 2013. 20-21-бб. 554 б.
- [12] Исамидинов И.Ч. Кыргыз орто мектептеринде Ч.Айтматовдун чыгармаларын үйрөнүүнүн процессинде окуучулардын адабий-теориялык түшүнүктөрүн калыптандыруу. Б.: 1993 244 б.
- [13] Усубалиев З., Садабаев А. Адабиятты окутуунун айрым маселелери. Ф.: 1963. 61 б.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ROLE OF MENTALITY IN THE FORMATION
AND DEVELOPMENT OF DECENTRATION*E. Barteneva¹**Abstract*

This article provides an overview of the research devoted to studying the role of mentality in the process of formation and development of decentration mechanism. The purpose of the study was to identify the characteristics of the relationship with the mentality of decentration level of development.

Keywords: social intelligence, decentration, mentality, values, collectivism /individualism.

Проблема формирования личности способной к успешному функционированию и взаимодействию с многообразным окружающим миром и изменчивой социальной средой, в наши дни, является чрезвычайно актуальной. Это объясняется модификацией, интеграцией и быстрыми темпами развития коммуникативных процессов в обществе, а так же, увеличением случаев деструктивных проявлений, разногласий и конфликтов в сфере коммуникаций, межличностных отношений и, в особенности, в сфере межкультурного взаимодействия.

Как известно, весь процесс роста и развития человека непосредственно сопряжен с межличностными и социальными взаимоотношениями. Существует прямая взаимосвязь между уровнем социального интеллекта и позитивными, конструктивными стратегиями поведения в обществе [3, с. 24]. В общем смысле социальный интеллект – способность понимать других, действовать и поступать мудро в их отношении. Впервые в психологию данный термин ввел Э.Торндайк в 1920-м году, для обозначения «дальновидности в межличностных отношениях». Одним из важнейших и центральных механизмов, представляющих «фундамент» и базу социального интеллекта является децентрация.

Понятие децентрация – одно из ключевых в концепции генетической эпистемологии Ж. Пиаже, используемое для анализа процессов социализации, когнитивного и морального развития личности. Децентрация является механизмом преодоления эгоцентризма (центризма) личности, заключающимся в изменении точки зрения, позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции ее с позициями, отличными от собственной [6, с. 59]. Источником децентрации выступает непосредственное или интериоризированное общение с другими людьми, в ходе которого происходит столкновение противоречивых точек зрения,

¹Elizaveta Barteneva, Master of psychological science (магистрантка 1го курса психологического факультета), Samara University, Russia.

побуждающих субъекта к преобразованию смысла образов, понятий и представлений в собственной познавательной позиции.

В процессе децентрации человек научается понимать других, анализировать чужие поступки, а главное, проникаться чужим мировоззрением. Чем чаще человек де-центрируется, тем развитее его общественно-социальные навыки [4, с. 16]. Развитие децентрации обусловлено установлением взаимоотношений с окружающим миром и самыми «первыми взрослыми», а так же социальными условиями в которых формируются эти отношения. Они же, в свою очередь, зависят от особенностей культурной среды и устойчивых исторически обусловленных специфических характеристик. В связи с этим, одной из важных задач для современных исследователей выступает выявление факторов и условий, способствующих наиболее эффективному протеканию процесса формирования и развития децентрации. В качестве одного из таких факторов мы рассматривали особенности менталитета.

В процессе исторического развития, в разных точках мира веками формировались различные – культура, язык, религия, традиции, нормы и т.п. Их особенность и специфика делает уникальным процесс воспитания, обучения и социализации индивида. Эти неотъемлемые элементы человеческой жизни могут объединяться в понятии менталитета. Менталитет – устойчивая совокупность психических, интеллектуальных, эмоциональных и культурных особенностей, присущих той или иной этнической группе, нации, народности [1, с. 44]. Особенности менталитета проявляются в нормах, установках, ценностных ориентациях индивида, которые выражаются через поведение, таким образом, транслируясь в общество и оказывая влияние на общую специфику социальных отношений.

Менталитет есть ядро психического склада нации [2, с. 52]. В большей мере менталитет отражает национальный способ видеть мир и действовать определенным образом в тех или иных обстоятельствах. Ценностно-смысловая сфера человека является структурной составляющей ментальности. Ценностные ориентации представляют собой элементы внутренней структуры личности, сформированные и закрепленные на основе жизненного опыта индивида в процессе социализации, адаптации и выделяющие существенное, значимое через принятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве внутренней «рамки» определяющей цели жизни, а также определяющей необходимые средства их реализации. Ментальные ценностные ориентации – это матрица, на основании которой кристаллизуется этническая культура [2, с. 39].

На данный момент в научном мире существует представление о двух базовых ментальных ценностных ориентациях, являющихся системообразующими в рамках национального менталитета [5, с. 87]. Первая ориентация показывает доминирование материальных или духовных ценностей. Вторая отражает степень преобладания коллективных или индивидуалистических ценностей (Г. Хофстед, У. Стефан, Ш. Шварц, Г. Триандис, Т.Г. Стефаненко, А.Г. Спиркин). В нашей работе мы сделали больший акцент на одной дихотомии, наиболее интересной в рамках исследовательской работы – коллективизм/индивидуализм и рассмотрели её на примере российского и немецкого менталитета.

Некоторые результаты психологических исследований показывают, что существует значимая разница в ориентациях представителей запад-

ных и российских ментальностей. Говоря об особенностях ценностной сферы у представителей русского менталитета, многие исследователи отмечают, что в основу русского менталитета ложатся два качества: коллективизм, – с одной стороны, и духовность, нравственность – с другой. Например, К. Клакхон, противопоставляет западному рационализму российскую духовность, нравственность; индивидуализму – соборность, коллективизм, общинность. Г. Э. Белицкой были выведены результаты, свидетельствующие о том, что для представителя российской культуры отношение «Я-общество», «Я-социум» является одним наиболее ценностно-значимым [2, с. 25]. В западноевропейском же сознании, связь общественных и личностных представлений практически отсутствует. Например, использование методики для оценки приверженности граждан ценностям индивидуализма (Г. Хофстед, Ф. Тромпенаарс) в общем, подтвердило мнение о яркой выраженности «индивидуалистического» Запада, в сравнении с другими странами мира [2, с. 31].

Поскольку коллективизм есть направленность на группу, а индивидуализм направленность на себя (что проявляется во всем разнообразии психической жизни нации: потребностях, обычаях, интересах, мотивации, поведении и т.д.), мы можем предположить, что процесс формирования децентрации опосредован одной из указанных направленностей. Следовательно, высокий уровень развитости социального интеллекта, децентрации коррелирует с доминирующей ориентацией на коллективизм. На данных основаниях нами была выдвинута гипотеза о том, что у студентов российской ментальности уровень развития децентрации выше, чем у студентов немецкой ментальности.

В пилотажном эксперименте приняли участие: 25 немецких и 25 русских студентов, мужского и женского пола в возрасте от 18 до 30 лет. Приоритетно нами были выбраны представители немецкой ментальности в связи с культурно-историческими особенностями развития Германии как государства, выразившимися в отсутствии чётко оформленных границ территориального, а так же языкового и культурного пространства на протяжении не одного столетия (индивидуалистический локус).

Для проведения исследования мы использовали следующие методики: 1) Тест диагностики «социального интеллекта» Гилфорда; 2) Тест «Шкала эмоционального отклика» А. Маграбяна (в модификации Н. Эпштейна); 3) Структурный тест интеллекта Р. Амтхауэра (сокращенный вариант, под редакцией А.Н. Воронина и С.Д. Бирюкова). Все приведенные методики были переведены на язык оригинала. Для обработки данных был использован U-критерия Манна-Уитни.

Результаты показали, что в области измерения вербального и невербального социального интеллекта, а так же эмпатии, существенных различий между российскими и немецкими студентами выявлено не было ($p > 0,05$). Полученные данные мы объясняем следующим образом. Поскольку исследуемой нами группой явились представители европейской культуры, трудно не упомянуть о процессах интеграции и глобализации, которые, в последние годы, активно происходят между западными странами и Россией и имеют широкие масштабы. Исходя из этого, сложнее говорить о том, что национальный менталитет той или иной культуры пронизан исключительно материальными или только духовными ценностями. Речь может идти о соотношениях материальных и духовных ценностей, индивидуального и коллективного.

Поскольку данные нашего исследования не показали каких-либо значимых различий в уровне децентрации у немецких и российских студентов, мы можем выдвинуть новую гипотезу, в которой децентрация – надкультурное образование присущее в равной степени любому существу на земле человеку. При этом её выраженность, в большей мере, зависит от особенностей конкретной личности, а не специфики менталитета или ценностных ориентаций. Так же, для получения наиболее достоверных результатов, необходимым нам кажется изучение структуры социального интеллекта стран Востока и измерение корреляции показателей коллективизма/индивидуализма перекрестно, между различными странами.

References:

- [1] Бызова В.М. Психология этнических различий: проблемы менталитета, отношений, понимания: Диссертационное исследование. СПб., 1998.
- [2] Катречко С.А. Ментальность России и менталитет Западной Европы: сравнительный анализ. Россия и Запад: диалог культур. М., МГУ. 1994.
- [3] Куницына В.Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношения. Теоретические и прикладные аспекты психологии. СПб., 1995.
- [4] Пашукова Т.И. О структуре способности человека представить себя на месте другого. Тезисы докладов научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы общения школьников и студентов». Гродно, 1983.
- [5] Смирнов Ю.Б. Эволюция и особенности ценностно-нормативных ориентаций западноевропейской и российской ментальности: автореф. дис. ... канд. М., 1995.
- [6] Эльконин Д.Б., Недоспасова В.А. О психологическом механизме преодоления эгоцентризма у детей. Материалы IV Всесоюзного Съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

THE AESTHETICS OF NATURALISM IN THE WEST, THE EAST
AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIST. Bystrova¹DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/06

“All the history of the human culture is the history of either creating new or
discovering old cultural values.

The cultivation of the understanding of other cultures
merges to a certain extent with the history of humanism”

D. S. Likhatchov

Abstract

The article deduces the originality of the interpretations of naturalistic approach in Western, Eastern and Russian aesthetics. Aesthetic values are interpreted as the result of suprapragmatically, non-utilitarian spiritually-sensitive human comprehension of the object that occurs in a particular sociocultural context. His account allows the researcher to explain the reasons for the (mostly) negative relationship to the natural components in Western aesthetics since Plato; contemplative-active attitude in the aesthetics of China, Japan, Korea; and the vital-active attitude in Russian aesthetics.

Keywords: aesthetics of naturalism, aesthetic value of nature, body aesthetics, aesthetics of the environment, Western European aesthetics, the aesthetics of China, the Russian aesthetic tradition.

Aesthetic value is understood here as a special spiritual value, whose *emotional and sensual experience* promotes *spiritual human harmonization*.

Aesthetic values are shaped when a man masters the environment spiritually (suprapragmatically). It is fundamental that these values are of non-utilitarian nature, i.e. they result rather from the contemplation and admiration of an object than the assimilation or subordination of it. The man needs them in order to experience his individuality and integrity, while practice-significant objects make a man, as a rule, dependent upon their existence or a functionality-specific being (N.A. Berdyaev, for example, in his prominent work “Man and Machine”, mentions reification when a man serving a technical product loses his integrity).

The research of the genesis and modifications of aesthetic values is the subject of aesthetics.

The aesthetics of naturalism puts at the forefront the value of the natural component in different culture products, from the body to the art. We don't

¹Tatiana Bystrova, Dr. Ph, Professor, Ural Federal University, Russia.

consider naturalism as a method of artistic creation only, although it's most actively studied in Russian sources; in addition, the authors agree about the difficulty of defining this term. *Axiological refraction of the nature is directly linked to its philosophical and cultural interpretation.*

In other words, when speaking about natural phenomena (material, physical or objective) in aesthetic thinking, we ought to consider directly or indirectly its involvement into sociocultural context. It is meaningless, for example, to speak about the beauty of a natural object without this consideration.

The article focuses on comparative analysis of the aesthetics of naturalism in Western, Eastern and Russian philosophical traditions and cultures. The main points for comparison are understanding the nature and aesthetic attitude to it and its objects; interpretation and evaluation of the body as the existence of nature; aesthetic valuing of natural component in the habitat.

The Platonic tradition in European culture is principal. It considers the matter as inert amorphous substance and belongs to the manifestations of naturalism with increasing suspicion, which reaches its climax in medieval culture and art. Representations of Plato's approach to aesthetic side of natural basis can be considered as negative attitudes to the body in medieval Christian culture; corsets and veils in women's clothes; classicist Parks of the eighteenth century or allonge wigs; aesthetics of functionalism (1920–1960). French naturalism (1840–1920) can be assess as the first reaction to long silence of natural and body components in the world and culture. Photographic "objectivity" of art images including spheres that were ethical taboo on this time was considered to be the main value of naturalism [see: 9]. At the same time philosophical-scientific position of positivism occurs whose main idea is to think the material world as the single substance of the being. Art and literary aesthetics match up with this approach.

As W. Tatarkiewicz truly pointed out [12; Ch. 6], Plato did warn in his conclusions: "I don't speak about what someone likes but what is beautiful", that is, he did not deny that subjective and relative judgments express beautiful things. The point is that judgments can and must have objective reason. Moreover, they do have it when relying on mind rather than impressions and feelings.

At the same time, one should emphasize that Plato distinguishes aesthetic problems into two groups. The first group is the nature of the aesthetic, the peculiarity of the beautiful. The second one is the nature of aesthetic and creative (as well as artistic) activities and co-creativity (perception).

A.F. Losev in his works illustrates the universal aestheticism of Plato's opinion: the idea always forms thingness, which expresses the idea. Rather the idea is the active principle of being and expresses itself in shape, through shape. In itself, any idea is perfect and beautiful as it embodies the most essential features of an object, a phenomenon or a man. The perfect condition has already been achieved in an idea even devoid of a contact with a matter. To be more specific, when nothing burdens, an idea exists in its perfect condition up to its materialization. This is the way Plato realizes Socrates' theoretical and worldview attitudes that prove the priority of ideal and universal over substance-material and single.

Philosophical, scientific and artistic naturalism is accordingly the climax

point and denial of Plato's aesthetics. It appreciates nature that is described *in terms of natural and technical Sciences* (E. and J. Goncourt, E. Zola, A. Daudet, and others); the body in its life and natural forms (G. de Maupassant, T. Dreiser, K. Hamsun, T. Hardy, and others) [5; 10; 11]. Paradoxically that these approaches don't affect the aesthetics of environment, which evolved first under the influence of Victorian and later of the modern style.

Despite the difference between the naturalism of the nineteenth century and the aesthetics of Platonism, their basis is common *epistemological* interpretation of nature as opposite basis to the world of ideas [1]. Until the nineteenth century (with exception of pantheists and empiricists) the nature was understood as "privation" of form and significance. The exceptions are architecture projects by A. Gaudi and Goethe's concept of the anticipation – the giving of yourself to a natural basis in the creative process [see: 2]. Contemporary philosophical naturalism in the West has scientific color and refers to aesthetic issues rarely because it is focusing on the methodological monism.

The aesthetic traditions in China, Japan, Korea are connected with Confucianism and Taoism and treat natural basis as a subject of not only admiration but also of disclosure and development. We can say that it's more consistent in the implementation of naturalism and gives it a totally other comprehension. Natural beauty is the subject of *contemplation* and of (spontaneous) creative efforts at all levels of the organization of aesthetic objects. The nature is primary substance compared to human, art, technology, whose being (especially in Zen tradition) is to follow nature. Such naturalism leads to *holism thinking, organic design and ecological culture*. Aesthetics of naturalism is versatile, flexible in responding to the socio-cultural changes due to the breadth of interpretation of the concept of "nature" (for example, the interpretation of design as one of six types of aesthetic activity by Kenzo Ekuan; Japan [2; p. 123]), incorporates and adapts elements of other concepts and styles relatively easily.

In the aesthetic tradition of this region, what's developing by specialists today, nature is estimated as the embodiment of wisdom and knowledge. If you *follow* it, you can go not only to the creation of expressive forms, but also to understand the truth.

Important impact to interpretation of the aesthetic value of nature in Russian culture is a climate itself: isn't possible to coexist harmoniously with harsh and rigid nature. Despite this, nature is understood from the beginning of paganism culture as the absolute epitome of spiritual beauty and a source of bright, strong emotions. Vitalism of Russian aesthetics is reflected in the predominance of red color, bright color combinations, redundancy of forms. This base fits to the theory of Aristotle, who speaks about the *master's disclosure of the potentials* into the matter [see: 7, p. 5]. The main value is the relationship to nature, the *active relationship between human and nature*. It is fixed not so much in the texts, much in the way of everyday life, in the phenomena of culture, in philosophical and artistic traditions, from wooden architecture to free cities planning.

In the Russian concept of nature dominates not epistemological that *vital* component. This leads to the aesthetics. The nature is beautiful because it creates life in all its dynamics and diversity [3]. Cultivated nature is more beautiful because it creates order and it is home for each person. In turn,

human (Vl. Soloviev, N. A. Berdyaev, N. Fedorov, V. I. Vernadsky) capable to active discovery of the nature potential and this activity is beautiful. These ideas form the basis for the identification of aesthetic and moral principles, whereas in the West philosophy these categories were considered separately until S. Kierkegaard and F. Nietzsche.

Conclusion

To conclude, we specify basic features of aesthetics of naturalism in three worldview systems that interact in a complicated manner in the twenty-first century due to globalization, internationalization and cross-cultural cooperation:

1 The understanding of nature and aesthetic attitude towards it and its individual objects can be expressed somewhat schematically. The West European civilization up to the latter half of the twentieth century is characterized by the dominance of subject-centered approach: the nature transformed is beautiful; the matter subjected to the man's intention is beautiful. The understanding of nature as the source and the principle driving force of culture is characteristic of the cultures of China, Japan and regional countries. The Russian distinctive feature is the admiration of nature in all its manifestations.

2 Interpretation of body as the manifestation of nature. According to the West European civilization up to the latter half of the nineteenth century, body is ambivalent. It is the source of sensational pleasure that is not approved by the Christian culture; body is defined as "a body in a corset". Orientalism considers body as the natural part of a big space "body". Dynamics, mobility and diversity are beautiful in a human body as well as in the overall world. It is reflected, for example, in feminine beauty and can be symbolically called the "dancing body". In Russia until now, especially at the level of ordinary aesthetic consciousness, body is beautiful and manifests health and moral characteristics of a man who actively shows his worth in a society. It is called the "working body".

3 Aesthetic evaluation of a natural component in the habitat. Accordingly, one can distinguish three models in this part of reasoning. Concealed and modified nature; nature to achieve harmony with and cultivated nature to help a man to be himself are beautiful.

References:

- [1] A Guide to Naturalism. Retrieved from <http://www.centerfornaturalism.org/descriptions.htm> Accessed 17, March 2015.
- [2] Borchmeyer D. DuMont Schnellkurs Goethe. Goethes Allianz mit Schiller (1794–1805). – Retrieved from <http://www.goethezeitportal.de/wissen/dichtung/schnellkurs-goethe/goethes-allianz-mit-schiller.html> Accessed 17, March 2015.
- [3] Bychkov V.V. Srednevekovaja russkaja jestetika XI–XVII vekov / Bychkov V.V. Russian Medieval Aesthetics of XI–XVII centuries. M.: Mysl', 1992. 636 p.
- [4] Bystrova T. Ju. Filosofskie problemy tvorchestva v iskusstve i dizajne/ Bystrova T.Y. Philosophical problems of creativity in Art and Design. Ekaterinburg: UGTU–UPI, 2009. 152 p.
- [5] Craig, W. and Moreland, J. (eds.), 2000, Naturalism: A Critical Analysis, London: Routledge. 279 p.
- [6] Design. Retrieved from <http://www.discovery.org/scripts/viewDB/filesDB-download.php?command=download&id=1491>
- [7] Goetz S., Taliaferro Ch. Naturalism. Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans Publishing Co., 2008. 132 p.

- [8] Goldman K. Die Sünden des Naturalismus: aesthetische Untersuchungen. Berlin: R. Eckstein, [1890]. 60 s.
- [9] Scheidenhelm C. American Literary History: Romanticism, Realism and Naturalism Retrieved from <http://www.luc.edu/faculty/cscheil/teach/rnn3.html> Accessed 17, March 2015.
- [10] Shishkov D. H. Jestetika francuzskogo naturalizma vtoroj poloviny XIX veka kak konkretno-istoricheskoe javlenie / Shyshkov D. Kh. Aesthetics of the French Naturalism in the second half of the XIX century as a specific historical phenomenon. Ph.D. in Philosophy. Kostroma, 2005. 166 p.
- [11] Studies in American Naturalism. Web site. <http://uncw.edu/san/index.htm> 20.09.2016.
- [12] Tatarkiewicz W. Geschichte der sechs Begriffe: Kunst, Schönheit, Form, Kreativität, Mimesis, ästhetisches Erlebnis. Bd. 1-2. Kapitel 6. Suhrkamp, 2003. 561 s.

ARTISTIC INTERPRETATION AND PHILOSOPHICAL
CONCEPTUALISATION OF THE BIBLICAL MYTH
OF THE FALL OF MAN IN C.S. LEWIS' NOVEL *PERELANDRA* (1943)

L. Efimova¹

Absract

The biblical and mythological grounds of C.S. Lewis' novel *Perelandra* (1943) are examined in the article through the prism of the writer's philosophical views on a man as God's creation.

Keywords: Bible, Christian apologetics, ethics, spiritual freedom, the Fall of Man, myth-making.

For the first time the book *Perelandra* – the second part of the *Space Trilogy* was published in 1943: it was also printed under the title of *Voyage to Venus (Perelandra)*. C.S. Lewis called it “a novel – a journey through time” [12: p.181].

The choice one of the theme of the novel to be a biblical myth of the fall of man and temptation of the human with the evil forces associated with it was not accidental. The novel was being written during the World War II, when both the best human's traits such as defence of the homeland, moral humanistic ideals of mankind and moral decay and dehumanization of the fascist invaders, who with their embodied misanthropic intentions drove to absurd the vile and spoilt with the fall constituent of the human nature were exposed.

It should be noted that the theme of temptation is one of the main ones in the Old Testament. God is testing a man to examine his fidelity and the genuineness of his faith. (Gen. 22: 1; Ex. 16: 4; 20:20; Deut. 8: 2, etc.). It is also much spoken about in the New Testament (1: 12 Heb. 2:18; 11:17; Peter. 16: 7; Jacob 1: 12). “In the Bible, this word does have the modern meaning of “to instigate, to mislead, to tempt, “its primary meaning is to examine, to test the strength” [5: p. 73-74].

The Scripture gives many examples of how Satan, along with the fallen spirits in the material world provides a destructive effect on the human, eclipses his conscience and reasoning power. Lewis shows the narrator's deep emotional commotion of the spirits in the novel *Perelandra*. According to the profound conviction of the writer, a man is unable to overcome temptation without the help of God. Lewis wrote about it in his philosophical treatises *Misery*, *Mere Christianity* and in a number of essays. Those ideas were also expressed in his fictional prose (*The Voyage of the Dawn Treader*, *The Great Divorce*). In the episode about the temptation of the author-narrator, Lewis raises the problem of the relationship between a man and God. The author believes that God always responds to a man's help request. The man is given help through angels and living people. In the novel the help is rendered by the angel who helps the author-narrator not only to find peace but also to witness the departure of Ransom to *Perelandra*. Eldilil take

¹Lyudmila Efimova, Candidate of Philology, Associate professor of Department of foreign languages and business communication, Plekhanov Russian Academy of Economics, Russia.

part in this flight. It is by order of the light forces that Ransom is traveling to Venus – Perelandra.

The aim of his journey is to prevent the penetration of evil in the world untouched by the fall. The temptations come to Ransom in the face of the earthly man, Professor Weston who still being an earthman in appearance and a scientist turns into an empty shell, which is owned by the devil. Ransom's task is not only to thwart the diabolical plans of Weston, but also, if necessary, to kill him.

The writer's interest in the myth is not a tribute to fashion but a serious interpretation of the myth in the history of art and philosophy. [6: p. 302]. Lewis believed that mythology is something greater than imagination. Mythology projects the divine onto the everyday reality [8: p. 154-155].

Unravelling of the plot is connected with the fight against evil and with the triumph of "the new era in the history of Arbon, the solar system; the belief in the imminent end of the siege, which the mankind lives under" [7: vol.3, p.188]. You can recall Lewis' words "we live on the territory occupied by the enemy" [7: vol.1, 131]. We can feel the analogy with Apocalypse in Lewis' words. Ransom says the following about this: "The Bible tells us about the battle against the principals, authorities, the subcelestial wicked spirits – the translation here, by the way, is rather inaccurate – and ordinary people have to fight" [7: vol.3, p.189]. Thus, the biblical theme of the second part of the trilogy is already seen in the introduction to the second part of the novel and largely influences the space-time continuum, the nature of the conflict between good and evil – between Ransom and Weston.

Other characters are also involved in the conflict: the Green Lady, who Weston is trying to tempt, imposing his views on the world. Weston is represented as an evil tempting snake.

The biblical plot about the first people on Earth is represented in the story of the Green Lady and the King. The beautiful place where they meet can be compared with the Paradise of John Milton, where "the marvelous trees all in bloom, bathed in golden colour, and Eve is the most beautiful among her daughters" [4: p. 117].

The state of the first people in Paradise is shown as beauty and harmony of the sinless world: "When he [Ransom] had tasted the fruit of the tree, he opened for himself a new kind of pleasure, unknown to the people, unfamiliar, almost impossible... He could not explain, sense the taste having returned to Earth... And when he dropped his empty mug and was about to take the second one, he suddenly felt that he did not want to drink or to eat. He just wanted again to sense the pleasure which is very strong, almost spiritual" [7: vol.3, p.206].

Ransom perceives the Lady with admiration because she is so beautiful with her spiritual vision of the world, which has not suffered from the destructive forces of evil and which has not known the Fall of Man.

During the talk with the Green Lady Ransom is discussing the problems of the deep philosophical meaning. These problems are given great importance to in the Scripture being faith and faithlessness, earth and the after world, life and death.

The Green Lady's remark on death is quite interesting: "You are always looking at the Deep Sky, besides you are also being taken away. The mercy rendered to you is above all mercies" [7: vol.3, p.226]. These words reveal the Christian attitude of the writer to understanding death of a man.

The characters are talking about the inevitability of death, about its goodness for mankind. Lewis wrote about it in his other philosophical treatises: *Grief, Mere Christianity* where he associated death with the hope to meet God, the future resurrection.

Evil, as a tempting snake, as death – destruction is bursting into the world full of harmony, reminiscent of the biblical paradise. The name of this evil is Weston. The purpose of Weston is to press the “planet, the galaxy, the universe one by one, everywhere and forever nourish our lives” [7: vol.3, p.244]. As above noted, the trilogy was being written at the beginning of the Second World War and during the rampant of fascism in Europe, which affected the atmosphere of the novel. What arguments does Weston put forward to defend his position relating the space exploration? He is convinced that the development of mankind depends on the possibility to have interplanetary and even interstellar communication. Weston proclaims himself “the greatest scientist” “standing alone in the world” and states that “the Ghost is taking action through him” [7: vol.3, p. 254]. However, it is the spirit of evil and everything that Weston preaches is evil. Weston’s views are a reflection of the philosophical conception of dualism, where “full reality appears ... not as the coexistence of two different planes of existence, but as their inextricable relationship” [1: p.61]. Weston is convinced that “the devil and God are only the two sides of a single, unique reality”, and he reckons himself to the “criminals, heretics, apostates” [7: vol.3, p.258]. With all his cunning, guile and pretense Weston is trying to seduce the Green Lady. The purpose of Weston is to make the Green Lady disobey Maleldil, to break the covenant of God and as a result to be doomed to spiritual death. Maleldil represents God the Creator in the novel.

Weston’s cynicism is revealed not only in the fact that it destroys everything it touches – it kills animals, destroys the environment but, above all, it perverts the basic biblical truth. While telling the Green Lady about freedom as the greatest gift of God, he contradicts himself and tries to bring the Lady under his influence. As an argument, he expresses his opinion of “Maleldil needs a friend...The other one... who does not belong entirely to Him” [7: vol.3, p.277]. While over-persuading the Green Lady to disobedience to Maleldil, Weston tries to prove to her that the Fall of the first men on Earth – Adam and Eve – “has resulted in good for the mankind”. Such an opinion of Weston, in fact, testifies a deep spiritual decay and aggressive efforts to impose his views to the Green Lady speak for his inhumane position. Weston’s character in the novel is demonized.

As the evil spirit is taking possession of Weston, the appearance of the character is also changing. His face “has acquired such terrible power which sometimes is similar to the one of a dead man” [7: vol.3, p.270]. We can see the personal and physical metamorphosis, a result of the deep personal destruction. The cause of it is in the attitude of the character to nature and people. The personal metamorphosis is expressed by the writer through exaggeration, hyperbole and grotesque: Weston’s long nails are a sign of his evil nature.

Lewis raises the problem of the inevitability of the man’s choice, freedom of choice. In term of religion, it is one of the problems of the Holy Scripture (See Deuteronomy 11: 26; Matt. 7: 13; Acts. 2: 6, etc.). It constitutes the philosophical and religious foundation of the work. The conception of the human freedom of C.S. Lewis is close to the Russian religious and

philosophical thought of the late 19th – early 20th century. According to I.G. Vinogradov, “the main feature of God-likeness of a man is his freedom of the moral choice” [7: p.173].

Alienation from the divine Freedom brings Weston to spiritual cynicism. The character though not without fear, sees the devil. The author uses the antithesis: “to see God is a Joy and to look at the devil’s face means to find one’s death” [7: vol.3, p.273].

Many foreign researchers of C.S. Lewis’ creative work consider the scenes of delusion and seduction of the Green Lady to be the brightest and deepest in terms of the content in the trilogy [12: p.113-166]. As Weston’s intention to demonize Perelandra being implemented, the atmosphere in the novel becomes more tense and sinister. The writer uses various means of the artistic expression of the threshold of the terrible battle between good and evil, and the introduction of the natural forces in the novel fills it with deep philosophical meaning. The conversation of Weston with the Green Lady is accompanied by a flash of lightning. Here, just like in the Bible, mentioning of lightning is symbolic. Lightning occurs through all significant events of biblical history: lightning lit the people who were led by Moses out of the camp to meet God. Lightning accompanied the help from God to the man harassed by the enemy, “God thundered in the heavens, and the Most High gave his voice, hail and coals of fire, arrowed and scattered and spread them”. Lightning is a metaphor symbolizing the wrath of God; in the New Testament lightning symbolizes the sudden arrival of Jesus Christ; lightning symbolizes mightiness and power of God; punishment for sin; the sign of the seventh vials of God’s wrath [9: p.629]. Lightning symbolizes the threshold of the great battle. Lewis, like Tolkien, used the natural symbols. Natural disasters accompany hobbit Frodo in Tolkien, when the great battle with evil starts.

We can see other reminiscences in the novel. To emphasize the depth of the infernal evil, embodied in Weston, Lewis refers to the image of Goethe’s Mephistopheles: having a red cloak, a hat with a feather on and a sword; to the “gloomy Satan” from Milton’s *Paradise Lost*. The speech of infected with evil Weston resembles Mephistopheles’ monologues, which shows contempt to humanist philosophy, rejects it, moreover, it even flaunts with depravity, misanthropy.

Dehumanisation of Weston is somewhat reminiscent of the Gospel parable of the Sower [Matt. 13:18 – 35; Lk. 4:13 -22; Lk. 8: 11-15] and Weeds [Matt. 13: 24-30] where it is spoken about the Kingdom and the obstacles on the way. In the Parable of the Sower the perpetrators of evil are the people themselves, in the novel evil is interpreted in a different way: its source is external power to be Satan. Weston himself is to blame for choosing evil and his philosophy and actions are imposed by this choice.

A mirror is one of the symbols of the trilogy. The symbolism of the mirror is associated with the mysterious and unusual. That brings Lewis with the national literary tradition. According to the ancient ideas, “a mirror is symbol of the soul, holding and storing all the impressions and thus carrying out communication with the world [9: p.196]. In the biblical tradition the image of a mirror is reflection of the man’s spiritual life, his inner component [ibid]. The symbol of a mirror is commonly found in folklore and fiction. For example, in L. Carroll’s *Alice in Wonderland* the mirror is a door through which a man enters another world. W.J. R.R. Tolkien in *The Lord of the Rings*

a symbol of the mirror is a mythologeme: it is an exit to another world, the realm of nonentity. A mirror helps someone to see different events both future and past ones. A mirror is associated not only with mythological beliefs but also with scientific ones. Besides, the symbol has a deep philosophical meaning that is quite consistent with the Western philosophical movements of the 20th century. For instance, according to Cassirer, the symbol helps to explain the spiritual reality and Heidegger and Gadamer see the symbol as a tool to understand the world. Following this line of reasoning, one may state that using a variety of symbols in the novel goes in line with the Western philosophical tradition, building on their basis its existential view of life and perception of the world through the symbols used to show a biblical event.

Using the symbol of the mirror the writer focuses on the way Weston is trying to intervene in the world of God. Weston gives the mirror to the Green Lady who is terrified with the reflection in the mirror. Doubt and unbelief settled in the man's heart distorts the image of God, and as it is known a face as a mirror of the soul reflects either good or bad, depending on the human spirituality or its complete absence.

The space of the spiritual struggles of the main character – Ransom – not only Perelandra but Earth, which he is in constant contact with. Spatial and temporal connections are intertwined in a bizarre pattern where all the Earth history from the creation of the first people up to date is played in a fantastic and at the same time, in a real mystery; the character is simultaneously in several space-time continuum, with the boundaries being erased. These are real historical events happen with the real characters. Real and fantastic, mythical and factual, accidental and natural are all intertwined. The principal character does not just contemplate this mystery, he lives it. Ransom possesses the features of the characters of a tale of chivalry to be the valiant knights of the Round Table. It has everything that has been accumulated during the long history of civilization, from nobility to cowardice and helplessness: "He is a coward like Peter" [7: vol.3, p.303], from desperation to consciousness of his own inadequacy, "Did I win in at least one fight?" [7: v.3, s.302] and a great hope for the mercy of God, "and he will be forgiven just like Peter", from the pangs of doubt "the darkness did not give him any, even the slightest guarantees. The future was dark" to "gaining great freedom" [7: v.3, s.302].

The way to humbling is reached for Ransom through fighting. Driven by the Christian sense of compassion for the neighbour, he calls Weston for redemption: "Pray as a child, if you do not know how to pray as a man. Repent. Take me by the hand. Now on Earth thousands of beardless boys are killed. We will cope" [7: vol.3, p.324].

The conflict reaches its climax in the scene of the last meeting of Ransom and Weston. Ransom is a carrier of good, spiritual heroism, humanity and Weston is a wicked misanthrope carrying a total destruction. Weston is a kind of a half-man, a half-animal, a half-tree. When depicting Weston, the writer uses specific metaphors and similes: "Slowly, gropingly, scarlet in the glow of the fire, a human body was creeping out on the floor of the cave. People do not move in such a way; it was a Monster. A broken leg was being dragged along the floor, the lower jaw dropped like that of the dead man, but he was trying to get to his feet. Right behind him at the entrance to the tunnel there was something else. First, there were some branches; then

there came seven or eight strange lights arranged like the constellation, then there was some crashed tube reflecting the light like polished wood. Ransom shuddered when he realized that the branches were long, thin tentacles, the lights were eyes hidden by the shell head and a shapeless pudding was a long thick body. Behind him there appeared quite terrible things: angular articulated legs and the second body and the third... a huge, multilegged, shapeless monster turned out to be located immediately behind the Monster and the terrible shadows merged into one on the wall of the cave" [7: vol.3, p.332]. The character acquires grotesque, satirical features.

"Dehumanization" of the famous physicist, metamorphoses having occurred to him are a consequence of his negation of God, lust for sadistic treatment of nature, egocentrism, inhumanity, the propensity to murder, obsession with the crazy idea to consider himself to be a superman, appropriating the right to administer universal history. The episodes with Weston's metamorphoses can be considered to be the brightest in terms of their emotional richness and figurativeness.

Weston ruined his soul as a result of the incredible arrogance that Lewis thought to be "one of the greatest sins" [7: vol. 1, p.116]. The end of Weston or rather what is left from him (a part of the "tripartite and headless body resembling a living tram") [7: vol. 1, p.332] is symbolic. He was thrown into the fire by Ransom. This biblical allusion is associated with the final judgment of Satan who, according to the revelation of the Holy. St. John the Divine, will be thrown together with the false prophet into the "lake of fire and Sulphur" by Ransom, having defeated evil, he fulfilled the task given by the supreme forces, he prevented the victory of evil on Perelandra.

The novel ends with the serene and joyful song or even hymn of all living creatures sounding like the Psalms of David. The music symbolizes harmony attained in the ethereal world disturbed by Weston. Music is going through all the Lewis' production: music is heard everywhere, the characters also sing. An important role in the novel belongs to the symbolism of the dance. The Great Dance is the symbol of the eternal life of the universe. Firstly the symbol of dance appears in "Suffering", the world is a dance". The metaphor of dance, in our opinion, symbolizes the inextricable link between the fragmented description of the parts of the entire in the real world and the new reality that emerges from their interaction and interpenetration, i.e. it is a symbol of the idea of the world harmony. As the great poet Goethe said, "The Universe is a harmonious unity in which every creature is only one of the tones, shades of the great harmony which the man should aspire to understand its integrity and greatness, or if taken separately, the details will remain only dead letters" [3 : p.14]. In our opinion, the statement of the great master is in tune with the thoughts of Lewis about the original harmonious world created by God, and only as a result of man's disobedience to His Law, the world is filled with suffering, and the responsibility for this lies only on the man himself.

As it was noted by Walter Hopper, "we are talking about the Great Dance, owing to which the heavenly hierarchy becomes ordered. The Great snow dance of Narnia shows the harmony and goodness of different creatures that inhabit the kingdom [11: p.275]. In the novel, ordinary people coexist with mythological characters. According to S.I. Kormiltsev, "those who were encountered by Ransom – Thor and Tinidril, Bartz and Barua, Ask and Embla, Yateur and Yateura are the names of the first people or the first

divine couples in different mythologies: Scandinavian, Iranian, Vedic ones" [7: vol.3 p.353]. Introducing the mythological characters into the narration allows us to talk about the archetype as a characteristic of "the most common, fundamental and universal mythological motifs" [10: p. 9].

K.G. Jung thought the archetype to be "the primary arrangement of characters being reproduced unconsciously and a priori modelling the activity of imagination, and therefore being revealed in the myths, beliefs, in literature and art, dreams and delusional fantasies... The mystery of the impact of art, according to Jung, is the special artist's ability to feel the archetypal forms and accurately implement them in their productions" [I: p.10-11] that can be fully attributed to the novel studied by us.

Based on the above material we can say that the biblical myth of the Fall of Man and its organic connection with the human being having the freedom of choice of generates the rest of his life is embodied in the novel *Perelandra*. The problem of freedom of choice is raised by Lewis in his novel.

According to the just remark of B.P. Vysheslavtsev "the primordial paradise freedom of a man is that he is granted all the fullness of life as a sphere of free creativity to "store and cultivate paradise") as the scope of the full life as ("Tree of Life") [2: p. 13-14].

It is this life-affirming existential position, in our opinion, that is inherent in C.S. Lewis and being fully and convincingly manifested in the *Space Trilogy* and the novel *Perelandra*.

The distinctive feature of the novel studied is the biblical basis influencing the writer's view on the spiritual and moral problems of man.

References

- [1] Vladimirova N.T. Artistic Conventions in the Literature of the Twentieth Century Britain. Novgorod, 1998. 304 p.
- [2] Vysheslavtsev B.P. The Myth of the Fall of Man. M., 1932. 36 p.
- [3] http://krotov.info/library/16_p/put/34_03.html
- [4] Giuseppe Del Re. Cosmic Dance / Transl. from English Yu. Kreynin, N. Eppif. M., 2001. 432 p.
- [5] Ancient Irish Epic. Moscow-Leningrad, 1961. 459 p.
- [6] Kuznetsova V.N. The Gospel from Mark. Commentaries. M.: Prot. Aleksander Men Orthodox University, 2000, 297 p.
- [7] Lose A.F. The Aesthetics of the Renaissance. M., 1998. 624 p.
- [8] Lewis C.S. Collected Works in 8 vol. M. Foundation named by Father Alexander Men, 1998-2004.
- [9] MacDonald, George. Tales. Trans. N. Trauberg.. Essays of K.S. Lewis. George MacDonald. M., 2000. 295 p.
- [10] New Encyclopedia of Philosophy. Symbol. <http://iph.ras.ru/elib/2711.html>
- [11] Oparin A.A. Molchanov S.B. Dictionary of the Biblical Imagery. St.Pb., 2005.-1423 p.
- [12] Gibb, Jocelyn. Light on C. include Owen Barfield, A.W. Benneff, Nevill Coghill, Austin Farrer, Stella Gibbons, Walter Hooper and others. 1965. 345 p.
- [13] Sayer, George. Jack: C.S. Lewis and his Time. Macmillan, 1988. 397 p.
- [14] Efimova L.N. The origins of the philosophical, religious and aesthetic views, KS Lewis (autobiography "overtaken by joy" (1956). New University Series.: Actual problems of the humanities and social sciences number 2016. 1 (58), pp 36-48.
- [15] Efimova L.N. The magical world of CS Lewis ("The Chronicles of Narnia"). Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2007.№ 2. S. 257-260.

THE DEATH OF GOD AND THE CRISIS OF CULTURE

G. Sibashvili¹*Abstract*

In the article "Crisis of Culture and Meaning of Life of Nietzsche" it is considered the axiological theory of the chief German representative of philosophy of life of Nietzsche who remarkable in many respects and requires a multilateral research. Difficult, extremely contradictory are both the nature of the identity of Nietzsche, and the nature of his theory in which center there is a deep understanding of a cardinal problem of crisis of culture and meaning of life, closely connected with problems of death of god, a will to the power and the superman, etc.

In Nietzsche's formula "God died" logically followed absolutely legal desire of revaluation of values, that is approval of new values instead of old that shall become means of removal of the European culture from the crisis deadlock. He claims that denial and revaluation of old, traditional supreme moral values will lay the foundation for new values, the new person, updated life of the personality equipped with a will to the power – the superman, the creator of values, a Nietzschean ideal of the person.

Perception of a crisis situation of society in itself gives the chance of critical judgment of all cultures and philosophy if such perception aren't limited only to criticism of old and outlines contours of new society, new culture and philosophy.

Keywords: crisis of culture, "death of God", value, moralism., meaning of life, will to the power, the superman.

Обсуждение. Теория главного немецкого представителя философии жизни Фр. Ницше примечательна во многих отношениях, и поэтому требует многостороннее исследование. Сложными, крайне противоречивыми являются как природа личности Фр. Ницше, так и природа его теории, в центре которой стоит глубокое осознание кардинальной проблемы кризиса культуры и смысла жизни, тесно связанными с проблемами смерти бога, воли к власти и сверхчеловека.

В философии Фр. Ницше положению о гибели бога.придаётся громадное значение, однако оно для нас, в первую очередь, интересно как выражение отрицания старых, традиционных ценностей, как необходимая предпосылка, возвещающая об обесценивании высших ценностей, о их переоценке. Смерть бога для Ницше является в некотором смысле точкой отсчёта, начало изменчивости ценностей. По мнению Ницше, человечество в течение веков было приковано к богу, поклонялось ему.

Человек с надеждой устремлял взгляд к небу, к трансцендентному миру, откуда, как он думал, поступали моральные императивы. Подобная мысль, хотя она и была ложной, однако внушала всё-таки человеку надежду, давала ему спокойствие и счастье, хотя такому положению изначально грозил своеобразный конец – опасность выявления его лично-

¹George Sibashvili, Associate Professor, Head of Department of Philosophy and Social Sciences, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

сти, поскольку любая теория, любая мораль, основанная на ошибке, лжи и обмана людей обречены на неудачу. Такой подход, желание достигнуть правды с самого начала настраивали человека на поиск и выяснение истины, вследствие чего выявляется множество ошибок, что в конечном счёте приводит европейское человечество к заключению о смерти бога и кризису культуры.

«Бог умер», – объявляет Ницше, и этим положением выражает глубокую внутреннюю трагедию – как свою, так и всего человечества. Глубокое содержание, выраженное в этой короткой фразе, полно глубочайшего трагизма. Она короткая, но глубокая, всеобъемлющая характеристика всей эпохи, утвердившейся в результате христианской морали, в результате признания существования бога, эпохи, в которой господствуют моральные императивы, традиционные христианские ценности и принципы добра и зла. Бог мёртв, заявляет Ницше, и тем самым должны погибнуть и традиционные, связанные с богом ценности. Однако, хотя после смерти бога расшаталось оправданное существованием бога основание христианской морали и произошло её обесценивание, хотя поколебались имеющие высшую ценность христианские принципы, по мнению Ницше, этот процесс всё же находится в начальной фазе.

Ницше считает, что необходимо завершить процесс полного обесценивания ценностей и начать процесс их переоценки, то есть замены старых ценностей новыми. Бог мёртв, это должны знать все, даже отшельник, проповедник бога, скрывающийся в лесу, который ещё не слышал этой ужасающей правды: «Этот старый святой в своём лесу ещё ничего не слышал о том, что «Бог умер»» [4. 26]. Бог умер, думает Ницше, обесценились все ценности, традиционные признаваемые абсолютными, человечество зашло в тупик и начался глубокий кризис всех сфер духовной жизни. Человека охватили глубокое кризисное состояние и никакая религиозная мораль и никакие традиционные высшие ценности ему уже не помогут, поскольку сама мораль является причиной кризиса культуры.

В современной ему и будущей европейской культуре Ницше видит господство морализма и морального максимализма и критикует его господство. Он считает, что морализм является провозвестником гибели европейской культуры, причиной, вызывающей её кризисное состояние, он генетически вызывает соответствующий результат, пессимистические и нигилистические заключения, «закат Солнца» европейской культуры.

Однако после смерти бога не сразу умирают вызванные его существованием, ставшие абсолютными, окаменевшие старые ценности, они с теми же претензиями всеобъемлемости и вечности по инерции остаются в силе и препятствуют человеческой жизни, процессу выработки новых ценностей.

По мнению Ницше, такая эпоха – трагическая эпоха. По его утверждению, европейская культура попала в тупик безграничного внутреннего кризиса, и выхода из него не видно.

Кризисное состояние, кризис культуры сам по себе является показателем пессимизма.

По мнению Ницше, необходимо пересмотреть высшие идеалы. Возможно даже, думает Ницше, что рассмотрение мира с точки зрения высших ценностей вовсе неверно, или людям и вообще человеческому существованию соответствует совершенно иные ценности: «Мы замечаем, что не достигаем той сферы, в которую вложили ценности, а сама та

отличающаяся сфера, в которую мы хивём, ничего не выиграла от ценностей» [4.11].

Ницше высказывает предположение о том, что такая жизнь для людей бессмысленна. По его мнению, религия вообще. В частности христианская религия – господствующая религия в европейском обществе, никак не может дать возможность правильного обоснования ценностей, так как «в религии исключена необходимость смотреть на самих себя как на творцов ценностей» [4.17].

Очевидно, что это положение по своей сути в корне противоречит всяким религиозно-моральным максимам. Что такое человек как творец ценностей? Мир ценностей, ценности создаются человеком? Человек, субъект, взамен бога, абсолюта, духовного абсолютного начала сам является творцом. «Бог умер». Умирают старые ценности, оправданные существованием бога, как потерявшие основу, бессмысленные. Однако процесс гибели ценностей, разложения старых ценностей для Ницше не является процессом их вечного захоронения. Он является лишь сторонником полного уничтожения вечных, старых абсолютных христианско-религиозных и моральных ценностей, считая, что такое уничтожение ценностей необходимо как создания и утверждения новых.

Точка зрения Ницше подразумевает именно создание новых ценностей. Замена старых вечных ценностей новыми, думает Ницше, должна стать средством выведения европейской культуры из кризисного тупика. То, что в течение веков похоронено и приведено в упадок абсолютными ценностями религиозно-морального типа, должно быть восстановлено благодаря новым ценностям, однако совсем по-иному, отличной, но небесной, и земной жизненной силой.

По мнению Ницше, именно «земля» нуждается в первую очередь в преданности человека, поскольку он дитя земли, а не неба. Он считает, что человек обязан быть земным, поклоняться собственному телу и любить его, вернуть ему утраченные права, восстановить его первичную естественность, ту первоизданность, которой оно обладало когда-то, до того, как попало в кабалу извращений религии и морали.

По мнению Ницше, наше существование только земное, посястороннее. Истинным, настоящим миром является лишь земной мир, истинным является лишь земля, но не небо, бог, абсолют, трансцендентальный мир идей и т.д. А раз так, то и новые ценности он ищет здесь же, на земле, в реальной жизни, более того, со ссылкой на землю он ищет не только новые ценности, но, что главное, их находит тоже здесь, не на «земле». Ценности обосновываются человеком, субъектом. Человек, и только он, может, по мнению Ницше, быть творцом ценностей, их обоснователем, создателем всякого добра и зла: «Поистине, люди сами создали себе всё добро и всё зло» [4.80]. Они не падают с неба, не являются милостыней какой-то небесно – божественной силы, как это считалось до сих пор, они – результат творчества народа, людей, Ценности не были спущены готовыми свыше, из высших божественных инстанций, они не возникли сами по себе, самовольно, замурованными в предмет; человек «вложил ценности в вещи» [4.80]. Ценности создавал человек, субъект, но этим придавал смысла предметам и явлениям мира, тем самым придавая смысл предметам и явлениям мира, тем самым придавая смысл самому себе, определяя себе цель и назначение.

Человеческое существование становится целенаправленным, сомыс-

ленным, достойным оценки высшей меркой и отличающимся высокой степенью человеческого существования именно посредством силы ценностей. Только подобное мышление, и тем более подобное существование, по мнению Ницше, спасёт человечество. Он считает, что человек создал ценности, дал предметам и явлениям смысл для своего спасения. «Для того, чтобы сохранить себя, он создал сперва вещам смысл, человеческий смысл» [4.80]. Однако, этот фактор, этот «инстинкт» самосохранения, по мнению Ницше, неглавное. Главное то, что человек по природе творец. Он творец ценностей с собственнo человеческим назначением.

Назначение человека, смысл, оправдание его существования – это создавать ценности, а затем жить согласно этим ценностям. Жить жизнью, смысл которой придал человек и есть истинная жизнь, жизнь, имеющая смысл. Человек является человеком, прежде всего потому, что он оценивает ценности. «Вот почему называет он себя «человеком», т.е. оценивающим» – думает Ницше [4.80]. Субъект, человек, по его мнению, одновременно и творец и оценивающий субъект. По утверждению Ницше, «оценивать значит создавать» [4.80].

Таким образом, человек – оценивающее или творящее существо, которое оценивает ценность, драгоценнейшего клада ценных вещей. Человек оценивает ценность в ценном предмете, следовательно, он – творец ценности. Ценность – следствие оценки, она обязательный результат оценки субъекта, проявляющийся в результате оценочного акта, психологического процесса оценки.

Ценность возникает после оценки из-за оценки. Без оценки она ничто. Ценность без оценки – абсурд. Предмет без оценки – лишь бытие, ценность которому придаёт оценка. Человек как оценивающий субъект – творец ценностей. Он даёт бытию смысл, создаёт ценность. Из этого вытекает мысль Ницше о том, что смена ценностей, сложный процесс обесценивания и переоценки ценностей может протекать всего лишь объяснённой заменой творцов ценностей, людей, поскольку. По его мнению, смена ценностей – это смена творцов ценностей, субъектов. Творцом ценностей является человек, и процессы обоснования или игнорирования, обесценивания или переоценки ценностей зависят от него.

По мнению Ницше, человек, субъект, оценивающий субъект оценивает и создаёт всякую ценность, он обосновывает, он и отрицает всяческие моральные теории и взгляды. Ницше считает, что мораль обосновывается человеком, личностью, субъектом [4.90].

По его мнению, мораль – плод жизненных условий субъекта, множества жизненных факторов человека, различных состояний реального бытия людей. Он считает, что не существует никаких моральных явлений; ни одно моральное состояние без личности, без субъекта. Они являются лишь интерпретацией субъекта человека.

По его утверждению, в любой оценке дело касается какой-то определённой перспективы. Оценка всегда подразумевает какую-нибудь перспективу. Она указывает на должное стремиться к какой-нибудь определённой цели и желает её постижения. Сама цель требует оценки, порождает альтернативу оценки, даёт возможность её рассмотрения тем или иным образом. Однако эти цели внесены в неё опять-таки человеком, субъектом, мы вложили в неё наши цели и ценности» – сообщает Ницше [4.90].

Он утверждает, что отрицание и переоценка старых, традиционных

высших моральных ценностей положит начало новым ценностям, новому человеку, обновлённой жизни личности, оснащённой волей к власти – сверхчеловеку, творцу ценностей, ницшеанскому идеалу человека.

Выводы

Итак, в теории Ницше можно найти множество попыток глубокого осмысления целого рода сложнейших философских проблем. Нельзя не отметить глубину и всеобъемлемость ницшеанской характеристики проблем нигилизма, вообще ницшеанское переживание кризиса современной ему эпохи, европейской культуры, основательную критику этого кризиса и попытки его проеодоления. Заслуживают внимания установленное Ницше обесценивание старых, высших ценностей, его попытка их переоценки, обоснование новых ценностей и избавление этим путём человечества; попытка восстановления истинной первобытно-естественной природы человека, его желание вернуть человеку идеал человечности, придать ему силу «сверхчеловека» и в результате этого со-общить человеку истинно человеческую, естественную силу, что в конечном счёте приведёт человека к счастью, придаст его жизни истинный смысл. Хотя здесь же необходимо отметить, что надежда на достижение счастья посредством ницшеанского идеала «сверхчеловека» совершенно беспочвенна.

References

- [1] НицшеФ. Воля к власти,, Собр.соч. М.,1900. Т.9.
- [2] Ницше Ф.Гениология морали. СПб,1908.
- [3] НицшеФ. По ту сторону добра и зла. СПб,1907.
- [4] Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб,1913.
- [5] Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности – Тбилиси; Мецниереба,1904.
- [6] Nietzsche Friedrix.2005. Ecce homo. C.H. Beck Munchen 2005.
- [7] Nietzsche Friedrix.1926. Der Wille zur Macht Munchen 1926.

SOCIOLOGICAL SCIENCES

SPECIFICITY OF LEGAL LINGUISTICS AS ONE OF THE CORE AREAS OF LINGUISTICS – SOCIOLINGUISTICS IN CONTEMPORARY WORLD EDUCATIONAL SPACE, TAKING INTO ACCOUNT MULTILINGUALISM

O. Ayvazyan¹

Abstract

The paper discusses the peculiarities of formation and functioning of the legal linguistics. The author examines the basic legal aspects of the language, the existing problems and solutions.

Keywords: Language, linguistics, legal linguistics, society, socio-cultural space.

Современный период развития общественного сознания в условиях социально-экономического кризиса характеризуется тем, что в социуме выявляется недостаточная грамотность в сфере юриспруденции и лингвистики, что приводит к дезорганизации процесса взаимодействия в обществе. Актуальность представленной работы обуславливается тем, что в нынешний период происходит процесс возникновения такого направления в языкознании, как юридическая лингвистика, предполагающей изучение юридических основ языка и речи, мы все чаще сталкиваемся с проблемами непонимания данной сферы. В связи с этим, необходимы меры по совершенствованию данной системы и формированию знаний и навыков в области юрислингвистики.

В научной литературе и прессе недостаточно освещены вопросы реализации основ юрислингвистики, что вызывает особую обеспокоенность, так как не позволяет в полной мере всесторонне развиваться личности. В учебной же литературе хотя и присутствует освещение этого вопроса, но все же мы не можем говорить о достаточности данного материала для полного просвещения граждан. Также выявляется недостаточное количество исследовательских работ, освещающих данную проблематику.

При этом, анализ теоретического материала и практического опыта в сфере реализации вопросов юрислингвистики с учетом ее социокультурной значимости позволяет констатировать тот факт, что сущность языка правовой сферы не представляется отдельным явлением, изучаемым в рамках лингвистического научного мышления.

Проблематикой, заключающейся в исследовании механизмов формирования и реализации языка правовой области в основном занимаются специалисты по юридическим наукам, хотя в самой сути данного вопро-

¹Oksana Ayvazyan, Candidate of Pedagogic Sciences, Lecturer, Department of Administrative and Financial Law, Russian University of Cooperation, Russia.

са заложены лингвистические основы, требующие более тщательного изучения учеными-лингвистами. Данное высказывание подтверждается тем, что начиная с древнейшего этапа становления общественного социокультурного устройства вопрос, относящийся к лингвистическим основам юридических (правовых) понятий не рассматривался.

Также в период становления и функционирования отечественного языкознания данная проблематика не изучалась, несмотря на то, что юридические основы языкового компонента представляются наиболее сложным предметом социолингвистики, предполагающим изучение сущности коммуникативно-речевого взаимодействия в социально-правовой сфере. При этом, имеется возможность отметить и то, что функционирование языка, определяется нормами законодательства страны.

Одним из основных источников в правовой сфере, обладающим высшей юридической силой и закрепляющим особенности функционирования языка на внутригосударственном уровне российского государства является Конституция РФ. Так, в п. 1 ст. 68 Конституции РФ закреплено то, что государственным языком в России и на всей ее территории является русский язык, а в п. 3 зафиксировано то, что каждый член российского общества имеет право на сохранение своего родного языка и возможности изучать и развивать навыки его реализации [3].

На международном уровне право каждого на использование своего языка свободно без дискриминации, отражено в ст. 2 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (3) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [1], а также в ст. 2 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятой резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года [2].

Но возвращаясь к проблематике, рассматриваемого вопроса важно подчеркнуть то, что до недавних времен он не находил отражения в социолингвистических и педагогических исследованиях.

Однако, имеется возможность отметить то, что в современной науке существуют исследования, посвященные рассмотрению процесса юридизации языка, хотя нельзя говорить об их достаточности для целостного формирования и просвещения личности каждого члена общества.

Среди ученых работы, которых направлены на изучение юридических основ языкового компонента выделяются: В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Ю.А. Бельчиков, Т.В. Губаева, А.А. Леонтьев, Б.Я. Шарифуллин и другие, с точки зрения лингвистики права выделяются труда таких исследователей, как: Н.А. Любимов, А.Р. Ратинов и другие.

Понятие юридическая лингвистика сравнительно недавно вошло в научную сферу, и является новейшей сферой изучения в языкознании. В основе данного понятия заложено изучение явлений на стыке таких феноменов, как язык и право, что характеризует его как междисциплинарную область, исследуемую как юристами, так и лингвистами.

Основным предметом юридической лингвистики является изучение отношений между языком и законом, то есть юридические основы языка.

Сущность языкового компонента в юридической сфере заключается в естественно-правовом проявлении, что предполагает процесс юридизации языка, то есть приближение естественных проявлений языка, а именно языковых норм к правовой области знаний. При этом, в данном

процессе нет места дискриминации прав объектов применять их.

В целях более осознанного понимания сущности языка необходимым является рассмотрение его основных определений.

Язык представляет собой знаковую систему, включающую слова и словосочетания, которые подчиняются правилам применения в сложных синтаксических конструкциях [4, с. 19].

Чем развитее язык, тем богаче его лексика [7, с. 53].

Итак, язык, который быстро реагирует на появляющиеся новшества, в связи с модернизированными потребностями в толковании норм права в современном общественном устройстве, позволяет развиваться и совершенствоваться такой области языкознания, как юридическая лингвистика, помимо этого, возникает возможность формирования соционормативных требований, предъявляемых к сознанию и мышлению людей. При этом, важным является то, что только лингвисты и юрислингвисты представляются единственными защитниками особенностей языка в юридической сфере.

Несмотря на факт недавнего введения этого термина в научную сферу, можно заметить то, что еще в Древнем Риме правоведами была сформулирована концепция, заключающаяся в следующем: «право может и должно быть определенным» [5, с. 68]. Сущность этой концепции заключается в четкой регламентации правовых основ, включающих также лингвистические основы, а в плане юрислингвистики является создание точных и понятных для восприятия текстов правового содержания.

Одним из основных источников, в котором были четко зафиксированы основополагающие проблематики юрислингвистики является коллективный труд изданный под руководством А.А. Леонтьева в 1997 году «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности» [6]. При этом, по их мнению, основной проблемой является толкование терминов честь, достоинство и оскорбление, ими в данном труде было доказано то, что эти термины, несмотря на факт их применения в законодательных текстах не являются строгими терминами, а это значительно усложняет процесс судебного разбирательства и остальные его стадии.

На основе всего вышеизложенного можно прийти к выводу, что основной задачей юридической лингвистики является изучение и разрешение вопросов лингво-правового характера. Так, например, в область исследований могут быть включены следующие виды деятельности: проведение лингвистической экспертизы нормативно-правовой документации, разработка положений рекомендательного характера, направленных на совершенствование законодательных текстов, изучение основ юридического перевода, создание и совершенствование механизмов проведения криминалистических исследований, направленных на определение языковой сущности и содержания законодательства и пр.

Изучением проблематики в области юридической лингвистики занимаются специалисты в сфере языкознания многих государств.

Начало исследований языкового компонента в сфере юриспруденции датируется прошлым веком. При этом, в основе исследований было изучение особенностей функционально-стилевой принадлежности языка закона, который впоследствии применялся при фиксации норм правовых основ.

В нынешнее же время социокультурного развития общественного

устройства основой лингвистических исследований в юридической сфере является создание норм лингвистики языка закона, что позволяет создавать тексты законодательства в понятной для освоения форме.

Исследованием основных аспектов юрислингвистики также занимаются американские и английские специалисты, профилирующиеся в сфере юриспруденции и лингвистики. При этом, основным предметом изучения представляется языковой и стилевой компонент правовой документации. Центральное место отводится лингвистической экспертизе в ходе судебного разбирательства, изучению коммуникативных составляющих на стадии дознания в правоохранительных органах, значение юридических переводчиков на всех стадиях судебных разбирательств, а также изучение речи судейской коллегии и членов суда присяжных заседателей. К тому же в английской и американской юридической лингвистике основное внимание уделяется юридическим переводчикам, поскольку посредством данных специалистов возможно взаимодействие между представителями разных языков, культур и социальных сфер. Хотя данный фактор является положительным, но присутствуют и отрицательные моменты, которые заключаются в недостаточной квалифицированности переводчиков, так как они, обладая лингвистическими знаниями, не в полной мере владеют правовыми знаниями и навыками. Все это приводит к следующим последствиям:

1. Неверный перевод терминологического аппарата и специальной лексики.

2. Неполное доведение важнейших сведений.

3. Подмена лексики одним обобщающим понятием.

4. Перевод в свободной форме, что искажает суть высказываемой информации.

В российской юридической лингвистике основной упор делается на вопрос, изучающий особенности проведения лингвистической экспертизы. В основе института российской лингвистической экспертизы заложен коммуникативный и функциональный подтекст, то есть рассматриваются коммуникативно-речевые и функционально-деятельностные составляющие доказательной базы в процессе судебного производства. В подобном подходе имеются, как положительные стороны, заключающиеся в изучении личности обвиняемого, так и отрицательные, включающие возможность неверной интерпретации доказательной базы, что может привести к неизбежным последствиям.

На основании всего представленного материала следует вывод о том, что в современной юридической лингвистике существует множество разнообразных проблем, которые необходимо исследовать и создать механизмы для их разрешения. Среди таковых особо можно подчеркнуть следующие:

- 1) неверное толкование и интерпретация текстов нормативно-правовой документации;

- 2) проблемы коммуникативно-речевого взаимодействия органов правотворческой деятельности и правоприменителей;

- 3) недоступное изложение правового материала для его понимания и уяснения гражданами.

В целях разрешения, сложившейся ситуации появляется необходимость создания новейших механизмов разрешения представленных проблем. И одним из основных способов является взаимообусловленное

сближение теории и практики лингвистики и юриспруденции, а также повышение лингво-правовых знаний и навыков у специалистов соответствующей сферы деятельности.

На основании всего вышеизложенного, можно говорить о том, что юридическая лингвистика является достаточно значимой и одновременно сложной для изучения областью языкознания, которую важно совершенствовать и развивать в современном мировом пространстве с учетом многоязычия.

References:

- [1] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.). Российская газета. 10 декабря 1998 г.
- [2] Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 47/135 от 18 декабря 1992 г.): сборник «Действующее международное право» т. 2. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. 2007. 768 с.
- [3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.
- [4] Айвазян О.О. Сущность, содержание и условия взаимодействия языка и мышления в современном многонациональном обществе. Science Time. 2015. №4 (16). С. 19-24.
- [5] Алексеев С.С. Общая теория права: учебное пособие. М.: Проспект, 2011. 498 с.
- [6] Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средствах массовой информации / В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин. М.: Права человека, 1997. 128 с.
- [7] Шхапацева М.Х. Современный русский язык: учебник для педагогических факультетов высших учебных заведений (уровень подготовки бакалавр). Майкоп: Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВПО «АГУ», 2013. 475 с.

ANTI-READING OR TRANSLITERACY: THE CASE OF “SILENT” BOOKS,
BOOKS FOR WATCHING AND PICTURE-BOOKS*M. Tsvetkova¹*DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/07*Abstract*

The research on letterless and iconic books is done for the purpose of provoking a debate in the theory of reading for the actual modalities of reading beyond letter text. The position of the author is that this is one of the creative ways of thinking over a broader definition of reading, relevant to a complex digital environment and its poly-modality. Silent or “mute” books, eccentric books “for watching”, iconic and visual books, are summarized in the term “silent books”. The examples of cinematographic and storyboard approaches in the “optical” book-creation are defined as rehabilitation of the visual communication modality in the publishing art. Parallel to this in the media sciences is observed emancipation of iconicity as an object for reading. The narrative in pictures as well as the letter narrative requires literacy in order to be read. This is a new holistic type of literacy or transliteracy for communication with texts in plural modality with prevailing imagery and iconicity. The conducted synopsis is a proof that defining of the new transliteracy for managing with polyglot and transmedia environment obligatory must be expanded in direction of non-letter perception or competence of visual reading. A definition of reading is proposed as a receptive process of indirect (media-based) informing, which is not dependent on the letter symbol and the visual analyzer.

Keywords: reading, reading of images, transliteracy, picture books, books for watching, “mute” books, silent books.

Введение

„Немые“ или молчаливые книги – это безбуквенные книги; книги, содержание которых раскрывается без помощи слов; визуально рассказывающие картинные книги. Наука о книгах ставит их в категорию не-книги – конвенциональное книжное тело для восприятия в неконвенциональном перцептивном режиме, имеющее содержание, передаваемое безбуквенной кодовой системой или отличающееся отсутствующим письменным текстом.

Методика исследования

Цель настоящего исследования – спровоцировать дебаты в теоретической области чтения о действительных модальностях чтения, по ту сторону буквенного текста, примеры которого суть безмолвные или „немые“ книги. Позиция автора утверждает, что это один из творческих путей мыслить новое определение чтения релевантного комплексному и полимодальному дигитальному полю. В теоретическую основу входят взгляды Сюзена Лангера (Susanne Langer), Поля Лестера (Paul Lester),

¹Milena Tsvetkova, Associate Professor, PhD in Sociology, Sofia University St. Kliment Ohridski, Bulgaria.

Эля (Лазар) Лисицкого, Умберто Эко, Поля Валери, Юлии Мелентиевой, Гюнтера Кресса (Gunther Kress), Дженифера Роузла (Jennifer Rowsell), Зигрида Фарера (Sigrid Fahrер). Метод собирания первичных данных показывает свою применимость к 11 эмпиричных объектов (книг).

1. Образцы безмолвных визуальных книг

Из истории мы знаем, что существуют немало книг, в которых нет письменного кода, нет букв для передачи содержания, а есть изображения. Но и до сих пор их все „расчитывают“. Это „немые“ книги: „Юмористические мечты Пантагрюэля“, „Mutus Liber“, „Wordless Book“ и „Codex Seraphinianus“.

„Юмористические мечты Пантагрюэля“. Издание 1565 г. содержит в себе 120 гротескных фигур, инспирированных произведением Франсуа Рабле („Pantagruel“, 1532), созданных неизвестным автором. В этой книге можно найти слова только в Предисловии (ил. 1) [15].

„Немая книга“ („Mutus Liber“). Средневековая „Mutus Liber“ (англ. Mute Book) есть самая популярная книга без слов, более известная как „немая книга“ (англ. silent book). Впервые ее опубликовали анонимно в Франции в 1677 г. в виде пятнадцати гравюр, расположенных на отдельных листах. Официальным автором книги считают Исаака Боло (Isaac Baulot), аптекаря, рожденного в 1612 г., но автор, имя которого выписано на титульной странице первого издания – Altus (ил. 2) [14]. „Mutus Liber“ – это виртуальный алхимический трактат. В нем практически нет слов, одни знаки и символы иллюстрируют все процессы. Читатель, который хочет добиться тайного смысла, скрытого в гравюрах „Mutus Liber“, должен самостоятельно и с позиции алхимика воспроизвести изображенные операции и восполнить их во всех их нюансах. Многие пробовались понять изображения процессов этой бессловесной книги, но ее символические фигуры и сцены оставляют ищущих ученых и алхимиков в неведении и до сих пор. Все это нам показывает, что иногда изображение не может донести смысла адекватным образом, оно неуниверсальное и поэтому оно пригодное для „допороговых“ коммуникаций. Именно таинственность „Mutus Liber“ делает саму книгу столь заманчивой для исследователей. Не зря она получила квалификацию шедевра алхимического символизма.

„Безмолвная книга“ („Wordless Book“). Это настоящая книга для смотрения, содержание которой раскрывается в красках. „Wordless Book“ – христианское евангельское средство, вероятно созданное лондонским баптистским проповедником Charles Haddon Spurgeon в 1866 г. [19]. Называют ее „книгой“ в мере того, что обычно показывают ее на несколько страниц, но ее можно показать и на одной странице или на табличке. Книга содержит несколько одноцветных панелей, которые в своей последовательности являются невербальным катехизисом, служащим для обучения детей, неграмотных людей или людей других культур базовым христианским доктринам. Первая концепция Spurgeon включает в себя три цвета: черный, называемый еще „темной страницей“, показывающий врожденную греховность человечества; красный – кровь Иисуса, символизирующий жертву Христа; белый – изображает высшую справедливость, данную Богом верующим, данную жертвой искупления Его Сына Иисуса Христа. В 1875 г. в свет появляется новая версия – Dwight Lyman Moody добавляет новый (четвертый) цвет – золотой, указывающий на Рай. Современные версии

издания мы видим уже в зеленом переплете, где зеленый цвет значит слияние с Богом после спасения. По крайней мере до 1880 г. евангелиские проповедники часто пользовались книгой, проповедуя сиротам в воскресных школах и в межкультурных миссиях (например в Китае). К сегодняшнему дню книгу издали и как электронную. Но эта безбуквенная книга не может функционировать без слова проповедника. Она скорее всего помогает обучаемым сконцентрироваться, но не может сыграть роль самостоятельного источника знания.

„Кодекс Серафину“ (*Codex Seraphinianus*). Эту бессловесную книгу мировой известности часто определяют как мистериозную визуальную книгу незнакомой письменности. Ее сотворил итальянский архитектор и графический дизайнер Луиджи Серафини (Luigi Serafini). Он сдал ее в издательство Franco Maria Ricci в 1978 г. (ил. 3) [17]. Автор сам придумывает странную (и сознательно нечитаемую) книгу, наполненную странными рисунками в стиле руководства с инструкциями о внеземной цивилизации. Но очевидным образом там можно заметить имитации легендарной неразгаданной книги „Рукопись Войнича“ („Voynich manuscript“). Вопреки тому, что написанное в ней есть полная бессмыслица в стиле Lorem Ipsum, несколько исследователей обнаружили, что нумерирование страниц следует за твердой, „идиосинкратичной“ схемой на основе 21 различных исключений. Истина такова – богато раскрашенный текст Серафини просто игровая шутка, оформленная стилем внеземного зашифрованного текста (ciphertext). Реально она не предназначена к чтению, но с первого своего издания и до сегодняшнего дня к ней проявлен не только огромный торговый, но и научный интерес.

Ил. 1. Страница из „Юмористические мечты Пантакруэля“ (1565)

Ил. 2. Страница из „Mutus Liber“ (1677)

Есть особый исследовательский интерес среди современных книг для просмотра в отношении визуальных книг, проектированных симбиозой иконического и вербального рассказов, воспроизводящих кинематографический эффект. Такой книгой является болгарская фильмовая книга для детей „Капризы Оливера“ (2011) Боряны и Владимира Тодоровых. Читательскую оценку книги в буквальном смысле можно выразить как „захват взгляда“. Перелистывание книги подобно фильмовому сториборду – страницы представляют собой логический переход переливающихся кадров, язык кинематографии дает затмения, кадансы, сфумато, стоп кадров, звучание реплик и ощущение музыкального фона. Но приоритетное воздействие, это оптическое воздействие. (Оптический эффект книги есть логический вклад автора иллюстраций Владимира Тодорова; он художник, аниматор и дизайнер фильмовых типажей кассовых фильмов студии Amblimation Стивена Спилберга, Warner Brothers, Sony Pictures). Книги австралийского иллюстратора и писателя Шона Тана (Shaun Tan), носителя награды „Астрид Линдгрен“ за 2011 г. – такой же пример. Его картинный роман „The Arrival“ (2007) имеет дефиницию „песни без слов“, а ради своей изобразительной книги „Tales from Outer Suburbia“ (2008) его назвали „мастером рассказа визуальных историй“. Картинное повествование без слов мы обнаруживаем и в книге русского художника Николая Попова „Зачем?“ (2010), признанной наилучшей книгой для детей в Германии, Австрии и Швейцарии. Аналогический эффект бумажного фильма

производит и книга „Изобретение Юро“ („The Invention of Hugo Cabret“, 2007) Брайана Селзника (Brian Selznick). Все эти книги указывают на неподлежащую игнорированию тенденцию нового „оптического“ книгоиздания, где текст и иллюстрации занимают вполне равностойное место. То, что показано (визуальный рассказ), не сказано, и наоборот.

Ил. 3. Страница из „Codex Seraphinianus“ (1981)

Красивые молчаливые книги вероятно выполняют роль лучшего послания мира, нежели все громкие слова и пламенные призывы. Они могут оказаться незабываемым подарком, знаком примирения и любви. „Немые“ современные книги, в которых изображения, а не буквы передают содержание, имеют активное применение в маркетинге и в публичных коммуникациях бизнеса. По модели образцов немецких книг для детей без слов „вимельбух“ (Wimmelbuch) в 2016 г. вышла и „Wo ist Karl? Ein Wimmelbuch für Fashionistas“, вимельбух для взрослых, где главный герой – модный дизайнер Карл Лагерфельд (ил. 4) [1]. Логической сферой применения „немой“ книги является и кулинарное искусство, где непонимание буквенных указаний могло бы стать фатальным для конечного продукта. Поварскую книгу без ни одного слова „Homemade is Best“ издала и мебельная компания ИКЕА в 2010 г. Там 30 рецептов, которые не написаны, а сфотографированы; полноцветные изображения стоят в графическом режиме инструкции о сборке мебели.

Все указанные примеры безмолвных или „немых“ изданий, хотя и без письменного текста, суть визуальные рассказы, которые провоцируют теоретиков чтения дебатировать о действительных модальностях чтения по ту сторону буквенного текста.

2. Визуальная модальность чтения дигитальной эры

Необратимые трансформации употребления и создания содержания в условиях непрерывно обогащающейся виртуальной среды потребовали теоретического обоснования новых дигитальных грамотностей и визуальной модальности. Таковы новые категории „множественной грамотности“ (англ. multiple literacy), „мультимодальной грамотности“ (англ. multimodal literacy), „мультиграмотности“ (англ. multiliteracy), „трансграмотности“ (англ. transliteracy). *Множественная грамотность* является собирательным понятием, обозначающим синтез разных видов грамотности, прежде всего в сфере практической деятельности: гармонию между чтением, написанием, считанием, слуховым и образным восприятием [5]. *Мультимодальная грамотность* есть понятие, введенное вместе с терминами мультимодальности, мультимодальной коммуникации, мультимодального текста, новой визуальной грамотности, трансформации текст-экрана и пр. в книгу „Literacy in New Media Age“ Гюнтера Кресса [7, р. 27-47, 88-99]. Это понятие обозначивает способность к участию в полилогическом и полисемантическом коммуникационном дискурсе XXI в., когда реципиент встречает многообразие и вариативность природы текстов и языков, образующих эти тексты (включая не-буквенные – язык образов, язык танца, цветов, звуков и др.). *Мультиграмотность* достраивает традиционную грамотность с помощью практики преобразования системы смыслов и значений с одного контекста в другой и описывает новое поле понятием „дизайна“ (информационного дизайна, медийного дизайна) – творчески структурированное и объединенное мультимодальное коммуникативное пространство, включающее в себя лингвистические, аудиовизуальные, пространственные, жестомимические и други модальности [18]. *Трансграмотность* обозначает „способность читать, писать и осуществлять взаимодействие при помощи различных платформ, инструментов и медий“, включая весь их спектр – невербальных знаков, сигналов, рукописного и печатного текста, радио, кино, телевидения и онлайн социальных сетей [22].

3. Расширенное дефинирование чтения

В результате расширения понятия „грамотности“ за последние несколько лет совершенно успешно получает свое расширение и понятие „чтения“, требуя включить в определение „читателя“ перечисление каждого участника в дигитальной и мобильной коммуникации.

Важным шагом этого раскрепощения оказалось предложение германского фонда „Stiftung Lesen“, сделанное на симпозиуме „Digitale Medien: Chancen für das Lesen“ в 2014 г. – расширить толкование понятия „чтения“. Проблема в том, что до сих пор этим понятием можно было обозначивать только „чтение художественной литературы в свободное время“, объясняет д-р Зигрид Фарер (Dr. Sigrid Fahrер). На самом деле читает и тот, кто серфирует по интернету, кто следует за иконическими навигациями веб сайтов; кто читает правила и инструкции; кто участвует в видео игре – кто не владеет чтением, тот и не участвует в игре. На фоне обеспокоительного числа 7,5 миллионов неграмотных людей в Германии, понятие „чтение“ обязательно должно включить в себя и дигитальные меди, и интернет изданий, Facebook и всякие возможные компьютерные устройства и применения. Более широкая дефиниция понятия может повысить интерес детей и

тинейджеров к традиционным книгам. Аргумент Dr. Sigrid Fahrер таков – если любитель видео игр станет осознавать себя в качестве читающего, он получит уверенность и его удовлетворение от процесса чтения будет повышаться [4].

Еще один сдвиг экспертной мысли о связи чтения и визуального восприятия показал себя в 2015 г. на европейской конференции „Literacy in the New Landscape of Communication: Research, Education and the Everyday“, организованной Austrian Literacy Association в Klagenfurt, Austria. Dr. Дженифер Роуэл (Brock University, Канада), например, защитила тезис, что „нужно заново дефинировать что такое писатель и читатель“ и что современное вербальное обучение должно быть в меньшей степени сконцентрировано на письменных текстах, так как сегодня чтение в большей мере связано с слушанием и видением. „Способ, каким дети пользуются приложениями мобильных устройств, есть новая форма компетентности чтения и писания“, говорит Роуэл. Эта констатация имеет своим основанием выводы сравнительного исследования школьных программ 21 стран, а также и инновативную образовательную визию чтения США и Великобритании. После анкетирования участников этого форума стало ясно, что большинство специалистов готовы принять как форму чтения и фильмы, подсайты, приложения и видео игры [16].

Теоретический вклад в расширение традиционного понятия „чтения“ не-буквенным восприятием сделал из дефиниции фото-визуальной грамотности (англ. photo-visual literacy) искусство чтения визуальных репрезентаций (англ. art of reading visual representations) [3].

В контексте интернета и виртуальных опций „активно формировалась новая композитная фигура: „читатель – зритель – слушатель“ книги (текста), деятельность которого нельзя оценивать по нормам прошлого“ – пишет русский профессор по теории чтения Юлия Мелентьева [12, с. 71]. Согласно теории пластического мозга Norman Doidge [2] и согласно закономерностям эволюции чтения, мы должны признать, что сегодня человеческий аппарат интенсивно входит в самообучение и мутирует, что книги и тексты мы воспринимаем совершенно новым образом.

Понятие „чтение“ здесь мы подвергаем осмыслению сообразно заштрихованному развороту теоретических конвенций в качестве нового типа медийной рецепции по ту сторону связки с письменными текстами. Согласно комплексному медиологическому ракурсу новых грамотностей чтение есть процесс опосредованного (медиированного) информирования, не обязательно осуществляемого с помощью буквенных символов и не обязательно протекающего на глазах (напр. тактильное чтение слепых). Как чтение я принимаю тот рецептивный процесс, который выполняет три условия: можно прочитать любое искусственно созданное содержание, обозначенное какой бы то ни было системой знаков (согласно понятию „знака“ Умберто Эко) и подвергнутое аналитико-синтетической обработке мозговыми структурами, ответственными за чтение.

4. Дискуссия: Можно ли читать изображения?

Традиционные возражения звучат против признания, что изобразительная, визуальная книга есть книга. И эти возражения не оказываются связанными только с вопросом есть ли эта книга на самом деле книга.

Возражения культурных антропологов и этнопсихологов касаются вопроса можем ли мы быть уверенными, что изображения на самом деле понятны всем людям всех времен. Психологи утверждают, что в сущности мы можем узнавать только те объекты, которые нам знакомы или которые мы можем уподоблять другим знакомым объектам. Само восприятие ограничено и оно зависит от культурного контекста [13, с. 104].

В этом аспекте принимаем объяснение Сьюзена Лангера о дискурсивном характере человеческого мышления: каждое истинное мышление символическое и границы экспрессивности медики суть границы наших персональных концептуальных способностей. Чтобы мыслить символы, их нужно обратить словами [8]. Перцептивные элементы – цвет, форма, глубина и движение – только помогают нам превращать знаки прямых или медиатизированных образов в память мысли. Воспринятые эмпирические, первичные данные имеют свой смысл только тогда, когда они распознаваемые, когда они – фильтр памяти и их можно связать персональным и культурным опытом.

На самом деле, если будущая культура слишком будет отличаться от нашей, вполне возможно она будет толковать изображения, оставленные ей в наследстве не так. Возьмем для примера каменную библиотеку Ика в Перу. В некоторых изображениях современные ученые открывают описание процесса трансплантации органов, включая головной мозг. Но средневековому человеку те же самые изображения вероятно напоминали бы больше о картинах Ада или о вещерском ритуале. Абстрактность картин также могла бы быть препятствием их универсальному пониманию. Как больше символов в данном изображении, так труднее понять его. Ибо вопреки тому, что в символах свои общечеловеческие корни, их конкретное толкование зависит от среды и опыта реципиента. Одна из самых трудных для изображения вещей – это предложение типа: „Хамелеоны существуют, а драконов придумали“. Как точно нарисовать вещи, о которых мы хотим сказать, что их нет в данной ситуации? В научных текстах все чаще встречаются визуализирующие элементы (напр. в презентациях), но редко они освобождаются от письменных знаков. Причина в том, что написанное прямым образом отображает слово, а современный человек на самом деле мыслит словами.

И у лингвистов со своей стороны две основных причины не принимать изображения в качестве языка: 1) в изображениях нет общих элементов, подобных азбуке; 2) в изображениях нет распознаваемого синтаксиса.

Дело в том, что и визуальные сообщения имеют свои синтаксические правила, их можно читать и их язык ничто для тех, кто умеют читать только слова. Возьмем в примере граффити (они доказанное коммуникационное средство еще со времен Помпея, 2000 лет тому назад). Эти визуальные сообщения представляют собой комплексно представленные *визуальные рассказы, предназначенные для чтения*. Сообщения граффити могут обозначивать: маркирование территории, апелль к пониманию, надежду на будущее, скорбь по потерянной любви, гнев к врагу, протест против несправедливости, игровую демонстрацию, юмор или быть просто индивидуальное выражение существования автора. Как и при всякой символической коммуникативной системе, при граффити также, если мы не знаем языка, у нас будут проблемы с

дешифровкой сообщения.

В поддержку читабельной стоимости изображений и в качестве контрапункта вышеуказанным возражениям Поль Лестер выстраивает синтаксическую теорию визуальной коммуникации [9], основанную на следующих принципах: 1) Медиаизированные слова и изображения имеют одинаковую значимость в коммуникационном процессе; 2) Слова и изображения суть символические репрезентации, где символы имеют сходные исторические корни. Лестер доказывает, что как слова, так и изображения являются суммой символических образов (images). Слова суть знаки, составленные линиями, кривыми, открытыми и закрытыми формами. Слова, как и изображения, могут быть представлены в разных красках, формах, глубине и движениях. В своих исторических корнях слова – тоже образы; и сегодня, типографские дизайнеры и каллиграфы продолжают осмысливать их в сторону произведения искусства. Именно поэтому издатели газет и журналов нанимают графических дизайнеров, умеющих обращать слова в визуальные предложения, имеющие символическое значение, отличающееся от значения слов самих по себе.

Хотя и принятая в крайнем смысле, позиция Эля Лисицкого, направленная против буквенной книги архитекта и художника-конструктора, содержит дополнительные аргументы для осмысления изображения как объекта чтения. Преимущества буквы иероглифами слишком относительные, пишет Лисицкий – и еще больше, преимущества иероглифов в интернациональном общении пропадают на этапе изготовления буквенной книги. В своей дефиниции он дает три графических фаз книги на пользу будущего безбуквенной книги: 1) иероглифная книга – интернациональная (по потенциалу), 2) буквенная книга – национальная; 3) книга будущего должна быть ациональной или космополитической – ее нужно понимать при помощи минимального усилия [10].

Благодаря взглядам Лестера и Лисицкого мы можем обобщить, что в изображениях и словах есть одинаковая генеалогия и разные возможности передавать смысл. Но картинное содержание имеет преимущество перед абстрактно-буквенным. Во-первых, научиться „смотреть“, распознавать визуальные объекты и понимать их смысл происходит непосредственно. Что не происходит в буквенном тексте. Во-вторых, серьезное преимущество изображения перед всеми азбучными системами мы связываем с его распознаваемостью правым полушарием человеческого мозга, которое управляет образами, а также интуицией и воображением. Активированное подсознательное и интуитивное прочтение визуального знака в правой гемисфере убыстряет восприятие текста, а также и его понимание. При этом само понимание – полилингвальное, оно не зависит от языка читающего, который может отличаться от языка автора, поскольку визуальный язык снижает абстрактность.

Рассказ в картине требует грамотности чтения точно также, как и буквенный рассказ. В качестве визуального текста картинное повествование является объектом семиотического прочтения. Читать картину не означает пересчитывать ее элементы, а скорее всего выдвигать гипотезы о смысле сообщения, передаваемого ею, и искать подтверждения. Если само прочтение имеет своей целью перевести историю в словесный код, то интерпретация должна обеспечить

передачу содержания картин без смысловых затрат. Но если „чтение“ имеет своей целью сотворить собственную историю, то тогда нужна интерпретация, превращающая картинную материю в исток нового содержания. Именно этому посвящены техники взаимодействия с картинным текстом, как и некоторые проективные техники, основанные на творческом мышлении и воображении.

5. *Чтение медийного дизайна – новая информационная грамотность*
„Иконизация“ коммуникаций произошла еще в конце XX в. Изображения оказались свободными от вербальных текстов и показали, что они в состоянии самостоятельно передавать медийное содержание. Более того, в большинстве из случаев вербальный текст уже иллюстрирует изображения [6, с. 7, 98]. В начале XXI века в сфере пресс-дизайна была установлена концепция „оптического журнализма“, для которой изображение есть вход в текст. Письмо, дизайн, редакция страниц уже ориентированные к тому, чтобы служить не только читающей, не только осматривающей, но и смотрящей публике. В тексте, в фотографии и в графике мы наблюдаем их различную силу и различные функции, но при этом каждый ряд чисел, каждый сложный процесс, любые комплексные зависимости читателям можно представить в достаточной мере доступным и понятным образом только при помощи фотографий и информационных график. В самых модных образцах экспериментализирующей печати фотографии получают высокую оценку не только ради своей атрактивности, быстроты и того, что они автентичные информационные носители, а также и по причине их эффективности в создании так называемых „центров визуального интереса“. „Информационные графики предлагают прямой доступ и очень большую свободу читателям в процессе использования ими предлагаемых данных, извлекая интересующие их сопоставления“ [21, с. 39-42]. Сегодня уже совершенно ясно, что изображения притягивают внимание, а сопровождающие тексты порождают интерес и становятся причиной прочтения статьи.

Если этот механизм действует в реципировании газет и журналов, то почему мы так консервативно относимся к нему, когда его вкладывают в чтение книг? У маленьких детей иллюстрации поражают интерес, создают желание к прочтению написанного и помогают им антиципировать и прогнозировать поиск смысла [23, с. 222]. Зачем мы пользуемся этим подходом только в отношении детей, если он действовал бы отлично и в отношении взрослых?

6. *Чтение книг „для смотрения“ – новая трансграмотность*

Перед тем как быть средой опосредованной умственной деятельности (чтения), книга есть оптический прибор, с помощью которого читатель переходит в „абстрактно-буквенный режим“, необходимый ему для погружения в виртуальный мир произведения. Возьмем например открытую книгу на наших глазах. Наряду с существенным буквенным чтением и независимо от него, существует также и другой объект чтения – это общее обличье текста, пишет Поль Валери в 1934 г. Книжная страница есть образ. Она – „первое чтение“. Она создает первое впечатление, раскрывая себя в виде прямоугольника или системы прямоугольников и границ, в виде творческого решения для черных и белых плоскостей, в виде пятна более или менее удачного обличья и действенности. Книжная страница есть также и „чтение второй

степени“, когда „наш взгляд уже не следует от слова к слову и от строки к строке, но непосредственно воспринимает книжный разворот, обе страницы одновременно, позволяет нам сопоставлять печатное искусство с архитектурой подобно тому, как чтение тотчас же пробуждает в нас мысль о музыке и всех других искусствах, связанных с протяженностью во времени.“ [20].

Осмысление смотра как чтения дизайна книг началось еще в первую половину XX в. и более конкретно оно началось с взгляда о будущем визуальной книги человека, создавшего фундамент европейского полиграфического дизайна XX в. – Эля Лисицкого. „Ныне для слова у нас имеются два измерения. Как звук слово является функцией времени, а как изображение – оно функция пространства. Будущая книга должна быть тем и другим. Этим самым автоматизм современной книги будет преодолен, ибо автоматизированный образ мира перестает существовать для наших чувств и мы ощущаем себя в пустоте. Энергетическое задание искусства – превратить пустоту в пространство, то есть воспринимаемую нашими чувствами организованную единицу“, категорически говорит Лисицкий [11].

Снова Эль Лисицкий, описывая эволюционный цикл книги, говорит нам, что задается время такой формы книги, когда *изображение будет первичным, а буква – вторичной*: „Если какой-нибудь русский, немец или американец запомнит знаки (картинки) для понятий, – пишет Лисицкий, – то он сможет читать по-китайски или по-египетски, не зная языка, ибо язык и письменность представляют собой различные, изолированные структуры. В этом и состоит преимущество, которое утратила книга, набранная буквами. И поэтому я думаю, что форма книги в ближайшем будущем станет пластически-изобразительной.“ [10].

Идея „безбуквенной книг“ вероятно требует нового типа цивилизационного мышления – уравновешенного и успокоенного, без фанатизмов и ортодоксализмов. Если воспользуемся терминологией Маршалла Маклюэна, то скажем, что безбуквенная книга будет выражать „обратный курс имплозии“ в поле коммуникаций – при условии, что долгое время до того властвовали расчленение, роение, растаскивание языков и кодов общения. Благодаря возможностям проектировать будущую форму книги, по предложению Лисицкого, читатели может быть на самом деле получают „компромиссную медию“, в которой знакомые коммуникационные барьеры получают свою коррекцию, а негативы буквенной книги – свою элиминацию.

Но в контексте вопроса можно ли читать книги „для смотра“, мы можем сказать, что как психофизиология чтения, так и практические постижения современного коммуникационного дизайна и визуальных коммуникаций доказывают положительный ответ на него.

Итоги

В результате исследования процесса дефинирования изобразительных или безбуквенных книг в качестве объектов чтения были получены следующие итоги:

I. Реабилитацией визуальной коммуникационной модальности издательского искусства – так можем назвать эксцентричные книги „для смотра“ и иконические или визуальные книги, обобщенные здесь понятием „немых книг“.

II. Примеры о безмолвных или „немых” книгах, о кинематографических и сториборд подходах „оптического” книгосоздания являются носителем визуальных рассказов, которые со своей стороны провоцируют теоретиков чтения дебатировать действительные модальности нового чтения по ту сторону буквенного текста.

III. Вместе с этим в медийных науках можно заметить и эмансипацию иконичности как объект чтения.

IV. Традиционное понятие „чтение” уже эманципировано от буквенной модальности и обогащено дефиницией фото-визуальной грамотности как искусства чтения визуальных репрезентаций.

V. Нужно продолжать расширять определение „чтения” в сторону не-буквенного восприятия. Можно завести дебаты о предложенной здесь дефиниции „чтения” как процесса опосредованного (медийно-базируемого) информирования, независящего от буквенных символов и зрительного анализатора.

VI. Рассказ в картине, как и буквенный рассказ, требует грамотности чтения. Это грамотность нового холистического типа, она – трансграмотность коммуникации с текстами, где есть множественная модальность и преобладающая образность и иконичность.

Заключение

Так как современная первичная среда чтения стала уже дигитальным дисплеем, то для того, чтобы овладеть полностью дигитальной грамотностью, тем более дигитальной интеллигентностью, людям нужно будет овладеть визуальной модальностью чтения. Осуществленный просмотр есть доказательство того, что обязательно нужно расширить дефиницию новой трансграмотности для действия в полиглотичном и трансмедийном поле в направлении не-буквенного восприятия или компетентности визуального чтения. Все это может оказаться раскрепощающим моментом для инноваций в сфере образования, а также и для институций книг – издательств, библиотек и архивов.

References:

- [1] Caldwell, Stacey, Ajiri A. Aki. Wo ist Karl?: Ein Wimmelbuch für Fashionistas. Ill. Michelle Baron. München: Prestel Verlag, 2016. 48 p. URL: <https://www.amazon.co.uk/Wo-ist-Karl-Wimmelbuch-Fashionistas/dp/3791382527>
- [2] Doidge, Norman. The Brain's Way of Healing. Remarkable Discoveries and Recoveries from the Frontiers of Neuroplasticity. New York: Viking, 2015. 432 p.
- [3] Eshet-Alkalai, Yoram. Digital Literacy: A Conceptual Framework for Survival Skills in the Digital Era [Electronic resource]. Journal of Educational Multimedia and Hypermedia. 2004. Vol. 13(1). P. 93-106. URL: http://www.openu.ac.il/personal_sites/download/Digital-literacy2004-JEMH.pdf
- [4] Fahrner, Sigrid. Im Gespräch mit der Stiftung Lesen [Electronic resource]. Stiftung Digitale Spielekultur, 12.11.2014. URL: <http://stiftung-digitale-spielekultur.de/artikel/im-gespr%C3%A4ch-mit-der-stiftung-lesen>
- [5] Horizons Broad, Cordes Sean The Role of Multimodal Literacy in 21st Century. Library Instruction. World Library and Information Congress: 75th IFLA General Conference and Assembly „Libraries create futures: Building on cultural heritage“, 23-27 August 2009, Milan, Italy.
- [6] Kaftandzhiev, Hristo. Vizualna komunikacija. Sofija: Otvoreno obshchestvo, 1996. 160 S. (Кафтанджиев, Христо. Визуална комуникация. София: Отворено общество, 1996. 160 С.)
- [7] Kress, Gunther. Literacy in the New Media Age. London: Routledge, 2003. 186 p.

- [8] Langer, Susanne K. *Philosophy in a new key: A study in the symbolism of reason, rite, and art*. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 313 p.
- [9] Lester, Paul. *Syntactic Theory of Visual Communication*. Lester, Paul. *Visual Communication Images with Messages*. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 2006. Chapter 17.
- [10] Lisickij, El'. *Nasha kniga. Knigopechatanie kak iskusstvo: Tipografy i izdateli XVIII-XX vekov o sekretah svojego remesla*. Moskva: Kniga, 1987. S. 229-238. (Лисицкий, Эль. *Наша книга. Книгопечатание как искусство: Типографы и издатели XVIII-XX веков о секретах своего ремесла*. Москва: Книга, 1987. С. 229-238)
- [11] Lisickij, Lazar (Eliazar). *Kniga s točki zrenija zritel'nogo vosprijatija vizual'naja kniga. Iskustvo knigi 1958 1960. Vyp. 3*. Moskva: Iskustvo, 1962. S. 163-168. (Лисицкий, Лазар (Елиазар). *Книга с точки зрения зрительного восприятия – визуальная книга. Искусство книги 1958 – 1960. Вып. 3*. Москва: Искусство, 1962. С. 163-168)
- [12] Melentieva, J. P. *Chtenie: yavlenie, protsess, deyatel'nost'*. Moskva: Nauka, 2010. 182 S. (Мелентьева Ю. П. *Чтение: явление, процесс, деятельность*. Москва: Наука, 2010. 182 С.)
- [13] Mitrani, Leon. *Za vuzpriyatieto*. Sofija: Izd. na Bulgarska akademija na naukite, 1980. 168 S. (Митрани, Леон. *За възприятието*. София: Изд. на Българска академия на науките, 1980. 168 С.)
- [14] Mutus liber, in quo tamen tota philosophia hermetica, figuris hieroglyphicis depingitur, ter optimo maximo Deo misericordi consecratus, solisque filiis artis dedicatus. Authore cuius nomen est Altus. Rupellae [La Rochelles]: apud Petrum Savovret, 1677. 17 Bl.: Ill. [C.G. Jung's copy]. <http://dx.doi.org/10.3931/e-rara-4322>
- [15] Rabelais, François. *Les Songes drôlatiques de Pantagruel, où sont contenues plusieurs figures de l'invention de maistre François Rabelais, et dernière oeuvre d'iceluy, pour la récréation des bons esprits*. Paris, 1565. 18, CXX, 111 p. (3 preliminary leaves, CXX plates on 60 leaves). Bibliothèque nationale de France. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84524043>
- [16] Rowsell, Jennifer. *Being Wisely Aware: Facing The New Landscape of Communication* [Electronic resource]. *Literacy in the New Landscape of Communication: Research, Education and the Everyday: 19th European Conference on Literacy*. Austrian Literacy Association, University of Klagenfurt, Klagenfurt, Austria, 14–17 July 2015. URL: <https://conference.aau.at/event/15/page/3>
- [17] Serafini, Luigi. *Codex Seraphinianus*: 2 vol. Milano: Franco Maria Ricci, 1981. 127+127 p., 108+128 pl.
- [18] The Multiliteracy Project. 2015. URL: <http://www.multiliteracies.ca>
- [19] *The Wordless Book*. By Charles H. Spurgeon (1834-1892) [Electronic resource]. Pensacola: Chapel Library, 2013. 20 p. URL: <http://www.chapellibrary.org/files/9713/7703/1620/wboo.pdf>
- [20] Valeri, Pol'. *Dve osobennosti knigi. Knigopechatanie kak iskusstvo*. Moskva: Kniga, 1987. S. 311-314. (Валери, Польш. *Две особенности книги. Книгопечатание как искусство*. Москва: Книга, 1987. С. 311-314)
- [21] Vulkanova, Veselina. *Grafichen dizajn*. Sofija: Fakultet po zhurnalistika i masova komunikacija, 2001. 176 S. (Вълканова, Веселина. *Графичен дизайн*. София: Факултет по журналистика и масова комуникация, 2001. 176 С.)
- [22] Wilkinson, Lane. *A Reasonable objection to transliteracy* [Electronic resource]. *Libraries and Transliteracy*, 5.08.2011. URL: <http://librariesandtransliteracy.wordpress.com/2011/08/05/a-reasonable-objection-to-transliteracy>
- [23] Zdravkova, Stojka. *Metodika na obuchenieto po bulgarski ezik v nachalното uchilishhe*. Plovdiv: Hermes, 1996. 383 S. (Здравкова, Стойка. *Методика на обучението по български език в началното училище*. Пловдив: Хермес, 1996. 383 С.)

ECONOMICS

STATE POLICY OF IMPORT SUBSTITUTION

M. Elesina¹

Abstract

At the moment the effectiveness of the import substitution policy in Russia is determined by several factors: the availability of the necessary funding levels and procedures of their use, the presence of supply and demand characteristics of import-substituting production chains of added value as well as the possibility of maintaining the level of internal competition. Currently while striving to intensify the processes of import substitution due to a greater extent the need to offset the negative impact of realized geopolitical and economic risks.

Keywords: state policy, import substitution, internal competition, sanctions.

Проблема импортозамещения, то есть замены на российском рынке товаров иностранного производства отечественными, не нова и периодически поднимается, в том числе и руководством страны. В первую очередь, импортозамещение связывают с решением одной из основных задач экономики России – ее диверсификацией. Однако попытку разработать целостную политику власти предприняли только после введения санкций. Так, о необходимости преодоления критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции говорилось в послании Президента РФ Федеральному Собранию в конце 2014 года [2].

Санкции 2014 года дали толчок импортозамещению, объективные причины необходимости которого созрели уже давно. Ориентация на сырьевую экономику привела к заметной импортозависимости, к тому, что отечественная промышленность оказалась неспособной конкурировать с иностранными товарами как на внешнем, так и на внутреннем рынках. В итоге импортная компонента в производстве и в потреблении стала преобладающей.

Чрезмерная зависимость от импорта в потреблении готовых товаров затрагивает проблему суверенности страны и способности развиваться в ситуации внешнего экономического принуждения (ограничения в виде санкций). Импортозависимость прослеживается и в доминировании в отечественной промышленности импортного оборудования и комплектующих. По оценкам такие стратегические отрасли экономики, как тяжелое машиностроение и станкостроение, легкая промышленность, ра-

¹Mariya Elesina, Graduate student of the department "State and municipal management" Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia.

диоэлектроника, фармацевтика и медицина на 80–90% зависимы от импортной продукции. Отсутствие собственных производственных мощностей в условиях сжатия денежно-кредитного предложения, ведущего к дефициту инвестиций, осложняет задачу реализации комплексной программы импортозамещения в том виде, в каком она необходима для обеспечения национальной безопасности.

Рис. 1. Товарная структура экспорта и импорта в Российской Федерации (ф. проценты)

В новой редакции государственной программы России «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» прописана цель по снижению импортозависимости к 2020 году. В 2015 году Минпромторгом, Минкомсвязью, Минтрансом и Минэнерго России было разработано 20 отраслевых программ импортозамещения в гражданских отраслях промышленности. В рамках этих программ планируется реализовать в общей сложности примерно 2,5 тысячи проектов. Выделение средств для поддержки импортозамещения происходит в форме субсидирования и софинансирования исследований, а также предоставления грантов и преференций при государственных закупках [3].

В 2014 году была принята программа поддержки инвестпроектов, реализуемых в России на основе проектного финансирования. В рамках программы финансируются только отобранные в результате конкурса

проекты, реализуемые до 2018 года в определенных секторах экономики: сельское хозяйство; обрабатывающая промышленность; химическое производство; машиностроение; жилищное строительство; транспорт; связь и телекоммуникации; энергетика.

В настоящее время, по оценкам правительства, доля импорта в различных отраслях экономики крайне высока. Например, страна ввозит комплектующих: для тяжелого машиностроения – 70%, гражданского авиастроения – 80%. В нефтегазовой отрасли используется 60% оборудования иностранного производства, в энергетике – 50%.

В 2015 году импортозамещение стартовало в важнейших сферах реального сектора. Работа ведется одновременно по двум направлениям: стимулирование национальной промышленности и ограничивающие и запретительные меры по ввозу. Вносит свой вклад и девальвация рубля, естественным образом смещая фокус компаний на закупку отечественной продукции.

Таблица 1

Политика по сокращению импорта в документах [1]

Отрасль	Документ/мероприятие	Задачи и сроки
Сельское хозяйство	Госпрограмма развития с/х на 2013–2020 (пост. Правительства №717 от 14.07.12, разработка Минсельхоза)	До 2020 г. увеличить вес российских продтоваров в общих ресурсах:
	Запрет на ввоз сельхозпродукции до 06.08.16 (указы президента №560 от 06.08.14 и №320 от 24.06.15)	• мяса – до 91,5%; • зерна – до 99,7%;
	План мероприятий по содействию импортозамещению в с/х на 2014–2015 (распоряжение Правительства №1948-р от 02.10.14)	• молока – до 90,2 %; • свежесквашенного сахара – до 93,2%; • картофеля – до 98,7%;
	Снижение ввозных пошлин по оборудованию для рыбоводства	• растительного масла – до 87,7%.
Промышленность	Госпрограмма РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (пост. Правительства №328 от 15.04.14, разработка Минпромторга)	До 2020 г.:
	Создание фонда развития промышленности (распоряжение Правительства №1651-р от 28.08.14)	• снизить долю импорта, используемого для российского производства и потребления;
	Программа поддержки инвестпроектов, реализуемых на территории РФ на основе проектного финансирования (пост. Правительства №1044 от 11.10.14)	• повысить конкурентоспособность отечественной продукции;
	Закон «О промышленной политике в РФ» №488-ФЗ от 31.12.14	• обеспечить внутренний спрос;
	20 отраслевых планов импортозамещения (приказы Минпромторга от 31.03.15)	• увеличить экспорт российских товаров.
	«О специнвестконтрактах для отдельных отраслей промышленности» (пост. Правительства №708 от 16.07.15)	
	Региональные программы содействия импортозамещению (разработки правительств субъектов РФ)	

Можно констатировать, что в России дан старт глобальной кампании по удовлетворению внутреннего спроса силами отечественных производителей. В то же время, эксперты говорят о необходимости придания этому процессу большей системности. Необходимо создать набор постоянно действующих механизмов, которые бы позволяли ставить конкретные задачи, и внедрить инструменты, позволяющие отслеживать их исполнение, иначе процесс импортозамещения снова примет хаотический характер, а также в сложившихся обстоятельствах принципиально важным является верное определение приоритетов импортозамещения и концентрация финансовых ресурсов на наиболее перспективных направлениях.

References:

- [1] Бизнес портал [Электронный ресурс] URL:<http://moneymakerfactory.ru/biznes-idei/biznes-na-zameschenii-importa/> (Дата обращения 20.08.2016 г.)
- [2] Валерий Тимошенко. Политика импортозамещения в России: от слов к делу / Информационно-правовой портал «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/article/630000/#ixzz4KQ4v5GTm> (Дата обращения 20.08.2016 г.)
- [3] Кравченко А.И. Итоги государственной политики импортозамещения. Доклад на конференции Московского экономического форума «Российская промышленность, состояние и перспективы» 24 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/itogi-gosudarstvennoj-politiki-importozameshenija> (Дата обращения 20.08.2016 г.)

FORMATION OF CREDIT PORTFOLIO OF COMMERCIAL
BANKS AS THE MAIN STAGE CREDIT

L. Zernova¹

Abstract

Lending is one of the main operations of the bank. Conduct credit transactions directly connected with the formation of the credit portfolio and credit policy of the bank. In the economic literature there is no clear definition of the loan portfolio of the bank. It is also necessary to identify the relationship of concepts used in credit policy of the commercial Bank and the factors influencing the formation of loan applications.

Keywords: credit, credit portfolio, credit policy, bank credit application.

In the economic literature there are many definitions of a credit portfolio of a commercial bank [1, 2, 3]. For example, standard documents of Bank of Russia define the portfolio as the volume of concluded and active contracts on attraction and placement of resources. In most sources of credit portfolio of commercial banks is presented as the aggregate of funds placed in loans (interbank loans, loans to legal entities and individuals). At the same time, the credit portfolio can be represented as a result of the activities of a commercial Bank to provide loans to various customers, taking account of maturities, sizes and quality. Thus, the loan portfolio can be understood as the choice of directions credit investments depending on their profitability and risk, taking into account the differentiation of companies and enterprises (customers of the bank) on the grounds of liquidity, assets, financial condition and the quality of the payment discipline.

Thus, a number of authors present the loan portfolio as of the direction plan of action for the granting of loans, others as a set of loans. We believe that these two points of view complement each other, that is, the loan portfolio should represent a combination of loans that should meet the requirements of the bank's credit policy and directions of the bank's interaction with various client groups.

Credit, as we know, expresses the economic relations between the lender and the borrower about the temporarily free funds, goods or other things and their movements on the conditions of maturity, repayment and payment [4, p.155]. In accordance with this definition, all loans can be classified as follows:

- on-lending purposes;
- the terms and methods of repayment;
- the size of the interest received;
- size of loans;
- by types of currencies;
- types of clients;
- in the form of a loan;
- credit risk

¹Liudmila Zernova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State University of design and technology, Russia.

Summarizing the views of economists on the question of the role of credit in the modern economy, the following should be noted:

- credit is a form of movement of loan capital;
- the use of the credit reduces the amount of money required for treatment, contributing to the development of cashless payments;
- the purpose of the loans is the needs of borrowers – clients of bank;
- credit stimulates purchasing power of the population and effective demand;
- credit is the mechanism of replenishment of working capital for enterprises and firms;
- lending is one of the main types of banking services.

Credit policy is one of the ways of economic management and at the same time the totality of management decisions that determine the types, conditions, amounts and structure of credit operations of the bank and ways of their implementation and on this basis forming the behavior of the bank in the market of banking services [5, p.165]. Therefore, the credit policy determines the effective functioning of the bank. In table 1, we represent the relationship between concepts used in credit policy of commercial bank.

Table 1

Relationship of the concepts used in credit policy of commercial bank

The concept	The degree of knowledge in banking theory and practice	Relationship with other categories and concepts	Place in the bank's credit policy
1	2	3	4
Enterprises, organizations and firms	Average	The main link of the relations of production and economic markets	Participant
Industrial relations and economic markets	Average	The foundations of the growth of production volumes and financial markets	The result
The foundations of the growth of production volumes and financial markets	Average	An integral part of the financial system and banking sector	Participant
Sustainable relationships between enterprises (companies) and banks	Low	Credit and investment Bank strategy	The result
Balanced credit policy of commercial Bank	Low	A method of forming a sustainable relationship between enterprises and commercial banks	The result

Thus, the formation of credit portfolio of commercial banks is an important stage in the implementation of its credit policy.

In practice, the process of formation of a credit portfolio can be summarized into three blocks.

The first block should establish credit limits in accordance with the purposes of the credit policy of the bank. Credit limits associated with credit risk [6, 7].

The second block includes the selection of specific credit facilities for inclusion in its loan portfolio. The selection is based on assessing the creditworthiness of borrowers. In this system, it is necessary to determine the factors that allow us to do some pre-screening of loan applications (table.2).

Table 2

Factors influencing the selection of loan applications

External factors	Factors associated with the activities of the bank's clients	Internal factors
1	2	3
The state of the economy and the financial sector	The level of risk of loan repayment	Compliance of the financed facility is the bank's credit policy
The condition of the industries includes enterprises credited by the bank	The level of competition in the industry, paying customers	The required share of credit investments of the total loan portfolio of the bank
The development of markets	Solvency and financial stability of the client	Terms of repayment of principal and interest

We believe that in conditions of instability of the Russian economy analysis of the creditworthiness of the borrower must be supplemented by the analysis of the level of marketing and management at the enterprise [8, p.174]. The level of management and marketing, in contrast to the financial characteristics of borrowers will have more certainty about such important issues as the ability of borrowers to carry out successful projects and provide sufficient turnover of borrowed funds.

The third block should include the analysis of a condition of the loan portfolio. This analysis is to monitor its structure on the movement of loans by maturity, the degree of credit risk, etc.

Thus, the bank's loan portfolio is directly linked to the credit policy of the Bank is influenced by three groups of factors and is formed as a result of implementation of certain stages.

References:

- [1] Zernova L.E., Ilyina, S.I. Credit portfolio of commercial banks, methods of its analysis and assessment. The results of scientific research. Collection of articles of International scientific-practical conference. 2015. P. 41-43.
- [2] Zernova L.E. The assessment of credit portfolio of commercial bank. In the collection: Design, technology and innovation in the textile and light industry (Innovations – 2014). The collection of materials of International scientific-technical conference. 2014. P. 14-17.

- [3] Zernova L.E., Ilyina, S.I. Methodical aspects of management of credit portfolio of commercial banks. The book Modern society, education and science. Collection of scientific works on materials of the International scientific-practical conference: in 9 parts. 2014. P. 33-35.
- [4] Zernova L.E. Managing credit portfolio of commercial banks in terms of sanctions. In the collection: Design, technology and innovation in the textile and light industry (Innovation 2015). The collection of materials of international scientific-technical conference. 2015. P. 155-157.
- [5] Zernova L.E., Ilyina, S.I. The improvement of lending policy of commercial bank. The book breakthrough economic reforms in the conditions of risk and uncertainty. Collection of articles of International scientific-practical conference. 2015. P. 164-168.
- [6] Zernova L.E., Karaman A.I. Regulation of bank risks in the conditions of economic instability. Collection of articles of International scientific-practical conference: The modern concept of development of science. 2016. P. 59-62.
- [7] Zernova L.E. Risks the loan portfolio of commercial Bank in conditions of economic instability. In the book: Economy and management: problems, tendencies, prospects of development. Moscow, 2016. P. 64-68.
- [8] Zernova L.E., Guseva D.S. Evaluation of credit customers of a commercial Bank as a factor in reducing credit risk. Proceedings of the VI International youth scientific conference: Youth and XXI century 2016 in 4 volumes. 2016. P. 173-176.

TESTING OF ECOLOGY-ECONOMIC PROBLEMS IN THE REGIONS
OF NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT

N. Medyanik¹

Abstract

The article is devoted to the analysis of ekologo-economic problems in the regions of the North Caucasus Federal district. Identified in some regions of extremely low levels of forest cover, lack of waste management, low emission and high degree of contamination of water reservoirs, water scarcity.

Keywords: nature-economic sphere, ekologo-economic problems, regions of the North Caucasus Federal district.

Эколого-экономическая проблематика является весьма значимой для регионов СКФО. Очевидность подобного утверждения проистекает из самого факта наличия в этой части страны богатейшего природно-ресурсного потенциала, во многом определяющего и поныне функциональную ориентированность, а также социально-экономические параметры развития северо-кавказских территорий [6, с. 297].

Кроме того, природопользование имеет особое значение в контексте реализации перспективных интересов северо-кавказских регионов, содержанием которых, в частности, в рамках Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года поименовано «обеспечение условий для опережающего развития реального сектора экономики ..., создания новых рабочих мест, а также для повышения уровня жизни населения» на основе собственных природно-ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ [8].

Итак, уровень выбросов в атмосферу загрязняющих веществ за период с 2010 по 2014 год характеризуется незначительным ростом. Так, рост выбросов от стационарных источников составил 5,0%, от автомобильного транспорта 4,5%. При этом на долю последнего приходится 86,3% в общем объеме выбросов в 2014 году. Негативной тенденцией также является уменьшение доли уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ на 9,4%. При этом, наибольшая доля в выбросах приходится на Ставропольский край, по данным за 2014 год – 55,0% [1].

Между тем, практически в каждом субъекте СКФО имеются хозяйствующие субъекты, деятельность которых сопровождается систематическим нарушением требований экологического законодательства, в частности, Законов РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и «Об охране атмосферного воздуха», а также многочисленными на сей счет судебными исками. Например, в КБР объектом особого контроля является расположенное в черте Нальчика предприятие 1-го класса опасности АО «Гидрометаллург. Так, результаты мониторинга воздушной среды на границе санитарно-защитной зоны предприятия в 2014 году показали, что 64 из 100 отобранных проб демонстрируют превышение ПДК по сероводороду, 36 из 80 – по хлористому водороду, 4 из 70 – по сернистым газам [4, с. 81].

¹Natalia Medyanik, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, North-Caucasian Federal University, branch in Pyatigorsk Russia.

На территории СКФО в 2014 году было сброшено в водные объекты 3025,72 млн. м³ сточных вод, что на 7,9% выше уровня 2010 года. В качестве положительной тенденции следует отметить уменьшение объема сброса не очищенных или недостаточно очищенных сточных вод [1].

При этом следует отметить, что объем водопотребления за этот период в регионах СКФО в целом уменьшился на 8%, или с 7625,18 до 7014,23 млн м³. В результате объем бытового водопотребления на душу населения в регионах СКФО в среднем упал с 55 до 46 м³ /год [1].

Между тем, одной из ключевых экологических проблем СКФО является большой объем потерь водных ресурсов при транспортировке, прежде всего, в ирригационных системах.

В 2014 году на территории округа было образовано 1,832 млн. т отходов, использовано и обезврежено 1,157 и 0,085 млн т, соответственно. При этом данные за период 2010-2014 годы демонстрируют существенный рост, более чем в 8 раз, количества юридических лиц, предоставивших сведения об отходах [1]. Подобный факт является свидетельством как ужесточения государственного экологического контроля и ответственности к хозяйствующим субъектам в случае несанкционированного складирования и утилизации отходов, так и тем фактом, что с 2012 года в системе государственной статистической отчетности стали фиксироваться показатели, представляемые индивидуальными предпринимателями.

Несомненным богатством северо-кавказских регионов являются сельскохозяйственные земли. Доля сельхозземель в СКФО составляет 79,2%, являясь самым высоким показателем в пространстве России, что определяется аграрной специализацией территорий этой части страны [1].

Между тем многолетняя практика монокультурного экстенсивного земледелия не могла отрицательно не сказаться на качестве и количестве продуктивных земель. Например, результатом, прежде всего, ненормируемого выпаса скота явилось опустынивание равнинного Дагестана, прежде всего, Черных земель и Кизлярских пастбищ, составляющих 30% территории региона [7]. При этом площадь подвижных песков на пастбищных землях республики возросла с 15 тыс. в 1990 году до 1 млн. га ныне, т.е. процесс опустынивания земель развивается со скоростью 40–50 тыс. га в год [5]. Подобные эрозийные процессы отмечаются на 25,7% (более 1 млн га) пашенных угодий Ставропольского края [2, с. 24].

Территория СКФО характеризуется низкой лесистостью. Так, самая высокая лесистость среди субъектов СКФО наблюдается в КЧР 30,0%, а самая низкая в Ставропольском крае – 1,6%, что в 29 раз меньше среднероссийского аналога [9, с. 517]. Очевидно, что подобная лесодефицитность, обусловленная естественными факторами и условиями, является, среди прочего, причиной проявления как эрозийных процессов, так и острого водоедефицита. Подобная проблематика, несомненно, актуализирует необходимость лесовоспроизводственных и охранных работ, особенно в селитебных территориях.

Наконец, одной из ключевых проблем в ряде регионов СКФО является проблема качества потребляемой населением воды. Как показывают результаты мониторинговых исследований качества воды в региональных системах централизованного водоснабжения, особенно остро проблема тестируется в Карачаево-Черкесской Республике, где 216 312 чел., или

46% населения региона подается питьевая вода неудовлетворительного качества по показателям мутности и эпидемической безопасности, а 250 762 чел., или 53,3% потребляют доброкачественную и условно доброкачественную воду [3, с. 49].

Причинами подобной ситуации в КЧР, характерными для всех регионов СКФО, являются, с одной стороны, отсутствие на 28, или 45,9% объектах водозабора полного комплекса очистных сооружений, 20, или 32,7% – эффективных обеззараживающих установок, 4, или 66,6% подземных источников водоснабжения – зон санитарной охраны, а с другой – 60-90-процентный износ разводящих водопроводных сетей. Например, в Усть-Джегутинском районе из 78 302,6 м водопроводной сети 72 038,4 м, или 92,0% нуждаются в полной замене [3, с. 49].

Таким образом, представленные в статье количественные параметры состояния природопользования в СКФО, характеризующие в ряде регионов крайне низкие показатели лесистости, отсутствие системы обращения с отходами, низкий уровень улавливания выбросов и высокую степень загрязнения водоемов на фоне естественной вододефицитности, демонстрируют важность не только сохранения уникального природного потенциала, но прежде, – адаптации хозяйственного механизма и управленческих решений к специфике эколого-ресурсных проблем.

References:

- [1] Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году» http://www.ecogosedoklad.ru/2014/wwwOp1_1_400.aspx
- [2] Государственный доклад «О состоянии окружающей среды и природопользовании в Ставропольском крае в 2014 году». Ставрополь: Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, 2015. 215 с.
- [3] Государственный доклад «Об экологической ситуации в Карачаево-Черкесской Республике за 2014 год». Черкесск: Управление охраны окружающей среды и водных ресурсов КЧР, 2015. 294 с.
- [4] Доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Кабардино-Балкарской Республике в 2014 году. Нальчик: Министерство природных ресурсов и экологии КБР. 324 с.
- [5] Загрязнения России. Южный федеральный округ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200801517
- [6] Медяник Н.В. Сфера природопользования как пространство противоречий экономических интересов регионов Северо-Кавказского федерального округа. Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 297-302.
- [7] Пустыня в Дагестане [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://05.utilizaciya.com/component/content/article/38-2010-09-13-19-36-16/63-2010-09-14-08-55-20>
- [8] Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» от 6 сентября 2010 г. №1485
- [9] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. 1266 с.

ECONOMIC PERFORMANCE OPENING CATERING

A. Ozolina¹, A. Korenkov²*Abstract*

The article describes the justification of opening a network of public catering establishments in the city of Mytishchi. There is information of the primary economic analysis, also basic indicators to calculate the efficiency of the project. The main premise for the opening of a coffeehouse with a unique concept is considered to increase the catering market. It's connected with the fact that the overall market and its individual segments in particular are still far from saturation, but they have high investment attraction, especially if we consider the economic development of regions, which include the city of Mytishchi, located in the Moscow region.

Keywords: entrepreneurship, enterprise network, catering, development of a network of enterprises, consumer, networking model, performance indicators, attractiveness, investments, business idea, project, business plan.

На рынке общественного питания можно наблюдать положительную тенденцию роста количества вновь открываемых предприятий. Несмотря на большое разнообразие предприятий питания, существуют свободные ниши, которые можно рассматривать как возможность выйти на рынок и конкурировать с другими игроками. Высокий уровень конкуренции стимулирует собственников развивать вновь открываемые предприятия, формируя новый отличительный признак. А развитие целой сети предприятий требует разнообразить и широко распространить идею создания культурно-развлекательного предприятия питания и расширить аудиторию, выйти на новый уровень, задействовать всех партнеров и усилить международное сотрудничество. Концепция развития целой сети предприятий на сегодняшний день позволяет при запуске новых проектов снизить инвестиционные риски и минимизировать издержки.

В качестве подтверждения факта роста количества предприятий общественного питания, ниже приведены статистические данные по России и Москве за период 2005-2014 гг.

¹Alexandra Ozolina, student of economics and finance faculty, Financial University under the government of Russian Federation, Russia.

²Alexey Korenkov, student of economics and finance faculty, Financial University under the government of Russian Federation, Russia.

Scientific adviser: Antonina Sharkova, Professor, Doctor of Economics, Head of the Chair «Business Economics», Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Рис. 1. Динамика объема рынка общественного питания (2005-2014гг.), млрд руб. Источник: Росстат

Планируя открытие нового предприятия, предпринимателю следует рассмотреть все этапы входа на рынок, а именно провести глубокий анализ отрасли общественного питания, ознакомиться с предложениями существующих конкурентов, внимательно изучить спрос потребителей и оценить риски. В результате, информация, собранная на первом этапе планирования, оформляется в виде бизнес-плана, который детально описывает будущий проект и экономически обосновывает его необходимость. Существует ряд показателей, которые позволяют быстро оценить инвестиционный проект и принять соответствующее управленческое решение.

На основании первичного анализа экономического состояния района, в котором планируется открытие кофейни, были сделаны следующие выводы:

–По данным Министерства экономики по Московской области и рейтингу городов, г. Мытищи занял первое место по обеспеченности населения площадью торговых объектов в размере 3 050,1 м² на 1000 человек, что говорит о его привлекательности в качестве площадки для планирования деятельности по оказанию услуг в сфере питания. Запланированное место расположение кофейни – торговый центр «Июнь» по адресу г. Мытищи, ул. Юбилейная, 50.

Таблица 1
Города России с самой большой концентрацией торговых центров (2016 г), по данным Cushman & Wakefield; Источник: РБК.

Место	Город	Обеспеченность ТЦ 1 кв. м. на 1 тыс. жителей	Численность населения (тыс.чел.)
1	Мытищи	907	187
2	Краснодар	748	830
3	Сургут	654	341
4	Самара	562	1172
5	Иваново	535	409

–По данным городского округа, среднемесячная заработная плата по крупным и средним организациям за 2015 год осталась на уровне 2014 года и составила 46 885,5 руб. (произошло небольшое увеличение на 0,3%). Это выше среднего уровня оплаты труда по крупным и средним

организациям Московской области на 1 899,7 рублей, или на 4,2%. Наблюдается благоприятный экономический климат для создания нового предприятия.

–Было отмечено увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства и численности их работников. По данным на 1 января 2016 года на территории городского округа Мытищи зарегистрировано 9 963 организации малого и среднего предпринимательства. Это на 1 058 организаций больше, чем в 2014 году. Число работников, занятых в малом и среднем предпринимательстве, растет с каждым годом. В 2015 году их численность увеличилась на 5,5 % – с 38 775 человек в 2014 году до 40 904 человек в 2015 году.

–На период 2014-2015 года было зафиксировано снижение объема инвестиций по малым предприятиям из-за высоких цен на заемные средства, удорожания импортируемой продукции и общей экономической нестабильности. Но уже сейчас, на фоне сокращения оттока капитала и постепенного смягчения кредитных условий ожидается восстановление интереса бизнеса к инвестированию и возобновление роста инвестиций частных компаний, в том числе за счет увеличения доли банковских кредитов в структуре источников финансирования инвестиций.

Понятие экономической эффективности можно трактовать, как соотношение между полученными результатами производства и затратами труда и средств производства. Современные условия требуют расчета и рассмотрения основных показателей, позволяющих сделать выводы об эффективности и целесообразности открытия нового предприятия. К ним относятся, в первую очередь, рентабельность, срок окупаемости, коэффициенты ликвидности, оборачиваемость и т.д. Необходимо провести расчеты базовых показателей, таких как выручка, чистая прибыль, себестоимость.

–Чистая прибыль за первый год реализации проекта составляет 2 573 965 руб.

–Рентабельность продаж (ROS) показывает, какую сумму прибыли получает предприятие с каждого рубля проданной продукции, для планируемого нами предприятия 77,7%.

–Рентабельность инвестиций (ROI) показывает какую сумму прибыли получает предприятие с каждого рубля инвестированного капитала, для планируемого нами предприятия 255%.

–Срок окупаемости приближен к 1 году.

На основании данных экономического анализа состояния района на момент 2016 года и показателей эффективности инвестиционного проекта, сделан вывод о достаточном обосновании для принятия решения о реализации новой бизнес-идеи. Концепция проекта подразумевает использование современных технологий, которые позволят внести в развитие бизнеса креативные идеи и сделать его не просто успешным, приносящим прибыль, но и «новым», ярким и привлекательным для потребителей. Кроме того, мероприятия, проводимые в рамках культурных вечеров и встреч обеспечат рост культурного уровня населения. Реализация проекта поспособствует стимулированию молодежного предпринимательства и развитию сотрудничества с городами побратимами.

References:

- [1] Влияние молодежного предпринимательства на развитие экономики регионов России (на примере Рязанской, Владимирской и Липецкой областей). Современное предпринимательство в инновационной экономике / М.А. Эскиндаров, И.З. Алиева и др. Москва, 2015. С. 103-113.
- [2] Шаркова А.В., Алиева И.З., Романчук Е.С. Оценка предпринимательских инициатив в реализации экономических реформ развивающихся стран. Экономика и предпринимательство. 2015. № 3-2 (56-2). С. 150-158
- [3] Шаркова А.В. Влияние процесса глобализации на использование трудового потенциала национальной и мировой экономики. Проблемы современной экономики. 2003. № 3-4. С. 78-79.
- [4] Кореньков А.О., Озолина А.В. Развитие международной сети предприятия питания. Предпринимательство и бизнес: теория, методология и практика эффективного управления: материалы IV Международного научного конгресса. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, кафедра «Экономика организации»; под общ. ред. Е.Г. Крыловой. 2016. С. 141-144.
- [5] Кореньков А.О., Озолина А.В. Обоснование открытия нового предприятия в сфере общественного питания в условиях санкций: коллективная монография. Москва, 2016. С. 320-332.
- [6] Markina I.A., Sharkova A.V. Assessment methodology for resource-efficient development of organizations in the context of the green economy. Journal of Applied Economic Sciences. 2014. T. 9. № 4. С. 687-693.

IRREVERSIBILITY AND CYCLICITY OF THE SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

V. Podlesnaya¹

Abstract

The author justifies that the socio-economic cycles are a form of self-development processes of the open social systems and they allow reducing the entropy caused by the accumulation of dialectical contradictions generated by the differences in the pace of technical-technological, institutional and socio-economic changes. For a process to be recognized cyclic, it is necessary that it involve resumption of certain self-development phases of a natural or socio-economic system, and the number of phases and the form of their deployment for different cycles may be different. As the concrete historical conditions of the phases in a socio-economic cycle differ, perfectly reversible or irreversible socio-economic processes are impossible, that is, there exist conventionally reversible circular cycles and conventionally irreversible cyclic processes.

Keywords: socio-economic cycles, conventionally reversible cycles, conventionally irreversible cycles.

Formulation of the problem. The idea of development as a natural condition and at the same time purposeful principle of the functioning of natural and social systems is inherent in modern science and has deep historical roots dating back to the mythological worldview. And in the culture of ancient civilizations the development of nature and society was mainly presented in the form of a cycle. According to M. Albedil, the first human cognitive efforts aimed at understanding time and history are presented in images and models of cyclicity [1, p. 71]. In the Middle Ages the idea of cyclic existence in European culture temporarily discontinued its development under the influence of feudal forms of the organization of social production, as well as the institution of church. With great success the idea of cyclicity was expressed in the writings of medieval Arabic thinkers.

The transition to the capitalist social reproduction in Western Europe created the objective conditions for the analysis of socio-economic cyclicity whose most vivid demonstration became the periodic economic crises. XIX-the beginning of XXI centuries are characterized by especially dynamic social development. At the same time the political and economic contradictions arising from the differences in rates of technical and technological, institutional and socio-economic changes have increased, which allows a growing influence of social and economic cyclicity on society and a particular individual. The achievements of scientific and technological progress have created favorable conditions for optimistic scenarios of irreversible economic growth, but even XXI century deep cyclical crises continue to shake the already global economy.

¹Vasilisa Podlesnaya, PhD, Senior Researcher, Institute for Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine.

Analysis of literature. At the initial stage of the research on economic cycles, the most significant were the positions of scientists who studied the internal endogenous character of the cyclic self-development in socio-economic systems, in particular, Karl Marx and his followers. In the XX-XXI centuries the mainstream of Western economics recognized the objectivity of cyclic economy, but with the main focus on fixing the external manifestations of the cycles and forecasting economic conjuncture. The internal sources of cyclic self-development of the economy, and the energy of development contained in the maturing and resolution of the conflicting processes remained beyond the field of research. Recognizing the business cycles as an objective phenomenon, the economic mainstream is focused on the justification of the concepts of irreversible economic growth.

Taking into consideration the relevance of the interdisciplinary approach in modern science, the research of the problem of cyclicity and irreversibility of socio-economic processes should be based on a holistic scientific picture of the world, a significant contribution to whose formation was made by K. Tsiolkovsky, V. Vernadsky and A. Chizhevsky. Nowadays, one of the most popular areas of interdisciplinary research is synergy which is based on the I. Prigogine's philosophy of instability. The ideas of A. Chizhevsky's who considered cyclicity as a cosmic quality covering wildlife and historical processes, as well as N. Kondratieff's ideas that focused on the long-term cyclicity of the economy have been confirmed in modern synergy [10]. Synergetics has a deep foundation in the natural science and originally is formed within the thermodynamics whose main laws were based on the analysis of real cyclical, ideal and irreversible thermodynamic processes.

The objective of this paper consists in solving the problem of the necessity to separate the concepts of irreversibility and cyclicity in the socio-economic processes.

The main part. The cycles of social reproductions are an objective phenomenon of the social life acting as a material basis of social and economic evolution. To ensure the continuity of social reproduction with the development of the society's productive forces, it is necessary to search for new sources of energy.

Since ancient times, man who had aspired for an inexhaustible source of energy was interested the internal sources the processes of development occurring in nature and the possibility of their use in economic activities. Mechanical energy became the first historical form of energy that has not only recognized by man, but also used in economic activities. The first models of perpetual mobile developed by Indian and Arab scholars (XII-XIII century), as well as more recent models developed by Villard de Honnecourt, Johann Bessler and others were based on a wheel, that is, they reproduced a circular revolving process, namely a circular cycle.

In 1775 in accordance with the decision of the French Academy of Sciences, the official science abandoned the idea of creating a perpetual mobile that was able to work without energy consumption and it was the reason for the approval of one of the most important laws of nature, the law of the conservation and transformation of energy (the first law of thermodynamics). In the first law of thermodynamics, the main attention is given to the internal energy and as directly follows from its formulation: if we consider a completely isolated system that can neither receive nor give energy and cannot do the work, then the internal energy of such system is

constant [13]. Scientific thought was limited to mechanics; a study of other energy sources began, in particular, the invention of heat engines, which laid the foundation for the second law of thermodynamics.

The concept of the existence of various forms of the movement of matter had existed back in ancient Rome, for example, in the poem "On the Nature of Things" by Titus Lucretius Carus, the conversion of mechanical motion into the thermal motion of particles was generally explained [4]. The necessity of the technological development that strengthened as a result of the transition to the capitalist form of society stimulated the study of the transformation of thermal energy into mechanical work, and vice versa. In 1824, engineer Carnot published his book "Reflections on the fire's motive power and on machines capable to generate this power," in which he laid foundations of the theory of heat engines and the second law of thermodynamics [4]. In accordance with the second law of thermodynamics, it is impossible to create a perpetual mobile of the second kind, i.e. a cyclically operating machine transforming all the received energy into work [13]. S. Carnot considered an ideal thermal engine whose exact reproduction in real conditions is impossible. Carnot cycle is a reversible cyclic process of the heat engines carried out between two sources of the constant temperature in the external system [2].

The actual development processes are irreversible so it is impossible to reverse them strictly observing all the intermediate stages. In thermodynamics, a necessary requirement for the reversibility is equilibrium, i.e. quasi-staticity; and the irreversible processes are non-equilibrium. Reversibility of thermodynamic processes, in particular, the ideal Carnot cycle is an idealization that is widely used in theory. Similarly, in economics are the neo-classical growth models which define the conditions of the economic development taking place in the form of the economic growth and are provided by an internal mechanism of self-regulation.

For the modern mainstream, the use of equilibrium analysis for the study of economic dynamics is one of the leading methodological principles [12, p.]. If the trajectory of economic development were a continuous sequence of equilibrium conditions and the components of economic structure grew at the same pace, then would be possible a theoretical reproduction of reversible processes that could serve as a theoretical basis for the correction of the economic structure and institutional corrections aimed at preventing the accumulation of a critical mass of contradictions, which result in the deployment of cyclical crises. In reality the socio-economic dynamics is a complex process in whose cognition by moving from the abstract to the concrete can be applied both the macroeconomic models that design ideal processes of the economic growth and the natural laws as well as general scientific methods of cognition.

There was a failed attempt, within the neo-classical framework, to reduce the methodology of the cognition of socio-economic development to strict mathematical models. And the complementation of the theoretical models of the functioning of market based socio-economic system with institutions and their recognition as factors of economic interactions was carried out by the new institutionalists. However, in the scientific community there is a belief that the new institutionalists' attempts to overcome the basic postulates of the orthodox neoclassical theory have failed: all the philosophical positions

are similar, the same set of events is studied, and new institutionalism considers all the forms of interactions in the socio-economic system as forms of exchange [9].

O. Yaremenko proves the ability of institutional analysis of the economic systems study the phenomenon of variability in the economy provided that it takes into consideration the contradictory nature of the institutional dimension in economic systems. An institution that has originated within a particular economic function eventually separates from its function and passes into the condition of controversial interaction with it. On long periods of time the institutions are not able to adequately and timely respond to all changes in the organization of technology and production, hence the full compliance of the institutions with their function is not provided, thus there exists a certain institutional inertia, which is one of the determinants of irregularity in the economy evolution [17, p. 3-4].

V. Reshetilo argues that a significant contribution of the institutionalism into the economic development is rather obvious, but the institutional approaches alone are not sufficient to solve the real problems of the dynamic economic development. The methodology of the synergetic approach should be used for the cognition of the evolution of socio-economic processes. By the definition of one of the founders of synergetic H. Haken, this science deals with the analysis of self-organization processes in open, non-equilibrium systems consisting of a large number of sub-systems, components and parts which interact with each other [11, p. 5]. H. Haken considered synergetics the theory of "joint action of many subsystems, as a result of which a [new] structure and proper functioning on the macroscopic level appear."

The science about self-organization and instability in Germany is called synergetics (H. Haken), in the United States it is called the theory of dynamical chaos (M. Feigenbaum) and in French-speaking countries it is called the theory of dissipative structures (I. Prigogine). In the evolutionary-synergetic paradigm, development is the process of resuming long periods of steady state of a system after short periods of chaos (bifurcations), being the choice of each subsequent steady-state (attractor) is determined by fluctuations in the bifurcation points [3]. Synergetics is based on the creative properties of chaos which is able to generate a new order, but itself originating from the old one. In synergistic theories, chaos lies in the foundation of the processes that provide transitions from recovery to recession of innovative activities, changing the phases of economic cycles, and fluctuations in the exchange and stock markets [11, p. 8-9].

L. Kustova considers that N. Kondratieff's theory of cyclicity is largely balanced with Prigogine's theory of dissipative systems according to which the world is an open, dissipative, non-equilibrium, and nonlinear system, in which a non-equilibrium can serve as a source of organization and order. The deployment of Kondratieff's long waves can be seen as phase transitions, the introductions of scientific and technological discoveries occurring in the upward waves, such as the accumulations of fluctuations, and deep socio-economic crises serving as turning points in the deployment of Kondratieff's cycles (bifurcations). Phase transitions are characterized by painful for the society processes in the economy, but it is exactly during such periods that is determined the direction of long-term socio-economic development leading to the next bifurcation [10]. Exploring the problem of large cycles of

economic conjuncture N. Kondratieff analyzed the dynamics of the national economic system by sectors, which contributed to the actualization of the core of economic self-development.

The research on the structure of national economy, its transformations, identification of causal relationships and correlations between its sectors that make up the framework of the national economic system carried out by N. Kondratieff during the development of the concept of large cycles in economic conjuncture belong to the sphere of "economic genetics" [6]. The scientist intended to complete the cycle of his works with a synthetic theory of socio-economic genetics/development.

Economic genetics is interconnected with synergetic, which, according to S. Kirdina, synthesizes the evolutionary and systematic approaches to the analysis of economic systems [8]. V. Sopin believes that the theory of economic evolution includes economic genetics which studies the dynamics of the internal mechanisms with a regard of heredity and variability. A characteristic feature of the evolutionary approach is the study of the socio-economic systems as organisms whose life cycle consists of the formation, development, decline and ruination and which at the same time develop in accordance with the laws of self-organization of the complex systems [14]. V. Reshetilo considers that the self-organization ideas are useful for the understanding of the processes of social evolution as they are based on the fundamental properties of irreversibility and non-equilibrium inherent in open complex systems. This shift of emphasis towards the study of mechanisms and driving forces generated by its functional connections brings synergetics closer to the dialectics [11. 7-8].

Based on the synergistic approach it must be assumed that the cyclic form of the social development is possible thanks to a special form of energy that arises from the chaos and allows to fulfill some work, namely the introduction of technical and technological, economic and institutional innovations. The aggravation of long-accumulated dialectical contradictions leads to the release of energy at the point of bifurcation. In recent years social energy emissions which have a destructive character occur more often and are larger, which results in increased inversive direction of socio-economic and institutional transformations and deep economic crises. This indicates an accumulation of deep unresolved contradictions in the global socio-economic system.

Within the research on the problem of irreversibility and cyclicity of socio-economic development, especially relevant are the philosophical ideas of Chizhevsky who studied the cyclicity of the world history and arrived in a natural scientific substantiation of the principle of universal circulation, which allows arguing the infinity of the evolutionary process, and the permanent circulation of space matter. According to Chizhevsky's concept, there is a constant process of transformation of the substance in the field, and vice versa. According to Chizhevsky's concept, there takes place a constant process of transformation of substance into field and vice versa. The anti-entropic nature of matter was justified by Tsiolkovsky in the "theory of cosmic eras", retold by Chizhevsky and published in 1977 in the first issue of journal "Chemistry and Life". In general, Russian philosophical ideas based on the understanding of the unity and integrity of the universe represent a new scientific paradigm of global evolutionism [15, 16].

On the basis of extensive statistical material, A. Chizhevsky investigated the deployment of geophysical, biological and socio-historical processes and demonstrated a close relationship between the rhythms of those processes and the cycles of solar activity. That is, the apparently chaotic natural and social processes are due to cosmic energy [7].

According to the formulated by A. Chizhevsky morphological law of the global historical process, the development of the world history occurs in the form of continuous nearly 11-year cycles of increase and decrease in the massive significant social and political events which are synchronous to the cycles of solar activity [16]. Every 11-year cycle consists of four periods (eras). The first era is the period of minimal activity that lasts 3 years and is characterized by social fragmentation, lethargy of political processes and strengthening of the institution of state.

The second era is the period of active growth, which lasts 2 years and is characterized by the establishment of the predominant basic idea among people, emergence of the leaders and the increasing influence of the mass media. The third era is the period of maximum activity, which lasts 3 years and is a major step in the cyclic development during which the most important historical problems are resolved, and foundations are laid for new historic eras. The third era corresponds to the period of maximum solar activity. Social processes in this period are characterized by the climax of the struggle. A Chizhevsky believed that "... in these moments the centers of conscious activities are slowed down and the ancient instinctive reactions appear." The fourth era of the world historical cycle is a period of falling activity which lasts 3 years, while the events that started earlier come to an end. The society is dominated by the necessity of a return to tranquility and the influence of community leaders is weakened, the masses are more resistant to conviction, political activity is minimal and any disorder is easy to suppress [5].

Considering all the above scientific arguments in favor of the irreversibility of the evolution in nature and in the society, and based on the principle of universal circulation, it should be recognized that the cycle is a natural form of evolutionary processes. The specific existence of nature and society is represented by a unity of the diversity of cyclical forms of natural, socio-economic, political, demographic and other activities in a single open non-equilibrium system which provides self-development on the basis of self-organization that allows transforming the energy of chaos into development.

Conclusions. The concrete historical conditions of the socio-economic processes are diverse, complex and determined by many factors, which eliminates the possibility of an ideal reversibility or irreversibility of socio-economic processes; therefore it is necessary to distinguish conventionally reversible circular cyclic processes and irreversible cyclic processes. An example of a conventionally reversible socio-economic cycle is the cycles of social reproduction in the pre-industrial era, which is a simple social reproduction. On their basis, more complex spiral irreversible cyclic processes emerged, in particular the cycles of change in the form of society.

Conventionally irreversible are the cycles of social reproduction in the conditions of industrial and post-industrial capitalism when, despite the chronologically accurate reproduction of all phases of social reproduction (production, distribution, exchange, consumption), the dynamism of scientific and technological processes ensures extended reproduction and

the dynamic of socio-economic and institutional transformation ensures high variability of phases in a cycle. The cycles of expanded social reproduction become a basis for the deployment of more complex forms of social and economic cyclicity, in particular Kondratieff's cycles.

And the above mentioned irreversible processes have a certain degree of conventionality, because a change of technological waves does not mean a complete rejection of the outdated technologies in production and exchange. Besides, institutional transformations do not mean an extinction of the basic social institutions but consist in the change of the institutional hierarchy and the functions of the institutions. In addition, any socio-economic system in any stage of historical development contains remnants of the old system, and inside it emerge new contradictions, which lead to its transformation into a new system in the future.

Thus, the general course of social evolution consists of conventionally reversible and irreversible natural and socio-economic cyclic processes dominated by with the principle of irreversibility. Historically, social evolution is presented in its most general form as a resumption of the phase of formation with decomposition of certain forms of the society (the primitive communal system, slavery, feudalism, bourgeois society).

References:

- [1] Альбедиль М.Ф. Образы и модели цикличности в древнеиндийской культуре [Электронный ресурс] / М.Ф. Альбедиль. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-224-1/978-5-88431-224-1_05.pdf
- [2] Белоконов Н.И. Основные принципы термодинамики. М.: Недра, 1968. 111 с.
- [3] Бородин Л.И. Нелинейная динамика неустойчивых социально-политических процессов: междисциплинарный подход к методологии анализа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Borodkin.pdf>
- [4] Бродянский В.М. Вечный двигатель – прежде и теперь. От утопии – к науке, от науки – к утопии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://coollib.net/b/270240/read>
- [5] Гребеньков Г.В. Концепция солнечных циклов А. Чижевского и динамика социальных процессов [Электронный ресурс]. Ноосфера і цивілізація. 2004. № 1 (4). Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Niz/2004_4/index.htm
- [6] Гринберг Р.С., Сухарев О.С. Эволюционная экономика Н.Д. Кондратьева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socionauki.ru/book/files/k_waves/volume_1/012-036.pdf
- [7] Кирдина С.Г. Институциональные изменения и принцип Кюри. Экономическая наука современной России. 2011. № 1. С. 8-19.
- [8] Казютинский В.В. Космизм А.А. Чижевского [Электронный ресурс]. Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. 2004. № 3. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kosmizm-a-l-chizhevskogo>
- [9] Кирдина С.Г. Модели экономики в разных парадигмах: неоклассической, не-институциональной, эволюционной и самоорганизационной [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekonom.ru/modeli-ekonomiki-v-raznih-paradigmah-neoklassicheskoy-neoinsti.html>
- [10] Кустова Л.С. Глобальный кризис и длинные волны Н. Кондратьева в свете теории цикличности и современной синергетики [Электронный ресурс]. Медиаскоп. 2010. №3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=taxonomy/term/137>
- [11] Решетило В.П. Синергетическая парадигма и формирование нелинейного стиля экономического мышления. Экономическая теория. 2004. № 4. С. 3-21.

- [12] Розмаинский Я. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории. Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 89-99.
- [13] Розман Г.А. Термодинамика и статистическая физика. Псков: ПГПИ, 2003. 160 с.
- [14] Сопин В.С. Эволюционная теория в экономической науке: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (34). Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2687>
- [15] Чижевский А.А. Страницы воспоминаний о Циолковском [Электронный ресурс]. Химия и жизнь. 1977. № 1. Режим доступа: <http://tsiolkovsky.org/ru/kosmicheskaya-filosofiya/teoriya-kosmicheskikh-er-zhurnal-himiya-i-zhizn-1-1977-god-fotokopiya/>
- [16] Терехов С.В. Невостребованные научно-философские идеи А. А. Чижевского как перспективные направления современных научных исследований [Электронный ресурс]. Философия и космология. 2009. № 1(7). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nevostrebovannye-nauchno-filosofskie-idei-a-l-chizhevskogo-kak-perspektivnye-napravleniya-sovremennyh-nauchnyh-issledovaniy>
- [17] Яременко О.А. Механизм институциональных изменений. Экономическая теория. 2006. № 1. С. 3-12.

THE REGIONAL ASPECT OF THE STRATEGY OF UKRAINE'S ECONOMIC GROWTH

T. Prykhodchenko¹

Abstract

The article investigates the regional aspect of the strategy of Ukraine's economic growth, the proposed mechanism for its achievement.

Keywords: economic growth, productive forces, region, regional development, regional economy, state regional policy.

Трансформационные процессы в Украине и осуществление реформ предполагают всестороннее комплексное развитие регионов и рационализацию региональных хозяйственных систем. Негативные тенденции развития украинских регионов требуют комплексного подхода к их преодолению, при этом главным становится необходимость оптимального сочетания объектов природы, общества и территориальной организации их функционирования, при которой региональные социально-экономические системы имели бы стабильную способность к устойчивому развитию и расширенному воспроизводству.

Необходимым условием обеспечения экономического роста является перестройка управления региональным развитием в направлении расширения прав и самостоятельности регионов. Основу же составляет общегосударственный уровень управления региональным развитием, который и формирует правовую базу, разрабатывает стратегические направления социально-экономического развития Украины.

Одним из главных направлений дальнейшего развития регионов Украины и их хозяйственных структур является регулирование региональных пропорций с целью обеспечения функционирования национальной экономики как целостной системы на базе оптимального размещения производительных сил с учетом местных ресурсов, систем расселения и особенностей исторического развития. Оптимальность в этом случае определяется, с одной стороны, уровнем развития социально-экономических потенциалов регионов, а с другой – общей эффективностью национальной экономики, учитывая ее место в мировом экономическом пространстве.

Сегодня проблема трансформации регионального развития требует дальнейшего исследования, так как коренным образом изменились внутренние и внешние условия функционирования региональных систем в направлении обеспечения комплексности и экономической эффективности. Прежде всего, это касается теоретико-методологических основ экономического развития регионов, оптимизации компонентной структуры их хозяйства на основе формирования новой экономической системы и организационно-экономического механизма управления этим процессом, определения характера и специфики региональных аспектов, инноваци-

¹Tetyana Prykhodchenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, doctoral student, Department of regional science and tourism, SHEI "Kyiv National Economic University named after Vadym Hetman", Ukraine.

онно-инвестиционной и внешнеэкономической деятельности в контексте трансформации региональной экономики.

Анализ показал, что в настоящее время в развитии экономики Украины доминируют процессы, которые по масштабам, глубине и значению можно считать глобальными. Современная украинская экономика характеризуется качественными структурными трансформациями, что обусловлено поиском новой парадигмы экономического развития, на формирование которого существенно влияет то, что с одной стороны, национальная экономика функционирует в условиях динамичного развития всеохватывающей глобализации, а с другой – требует полного использования имеющегося внутреннего потенциала экономического роста.

Длительный кризис в Украине и провозглашенный европейский интеграционный вектор объективно требуют реализации научно-обоснованной целостной государственной политики, направленной на восстановление экономического роста и выход экономики на уровень мировой конкурентоспособности. При этом региональный аспект стратегии экономического роста имеет исключительную роль для Украины. Сегодня необходима реализация собственной научно-обоснованной и взвешенной региональной политики, а также гармонизация принципов взаимодействия центра с регионами с целью обеспечения оптимального сочетания общегосударственных и региональных интересов. Кроме того, по уровням экономического, технологического и социального развития регионы Украины значительно дифференцированы и проблема нивелирования этих диспропорций все еще остается весьма актуальной.

За период независимости Украины неравномерность социально-экономического развития ее регионов значительно усилилась. Основной причиной стоит выделить – стихийность структурных трансформаций территориально-производственных комплексов. Трансформация экономической системы Украины выявила значительные структурные диспропорции общественного производства, среди которых можно выделить растущую ориентацию на сырьевые отрасли, значительную энерго- и материалоемкость производства, незначительную долю конечной продукции и сокращение удельного веса высокотехнологичных отраслей в структуре производства.

Сейчас Украина пока ещё слабо интегрирована в мировые хозяйственные структуры, но она вполне способна занять ведущее место в мировом экономическом пространстве, сформировать собственное направление эффективной интеграции, которое бы наиболее соответствовало национальным интересам и учитывало имеющиеся колоссальные ресурсы страны, ее геополитическое положение и огромные потенциальные возможности.

Украина имеет определенные конкурентные преимущества в мировом хозяйстве и должна быть субъектом глобальных экономических процессов. Учитывая это, поиск возможностей преобразования глобальной рыночной силы в продуктивную для национальной экономики, комплексное сочетание ее с региональной самодостаточностью и обеспечением национальных интересов – является чрезвычайно важным теоретическим и практическим заданием для развития и размещения производительных сил и региональной экономики.

Основой формирования региональной политики Украины является глубокий анализ теоретических и практических проблем и достижений в

области регионального развития и региональной политики в развитых странах. Украинская региональная политика базируется на теоретических исследованиях и учете объективно существующей в стране ситуации. Анализ теоретических концепций региональной политики позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе еще не найдено универсального теоретического поиска для ответа на вопросы о путях достижения наиболее эффективных показателей в социально-экономическом развитии украинских регионов и раскрытии причин имеющихся здесь диспропорций. Так, слабая действенность сдвигов в структурной перестройке национальной экономики обусловлена существованием ряда нерешенных разноплановых проблем экономического, финансового, организационного и, конечно же, управленческого характера. Во-первых, это проблема формирования эффективной экономической и, в частности, региональной промышленной политики, решение которой должно исходить из структурных изменений в экономике, и является основным условием стабильного развития производства. Во-вторых, это необходимость эффективного сочетания структурных преобразований в региональных экономических системах с созданием национальных институциональных рыночных условий. В-третьих, это комплекс мер по реализации имеющегося потенциала в отраслях сельского хозяйства. В-четвертых, это потребность совершенствования финансово-кредитной политики и механизмов ее реализации. В-пятых, это проблема наращивания инвестиционных ресурсов и направления их на реализацию опережающей модели экономического роста.

Организационно-экономический механизм регулирования комплексного развития регионов предполагает внедрение такой совокупности средств и рычагов влияния, которые бы наиболее эффективным образом направляли развитие региона в направлении высокоэффективного, высокотехнологичного и ресурсосберегающего производства. Его главной составляющей является осуществление эффективного регионального управления [1], направленного на:

- ✓совершенствование системы стратегического планирования регионального развития Украины с целью эффективного государственного его управления и территориальной социально-экономической интеграции;

- ✓формирование институциональной поддержки регионального развития через появившиеся в Украине агентства регионального развития;

- ✓создание благоприятного климата для привлечения отечественных и иностранных инвестиций в региональную экономику;

- ✓активизацию межрегионального и трансграничного сотрудничества;

- ✓совершенствование бюджетных отношений между центром и регионами, выработку критериев и механизмов предоставления государственной поддержки регионам через государственный фонд регионального развития [2];

- ✓децентрализацию власти [3] – государственную поддержку местного самоуправления, передачу объединённым территориальным общинам необходимых полномочий, имущества и финансовых ресурсов для самостоятельного решения ими значительной части вопросов относительно социально-экономического развития их территории;

- ✓повышение уровня конкурентоспособности регионов Украины.

References:

- [1] Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine dated 6 August 2014 № 385 "On approval of the State strategy of regional development for the period till 2020", available at: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/385-2014-п> (Accessed September 19 2016).
- [2] The website of the State Fund of regional development of Ukraine, available at: <http://dfrr.minregion.gov.ua> (Accessed September 19 2016).
- [3] The website "The reform of the decentralization of Ukraine", available at: <http://decentralization.gov.ua> (Accessed September 19 2016).

INTERACTION BETWEEN EDUCATIONAL INSTITUTIONS
WITH BUSINESS COMMUNITY*T. Romashkin¹*DOI: http://doi.org/10.15350/L_21/2/08*Abstract*

The article is devoted to analysis of the types of interaction of universities and business structures. At the present time, modern society creates demand for high quality of higher professional entities. Highlighted the benefits of this interaction.

Keywords: Institute of education, the business community, modernization.

В условиях современной экономики система образования является одной из главных отраслей социально-экономической сферы.

Модернизация образования со стороны государства направлена на достижение таких целей улучшения качества образовательных услуг, как приведение содержания и качества образования в соответствие с современными потребностями общества, государства, экономики, науки, культуры и отдельной личности, повышение доступности качественного образования, а также обеспечение конкурентоспособности регионального рынка образовательных услуг.

Известно, что совершенствование системы российского образования не останавливалось с начала XX в., но, как известно, прогрессивное развитие современного общества и его потребности стремятся вперед. Молодежь несет с собой качественно новые знания и навыки, используя современные технологии и имея представление, какие компетенции могут быть получены за рубежом и каков уровень образования в международном образовательном пространстве.

Перед российскими вузами стоит множество вызовов, и успех любого предприятия, осуществляющего инновационную деятельность, способствует подъему социального статуса научной деятельности, привлечению в науку новых молодых кадров, повышению внутренней мотивации исследователей [1].

Из собственного опыта, следует отметить, что желание заниматься научной деятельностью зависит от наглядного примера успешных предпринимателей и руководителей предприятий. Примеры отражают взаимосвязь и сочетание научной и предпринимательской деятельности.

Но, важна и обратная зависимость бизнеса от науки, а именно бизнес разработки акцентируют внимание и опираются на исследования ученых высших учебных заведений, различных организаций (отраслевых, научных, исследовательских и т.д.).

Также важна кадровая составляющая бизнеса, всем нужны высокопрофессиональные кадры, которые выращивают университеты, и биз-

¹Timur Romashkin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Saratov national research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

нес-структуры отправляют свой кадровый состав на повышение квалификации в области инноваций, технологического и научного менеджмента.

Важна именно подготовка специалистов, необходимых экономике и полагаем, что мы этого сможем достичь, при тесном взаимодействии учебных заведений и бизнес-структур. Своего рода необходимо достичь синергетического эффекта.

Данная когерентность институтов позволит определить приоритетные направления деятельности вуза и реализовать стратегическое развитие бизнеса. Есть наглядные примеры данной когерентности, где отсутствует разрыв теории с практикой, это так называемые фирмы-партнеры.

Например, всем известная студенческая практика. Это традиционный способ взаимодействия, который занимает лидирующие позиции. Схема выгодна как студенту, который может ознакомиться с данным видом работы и в дальнейшем продолжить сотрудничать, так и работодателю, который имеет возможность увидеть подготавливаемых специалистов в конкретной работе.

Далее, стоит отметить и другой тип взаимодействия – создание эндаументов (целевых капиталов) ведущих университетов.

Бизнес-структуры направляют финансовые средства в университет, который вкладывает их в акции или ценные бумаги и расходует полученные проценты по своему усмотрению. Таким образом, капитал бизнес-структур работает на будущее, составляя постоянную подпитку университету.

Когерентность высших учебных заведений и бизнес-сообществ так же происходит согласно целевым программам, обучению в корпоративных университетах и т.д. То есть университет осуществляет индивидуальный заказ, получив его от работодателя.

Выделим преимущества данного взаимодействия:

- 1) количество трудоустроенных выпускников конкретного вуза;
- 2) количество долгосрочных соглашений сотрудничества;
- 3) наличие вспомогательных источников финансирования и иных путей восполнения затрат на содержание высшего учебного заведения;
- 4) слаженность работы исследовательских проектов и образовательных программ, а также бизнес-структур;
- 5) построение и усовершенствование результативных экономических структур малого наукоемкого бизнеса;
- 6) построение базовых учебно-научно-производственных центров обеспечения программ и технологий подготовки молодых кадров;
- 7) модификация учебного процесса и усовершенствование инновационных технологий в образовании, науке и бизнесе.

Ядро данной инфраструктуры в основном составляют технопарки и бизнес-инкубаторы, основная цель которых – объединить всех заинтересованных лиц инвестиционно-инновационной политики для повышения эффективности. В большей мере сферой деятельности таких организаций является поддержка малого предпринимательства, а не инновационных предприятий. Но, как нам известно, предприниматели (малый бизнес) обладают наибольшей инновационной активностью и, следовательно, дают рынку значительный объем инновационных проектов и готовых инновационных продуктов.

Важно сказать, что именно акцентируя внимание на университетах, а именно на усилиях молодежи, мы сможем построить совершенно новый тип экономики.

Поэтому, считаем, что перед Россией в целом, стоят следующие задачи:

1) Это перейти на инновационный путь развития, объединив трех основных субъектов инновационного рынка – бизнеса, образования и науки, то есть некое усиление функционирования институциональной спирали, а также подготовить высококвалифицированные кадры для инновационной сферы.

2) Необходима комплексная работа в сфере развития инфраструктуры, где особую ценность в этом диалоге имеет опыт и мнение практических специалистов, руководителей предприятий, финансовых организаций, а также способность анализировать успехи, которые удалось достичь тем или иным субъектам инновационной деятельности.

3) Далее, важно сформировать эффективную инновационную среду, от уровня развития которой будут зависеть скорость и результативность проводимых преобразований в стране [2, с. 67-72].

References:

- [1] Ромашкин Т.В., Фимушкина А.А. Государственная поддержка малого бизнеса: миф или реальность?. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Выпуск 2. Научный журнал. 2016. Том 16.
- [2] Устинова Н.Г. Анализ инновационной среды в России. Наука и общество. 2011. № 3. С. 67-72.

JURISPRUDENCE

THEORETICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF DIFFERENTIATED CONDENSED FORM IN THE RUSSIAN CRIMINAL TRIAL

V. Dyakonova¹

Abstract

The problem of the development of high-quality procedural form, above all, involves the scientific validity of the legal order of the criminal proceedings. In order to resolve it is supposed to establish the admissibility criteria (permissible) and the effectiveness of the criminal procedural methods of regulation, that is, the requirements to be met by the criminal-procedural form. It was important and remains the study of the problem of unity of relation and differentiation of criminal procedural form. Understanding scientific and practical significance of the study of this problem is currently solving this problem the best way through the achievement of the challenges facing the criminal proceedings, there was an increased interest in the issue of the existence along with a single form of simplified forms of proceedings for certain categories of crimes. Determination of criteria of "evidence" is relevant for the decision on the application of a special order of the trial.

Keywords: differential criminal procedural form, simplified forms of criminal proceedings, "simple" category "clear cases", "cases of obvious crimes", the controversy about the appropriateness of differentiation criteria and signs of "evidence" of crimes, grounds for applying the reduced form of criminal Affairs.

Особый порядок судебного разбирательства следует рассматривать как одну из форм уголовного судопроизводства, которая призвана обеспечить новый качественный уровень рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции. Проблема качественной разработки процессуальной формы, прежде всего, предполагает научную обоснованность установленного законом порядка уголовного судопроизводства. В целях ее разрешения предполагается установление критериев допустимости (дозволённости) и эффективности методов уголовно-процессуального регулирования, то есть требований, которым должна отвечать уголовно-процессуальная форма. Такие требования должны быть предъявлены с позиций демократических основ уголовного судопроизводства и успешности решения поставленных перед ним задач [1].

Крайне важным было и остается исследование проблемы соотношения единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы. По-

¹Viktoriya Dyakonova, Candidate of Law Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Ural State University of Law, Associate Professor, Department of Law, Ural Federal University named after Boris Yeltsin, Russia.

нимая научную и практическую значимость изучения данной проблемы, как в настоящее время, так и в 60-80 годы XX века, ее разрешение вызывало в печати широкую полемику среди ученых-процессуалистов. Решая данную проблему оптимальным путем через достижение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, наблюдался повышенный интерес к вопросу о существовании наряду с единой формой судопроизводства упрощенных форм для отдельных категорий преступлений. Идея дифференциации в тот период развития науки в области уголовно-процессуального права была выражена М.А. Якубом. Заслуживает внимания его утверждение о том, что «процессуальные формы и процедуры, необходимые по одним категориям дел, не нужны, излишне загромождают и усложняют судопроизводство по делам других категорий» [2]. М.А. Якуб высказывался за введение упрощенных форм производства по уголовным делам «о менее опасных преступлениях, не столь сложных и не представляющих особого общественного значения» [3], а также «приводит к бюрократизации процесса по делам ряда других категорий» [4].

С идеей упрощенного порядка судопроизводства по отдельным категориям уголовных дел выступали также П.Ф. Пашкевич, В.Д. Арсеньев, А.А. Гаганов, А.И. Трусов, С.В. Тюрин, С.В. Бородин, А.П. Гуляев, Р.Д. Рахунов, Ю.М. Грошевой и др. Необходимо отметить, что их взгляды отличались единством мнений о том, что упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел необходим для более успешного решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, а также для обеспечения гибкости и экономии этого производства, но отсутствовало единодушие по вопросу о пределах дифференциации. Так, П.Ф. Пашкевич, исходя из зависимости форм судопроизводства от сложности уголовных дел, а также, считая актуальной разрешение проблемы обеспечения быстроты уголовного судопроизводства, разрабатывал предложения о рассмотрении пределов суммарного производства. На его взгляд, нет необходимости в сложной процессуальной форме предварительного расследования по делам, не представляющим большой общественной опасности и так называемым «очевидным» преступлениям. [5] Он полагал, что по таким делам «при бесспорности собранных доказательств» суду должно быть предоставлено право на изменение обвинения в судебном заседании независимо от того, отягчает это ответственность подсудимого или нет и предлагал отказаться от «запрета поворота к худшему» и предоставить кассационной инстанции право на внесение в приговор любых изменений и решений без возвращения уголовного дела на новое рассмотрение в суде первой инстанции [6]. Эти предложения подвергались заслуженной критике даже у сторонников сокращенных форм уголовного производства, как у ученых-процессуалистов, так и практических работников. А. Ооржак, писал, что нельзя согласиться с предложением П.Ф. Пашкевича о предоставлении суду второй инстанции права изменять приговор в неблагоприятную сторону для осужденного, обосновывая тем, что, во-первых, осужденные будут бояться подавать кассационные жалобы, а во-вторых, может понизиться ответственность нижестоящих судов за объективное и всестороннее разрешение дел, так как судьи будут надеяться, что их ошибки исправят вышестоящие суды» [7] и одновременно поддерживал предложения о дифференциации некоторых форм уголовного судопроизводства, например, по делам о мелких кражах государственного или общественного имущества, по которым нецелесообразно

вести предварительное расследование, когда эти преступления совершены впервые лицом, ранее не судимым, признавшим полностью свою вину, и есть другие доказательства его виновности, оставляя, таким образом, исследование доказательственной базы и вынесение решения за судом. Справедливо отмечая, что в данном случае такого рода уголовные дела не снижают процессуальных гарантий, не ущемляют прав участников уголовного процесса, а наоборот, направлены на обеспечение оперативности и быстроты рассмотрения уголовных дел [8].

В. Д. Арсеньев выступал против упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел в суде, но допускал расширение объема дел, требующих сокращенного порядка судопроизводства в стадии предварительного расследования. Арсеньев отмечал тенденцию к унификации советского уголовного судопроизводства. Но считал дифференциацию обоснованной и устойчивой, как и унификацию уголовного судопроизводства, с чем нельзя не согласиться. [9] С принятием УПК РСФСР 1960 г. дифференциация уголовно-процессуальной формы предполагала упрощение судопроизводства по определенным категориям уголовных дел (производство по делам частного обвинения и производство с протокольной формой досудебной подготовки материалов) и усложнение судопроизводства более сложными процессуальными формами (производство по делам несовершеннолетних и производство по делам лиц, страдающих психически или физическими недостатками).

Таким образом, унифицированный порядок уголовного судопроизводства касался большинства уголовных дел (обычное производство), а дифференцированный – сравнительно небольшого количества дел (особое производство). Эти формы уголовного судопроизводства получили свое развитие в двух направлениях, как отмечал В.Д. Арсеньев, в создании дополнительных процессуальных гарантий по одним делам (несовершеннолетних, слепых, глухих и т.п.) и в упрощении производства по делам, не представляющим большой общественной опасности или, как правило, большой трудности для расследования (дела частного обвинения, о хулиганстве, предусмотренном ч. 2 ст. 206 УК РСФСР). [10]

А. Гуляев, подчеркивая актуальность проблемы дифференциации уголовно-процессуальной формы в науке уголовного процесса, указывал на неразрывную связь с задачами уголовного судопроизводства, поэтому обоснованно считал, что должна идти речь о таком порядке производства по уголовным делам, который позволял бы оптимально выполнить задачи уголовного судопроизводства при соблюдении всех принципов уголовного процесса [11].

Р.Д. Рахунов придерживался аналогичного мнения, выступая в поддержку дифференциации уголовно-процессуальной формы, как средства реализации уголовного закона в рамках законности, определяя уголовно-процессуальную форму как «свод законов об установленном судопроизводстве, а не отдельные его элементы» [12]. Подчеркивая единство принципиальных положений этого свода, Р.Рахунов отмечал, что он обладает некоторыми особенностями, вытекающими из характера преступления, отчасти и из личности обвиняемого. Анализируя работы Р.Рахунова, А.Гуляева, посвященные актуальным вопросам дифференцированной уголовно-процессуальной формы и некоторых других сторонников упрощения процессуального порядка рассмотрения уголовных дел, можно сделать вывод о том, что все они высказывали единодушное мнение о

том, что нельзя стандартизировать уголовно-процессуальную форму без учета ее особенностей и предмета ее действия. Изменения и дополнения, вносимые в тот период времени в УПК РСФСР и направленные на сокращение процедуры рассмотрения уголовных дел (протокольная форма предварительного расследования, производство у мирового судьи, сокращенный порядок судебного следствия при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей), а также ее расширение (исключение из УПК РСФСР протокольной формы, введение суда с участием присяжных заседателей, исключение сокращенного порядка судебного следствия в суде присяжных) свидетельствуют о правильности и обоснованности выводов, сделанных данными авторами в 70-80-х годах прошлого века.

Касательно упрощенного порядка судопроизводства В.Д. Арсеньев писал, что такой порядок должен распространяться на дела, по которым уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязательного предварительного следствия. Сторонники упрощенного порядка производства по уголовным делам в своих работах подвергали критике взгляды его противников (М.С. Строговича, П.С. Элькинд, И.А. Петрухина), которые выступали за единство уголовно-процессуальной формы, категорически возражая против каких бы то ни было изменений уголовно-процессуального законодательства в сторону его упрощения. В обоснование своих взглядов за единый порядок уголовно-процессуальной формы эти авторы ссылались на ст. 1 УПК РСФСР, положения которой закрепляли единый и обязательный порядок судопроизводства по всем уголовным делам для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания. Судя по всему, единый порядок неверно толковался сторонниками унификации, как одинаковый порядок, одна процедура производства по всем уголовным делам. Полагаю, что значение «единого» порядка имело иной смысл, направленный на единообразное выполнение требований закона всеми должностными лицами, осуществляющими производство по уголовным делам в строгом соответствии с установленной Уголовно-процессуальным кодексом процедурой. М.С. Строгович писал, что в уголовно-процессуальном праве «проявляется устойчивая тенденция к унификации процессуальных форм и порядков во всех судах и по всем категориям уголовных дел» [13]. Поводом к дискуссии о пределах дифференциации процессуальной формы послужили предположения о возможности одновременного существования разнообразных форм уголовного процесса, где основным тезисом сторонников дифференциации стало максимальное упрощение процессуального порядка по простым и ясным делам, не влекущих тяжелых мер уголовного наказания, где вина обвиняемого не вызывает сомнений.

М.С. Строгович категорически отрицательно воспринимал предложения об упрощении и упразднении предварительного расследования и тем более об упрощении рассмотрения уголовных дел в суде. Он считал несостоятельной саму мысль «о какой-то категории «простых», «ясных дел», «дел об очевидных преступлениях» [14] и тому подобных понятиях таких как: «несложность дела», большая или меньшая общественная опасность преступных посягательств», которые обычно выдвигались в качестве критериев для отнесения соответствующей категории дел к сфере упрощенного производства, потому что «такая характеристика дела без его расследования и до судебного рассмотрения субъективна и способствует

предвзятости в его разрешении» [15].

П.С. Элькинд, активно участвуя в полемике о целесообразности дифференциации уголовно-процессуальной формы, ратовала за ее единство, с признанием за этим единством значения принципа уголовного процесса. В суждениях о дифференциации уголовно-процессуальной формы П.С. Элькинд видела опасность предложений, направленных на дальнейшее расширение суммарных форм производства. Так, отрицая тезис о признании дел «простыми», «ясными», «очевидными» и возможности их рассмотрения в упрощенном производстве и обосновывая своею позицию, она приводит один пример из судебной практики: «Работница фабрики задержана на проходной с поличным: в ее сумке оказалась дорогостоящая вещь, являющаяся фабричной продукцией» [16], казалось бы, дело ясное, очевидное и простое поступило в суд. Однако суд возвратил дело на дополнительное расследование, где было установлено, что задержанная – уважаемая пожилая работница фабрики, в действительности не имела никакого представления о том, что другая работница, в целях осуществления своего преступного замысла, решила воспользоваться ее сумкой с тем, чтобы потом, после выхода с территории фабрики, изъять содержимое так, чтобы владелица сумки о том не узнала. Для установления этих обстоятельств понадобилось произвести не только большое число допросов, но и ряд других следственных действий: осмотров, следственных экспериментов, обысков, экспертиз. Исходя из приведенных обстоятельств, П.С. Элькинд делает вывод о том, что если бы уголовное дело не было возвращено судом для производства предварительного следствия, не произведи следовательно сложный комплекс процессуальных действий по делу, произошла бы серьезная ошибка – пострадал ни в чем не повинный человек.

Таким образом, по мнению П.С. Элькинд, презюмирование уголовных дел в качестве «простых», «ясных» и «очевидных» еще до их расследования и судебного рассмотрения следует считать неэтичным, так как и неэтично презюмирование виновным обвиняемого до тех пор, пока его виновность не будет установлена вескими и убедительными доказательствами. Она утверждала, что предположения, направленные на ускорение и упрощение форм уголовного судопроизводства не отвечают требованиям этичности и неизбежно ограничивают объем процессуальных гарантий правосудия, прав и интересов личности (обвиняемого, потерпевшего и др.). Что касается приведенного примера из судебной практики, то в данном случае можно согласиться с П.С. Элькинд в том, что расследуемое преступление, в таком случае, не является простым и очевидным. Но, если же посмотреть на приведенный пример с другой, менее выгодной позиции для сторонников унифицированного производства, то можно сказать о том что, во-первых, исходя из понятия «очевидности» преступления, являлось ли данное преступление таковым? Не вызвало ли обоснованных сомнений в его «ясности» при производстве проверочных действий у лиц, осуществляющих производство по делу в протокольной форме? Думается, что правдивые ответы будут выглядеть так: на первый вопрос – отрицательный, на второй – положительный. Отсюда напрашивается вывод о низком качестве произведенных процессуальных действий, которое может иметь место и по любым другим уголовным делам. Если же ответы на поставленные вопросы оказались иными, в таком случае исследуемое уголовное дело должно рассматриваться в обычном

порядке. И, во-вторых, обязанность обеспечения и соблюдения законных прав участников уголовного процесса лежит на должностных лицах, в производстве которых находится данное уголовное дело. Таким образом, качество расследования уголовного дела и разрешение его по существу зависит от квалификации и добросовестного отношения к своим должностным обязанностям работников следствия и суда при любом порядке производства по уголовным делам – сокращенном или обычном.

Представляется более убедительной позиция сторонников упрощенного производства. В частности, А. Гуляев, не соглашаясь с точкой зрения, что преступления нельзя разделять на «очевидные и неочевидные, сложные и простые», [17] констатировал, что не всегда просто отнести преступление к той или иной группе, но это совсем не означает, что этого вообще нельзя сделать, особенно когда по значительной части уголовных дел (например, хулиганство, угон автотранспортных средств, причинение телесных повреждений, злостное уклонение от уплаты алиментов) обстоятельства совершения преступления и виновность конкретного лица очевидны уже при возбуждении уголовного дела. Поскольку вышеприведенные категории являются оценочными для того, чтобы обеспечить единое понимание «очевидности» преступления, А. Гуляев предложил разработать и закрепить в законе четкие критерии этого понятия. Так, В.Д. Арсеньев, Н.Ф. Метлин, А.В. Смирнов, поддерживая идею расширения сокращенного производства в науке уголовного процесса писали, что несложность расследования подобных уголовных дел обусловлена тем, что в значительной своей части они являются [18]. Также заслуживает внимания их определение понятия «очевидности» как «следственной ситуации, которая характеризуется простотой, несложностью и обеспечивает достижение истины даже с помощью ... ограниченных средств, ... то есть когда невозможно производство следственных действий и применение мер пресечения» [19].

Таким образом, критерием очевидности, на их взгляд, является возможность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, с помощью тех или иных способов и средств, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве. Формулируя определение «очевидности» преступления, эти авторы исходили из теории и практики протокольной формы досудебного производства, рассматривая ее как «не какое-то «особое» или «исключительное» производство, а одно из направлений дифференциации уголовного процесса, а именно упрощенную форму предварительного расследования. Поэтому очевидность преступления служила критерием для упрощенного порядка предварительного расследования по делам с не высокой степенью общественной опасности (наказания не связаны с лишением свободы, либо лишение свободы не превышает одного года).

Определение критериев «очевидности» является актуальным и для решения вопроса о применении особого порядка судебного разбирательства. Одним из оснований рассмотрения уголовных дел в особом порядке, согласно ч. 1 ст. 314 УПК РФ, является совершение преступления, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы. Таким образом, содержание данного основания составляет материально-правовой признак. Не совсем понятно, чем руководствовался законодатель, закрепляя данное основание для рассмотрения уголовных дел в порядке главы 40 УПК РФ, определив его первоначально до пяти лет лишения свободы и

увеличив до десяти.

Поскольку никто никогда не отрицал того, что следственной и судебной практике известны случаи, когда на первый взгляд простое, по своей сути, дело оказывается сложным и запутанным и при таких обстоятельствах уголовное дело должно подлежать рассмотрению в общем порядке, несмотря на согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а также государственного или частного обвинителя и потерпевшего. Но это обстоятельство, которое обычно является исключением из правила, вовсе не доказывает непригодность ускоренного производства по несложным уголовным делам небольшой и средней тяжести, также впрочем, как и тяжким. Поэтому, на мой взгляд, ориентир должен быть избран, прежде всего, на типичное, а не на исключение из общего правила. Кроме того, обращает на себя тот факт, что среди составов, наказание за которые превышает 10 лет лишения свободы, имеются такие, которые вполне могли бы стать предметом рассмотрения в особом порядке судебного разбирательства. Например, захват заложника (ст. 206 УК РФ). Санкция ч. 1 ст. 206 УК РФ предусматривает до 10 лет лишения свободы, состав преступления можно было бы отнести к очевидным, так как субъект, как правило, конкретен и очевиден, вина лица – прямой умысел, направленный на выполнение объективной стороны преступления. Часть 2 ст. 206 УК РФ предусматривает наказание до 15 лет лишения свободы за те же деяния, но при определенных квалифицирующих признаках: группой лиц по предварительному сговору, неоднократно, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в отношении заведомо несовершеннолетнего, в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в отношении двух или более лиц, из корыстных побуждений или по найму.

Думается, что в данном случае, дело могло бы рассматриваться в особом порядке судебного разбирательства, при отсутствии последствий указанных в ч. 3 ст. 206 УК РФ – смерти человека или иных тяжких последствий. Полагаю, что данный состав по своей общественной опасности не более значимый, чем, например, убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) или доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), где наказание не превышает пяти лет лишения свободы.

Для наиболее правильного разрешения этого вопроса необходимо обратиться к ранее исследовавшемуся в советской науке уголовного процесса понятию очевидности преступлений и вывести его критерии. В данном случае определение критериев «очевидности» является актуальным для решения вопроса о применении особого порядка судебного разбирательства по вышеприведенной причине.

Анализируя нормы действующего Уголовного кодекса РФ, а также судебную практику по уголовным делам по применению особого порядка судебного разбирательства, к очевидным преступлениям чаще всего можно было бы отнести такие составы преступлений, как: умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрыв-

ных устройств (ч. 1 ст. 222 УК РФ), незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ч. 1 ст. 228 УК РФ), приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград (ст. 324 УК РФ), подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ч. ч. 1, 2 ст. 327 УК РФ), а также использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ). Данный перечень можно было бы продолжить и другими составами преступлений небольшой, средней тяжести, а также тяжкими, которые вполне могли бы при определенных обстоятельствах подпадать под определение очевидных. Например, нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ), незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенные в крупном размере (ч. 2 ст. 228 УК РФ) и особо крупном размере (ч. 3 ст. 228 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) и др.

На мой взгляд, все перечисленные составы преступлений обладают критериями «очевидности» по следующим признакам:

1) Достоверно установлено лицо, совершившее преступление (задержано на месте совершения преступления или непосредственно после его совершения; лицо поймано с поличным, например, по обвинению в незаконном приобретении, хранении или ношении оружия; потерпевшие конкретно указывают лицо, совершившее преступление, например, злостное уклонение от уплаты алиментов, побои, причинение вреда здоровью; лицо явилось с повинной – при подтверждении совокупностью других доказательств, собранных по делу). Думается, что данное обстоятельство является основным признаком очевидности.

2) Установление элементов состава преступления не вызывает затруднения (например, незаконное хранение наркотических веществ, незаконное хранение или ношение оружия, причинение вреда здоровью, уклонение от уплаты алиментов и т.п.).

3) Процесс собирания доказательств, достаточных для предъявления лицу обвинения, не требует производства большого числа следственных действий, длительных временных затрат и не вызывает затруднений у органов предварительного расследования.

4) Основу процесса доказывания (доказательственной базы) составляют прямые доказательства.

5) Собранные, по совершенному деянию материалы, позволяют сделать однозначный вывод относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию и виновности конкретного лица, обвиняемого в совершении данного преступления.

Таким образом, одним из оснований рассмотрения уголовных дел в порядке главы 40 УПК РФ должен быть, все-таки, процессуальный критерий. Полагаю, что определение признаков «очевидности» преступления может повлиять на отнесение некоторых других составов к кругу тех преступлений, по которым при решении вопроса о рассмотрении дела в особом порядке, на практике, не будет вызывать сомнений ни у сторон, ни у суда, а также будет способствовать принятию судом законного и справедливого решения. Думается, что изучение понятия и критериев «очевидности» преступлений, а также проблемы отнесения преступлений

к «очевидным» имеет важное значение, как для науки уголовного процесса, так и для судебной практики. Так, например, в комментарии к ст. 31 УПК РФ отмечается, что институт мировых судей, прежде всего, создан для более оперативного рассмотрения дел, не представляющих большой общественной опасности, чаще всего уголовных дел по очевидным преступлениям [20].

В.Г. Даев, говоря о дифференциации уголовно-процессуальной формы, подчеркивал, что дифференциация процедуры во многом определяется материальным правом, отвергал предложения об упрощении производства по критериям «простоты», «очевидности», поддерживая точку зрения М.С. Строговича о том, что это «субъективные категории и потому ненадежные» [21].

Критически оценивая данное высказывание, следует отметить некоторую несостоятельность данных суждений, поскольку весь процесс доказывания по уголовным делам является и всегда являлся познавательным, то есть мыслительным процессом, в котором задействовано самостоятельное мышление лица, ведущего производство по уголовному делу, способствующее полному собиранию доказательств, всестороннему их исследованию, принятию правильных решений в ходе производства по уголовному делу, направленных на раскрытие преступления. Также в мыслительном процессе при построении следственных версий задействована логика. В основе оценки доказательств как элемента процесса доказывания лежит принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, построенному на законе и совести, где полученные фактические данные исследуются с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для обоснования выводов и принятых решений по уголовному делу. Совершенно очевидно, что из четырех свойств, которым должно соответствовать каждое, полученное по делу доказательство, по двум из них, свойствам относимости и достаточности, законодатель не определил в уголовно-процессуальном законодательстве никаких требований, оставив решение о соответствии полученных фактических данных этим свойствам, исключительно на усмотрение лица, принимающего решение по делу. Таким образом, усмотрение и сама оценка доказательств являются, по сути, субъективными категориями, в связи с чем, напрашивается вывод о правомерности и процессуальной состоятельности субъективных, оценочных категорий, проверенных практикой и временем.

References:

- [1] Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид.лит., 1989. С.124.
- [2] Якуб М.Л. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. Вестник МГУ. Сер. «Право», 1964. № 2. С. 12.
- [3] Там же. С. 19.
- [4] Там же.
- [5] Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид.лит., 1984. С. 64.
- [6] Там же.
- [7] Ооржак А. Предложения о дифференциации заслуживают поддержки. Социалистическая законность. 1975. № 3. С. 64.
- [8] Там же.

- [9] Арсеньев В.Д. О единстве и дифференциации уголовного судопроизводства. Социалистическая законность. 1975. № 3. С. 63.
- [10] Там же. С. 63.
- [11] Там же.
- [12] Рахунов Р.Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях. Советское государство и право. 1975. № 12. С. 60.
- [13] Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации. Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 51.
- [14] Там же. С. 50.
- [15] Там же. С. 51.
- [16] Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 75.
- [17] Гуляев А. Единый порядок предполагает дифференциацию. Социалистическая законность. 1975. № 3. С. 65.
- [18] Арсеньев В.Д., Метлин Н.Ф., Смирнов А.В. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам. Правоведение. 1986. № 1. С. 81.
- [19] Там же.
- [20] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулиной. М., 2002. С. 42.
- [21] Даев В.Г. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом.. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Издат. Воронежского университета, 1979. С. 51.

THE LEGAL NATURE GIFT: EVOLUTION OF THE PROBLEM

N. Kornilova¹

Abstract

This article examines the legal nature of one of the most ancient instruments, namely a place studied relationships for donation in the system of civil legal relations, assessed the need for the consent of the donee to accept the gift of donation as a condition for the conclusion of the contract. In work rules previously in force, as well as the current legislation, provides a comparative analysis of the norms of the Russian legislation with the legislation of foreign countries

Keywords: donation contract, the method of acquisition of property rights, the consent of the donee.

В соответствии с п. 1 ст. 575 ГК РФ под договором дарения понимается договор, в силу которого одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить её от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

Несмотря казалось бы на простоту отношений по дарению, сами правоотношения, связанные с природой дарения, всегда являлись предметом острых дискуссий, в том числе и до 1917 года.

В ст. 967 Свода Законов Гражданских [8] закреплялась возможность свободно по своему произволу дарить благоприобретённое, как недвижимое, так и движимое имущество. Вместе с тем само место дарения в системе гражданского законодательства не способствовало однозначному пониманию его природы. Дарение находилось в книге о порядке приобретения и укрепления прав на имущества. С другой стороны, именно необходимость получения согласия одаряемого на получение дара, давала уверенность другим учёным в том, что мы имеем дело с договором.

Споры о правовой природе имеют свои истоки еще из римского права. Так, Гарсиа Гарридо пишет: «Дарение понималось в римском праве как акт проявления щедрости, который подразумевает некое истощение средств дарителя и обогащение получателя дара... В этом смысле классическое дарение не было типичным договором, а основанием для акта присвоения имущества или прибыльным основанием» [2, с. 762]. В Институциях Юстиниана дарение располагалось в разделе «Способы приобретения собственности» рядом с приобретением по давности владения (*usucapio*).

Если обратиться к положениям современного зарубежного права, то и оно во многом восприняло римскую конструкцию дарения. Во Французском Гражданском кодексе [10] нормы о дарении расположены в Книге третьей «О различных способах, которыми приобретаетась собственность. Общие положения». В соответствии со ст. 874 ФГК дарение между живыми есть сделка, посредством которой даритель лишает себя действительно и окончательно подаренной вещи в пользу одаряемого,

¹Natalia Kornilova, Candidate of law sciences, Assistance professor, Khabarovsk state university of economics and law, Russia.

который её принимает. В ст. 931 ФГК установлена форма такого договора дарения. Все сделки, касающиеся дарения между живыми, должны быть совершены перед нотариусом в обычной форме; подлинник договора должен быть оставлен у нотариуса под страхом действительности. А в ст. 938 ФГК закрепляется положение о мгновенном переходе права собственности: дарение, принятое надлежащим образом, считается совершенным в силу согласия сторон; собственность на подаренные вещи переходит к одаряемому без необходимости совершения иной передачи.

В отличие от ФГК, в Германском Гражданском уложении [3] нормы о дарении расположены в части, посвящённой отдельным видам обязательств. Предоставление, посредством которого одно лицо из своего имущества обогащает другое лицо, считается дарением, если обе стороны согласны с тем, что предоставление осуществляется безвозмездно (§ 516). ГГУ не устанавливает требования к форме такого договора. Тогда как при дарственном обещании устанавливается форма такого обещания совершить дарение. Для признания действительности договора, согласно которому исполнение обещано в виде дарения, требуется нотариальное удостоверение обещания (§ 518).

В российской цивилистике можно встретить различные взгляды на природу отношений по дарению. Н.Н. Товстолес приходит к выводу, что дарение нельзя отнести к договорам, так как одна сторона сохраняет за собой право отмены дара независимо от воли другой стороны. В особой природе дарения, отличной от договора дарения, его убеждает еще и то обстоятельство, что дарственная запись у нас имеет форму одностороннего акта подобно духовному завещанию, завещание же есть акт, который может быть уничтожен по одностороннему усмотрению [9, с. 18-20].

Д.И. Мейер не во всех актах дарения видел договор дарения. Он писал: «По договору приобретается право на чужое действие, по дарению же не всегда приобретается право на чужое действие, а иногда и другое право. Например, лицо обязывается подарить другому известную вещь: тут действительно представляется договор, по которому другое лицо приобретает право на действие, и притом приобретает его безвозмездно. Но, например, лицо, не будучи предварительно обязано подарить вещь, прямо передает ее безвозмездно другому лицу: здесь лицо не приобретает права на чужое действие, а приобретает право собственности на вещь» [5, с. 241]. К.П. Победоносцев причислял дарение к способам приобретения права собственности, так как дарение состоит в перенесении права собственности одним лицом на другое в момент достижения согласия сторонами [6, с. 365].

И во всех случаях отношения по дарению признавал договором Г.Ф. Шершеневич: «Дарение представляет собой сделку, основанную на взаимном соглашении, а не на воле одного дарителя. До принятия предлагаемого дара лицом одаряемым дарение не имеет смысла. Поэтому-то дарение признается договором» [11, с. 127].

Конечно же, правовая природа договора дарения была предметом обсуждения Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения, результатом которого стал вывод о том, что необходимость принятия дарения «вытекает из самого внутреннего свойства дарения, безусловно обязательна для каждого дарения... И из этого следует, что дарение есть договор, ибо... соглашение двух или нескольких лиц о при-

обретении, изменении или прекращении прав признается договором» [4, с. 361-362].

В ГК РСФСР 1922 года, ГК РСФСР 1964 года и действующем ГК РФ дарение рассматривается как договор. Однако это не как не уменьшило остроту дискуссий по вопросу о правовой природе договора дарения. И всё также остро стоит вопрос о том, как квалифицировать согласие одаряемого на принятие дара. По мнению В.А. Савельева, такое согласие не направлено на установление обязательственных правоотношений. При всей его важности оно носит характер только одобрения и подтверждения безвозмездности имущественного предоставления... Оно является согласием (волеизъявлением), даваемым в связи с реализацией вещного правоотношения [7]. Тогда как другие учёные именно в необходимости для дарителя получить согласие одаряемого на передачу ему соответствующего дара, видят единственную причину, по которой данный юридический факт признаётся не только основанием (способом) перехода права собственности, но и договором [1].

В любом случае нельзя не признать, что в отношениях по дарению, которые не относятся к дарственному обещанию, происходит моментальный переход права собственности от дарителя к одаряемому. Другое дело, что природа таких отношений, несомненно, не укладывается в рамки традиционного реального договора дарения.

И если ранее в российском законодательстве предусматривалась возможность заключения договора дарения только по модели реального договора, то действующий ГК РФ допускает заключение договора дарения как по модели реального, так и по модели консенсуального договора.

References:

- [1] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2002.
- [2] Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право. М., 2005. С. 762.
- [3] Гражданское уложение Германии: ввод. закон к Гражд. уложению. 2-е изд., доп. / науч. ред. А.А. Маковский; пер. с нем. М. : Волтерс Клувер, 2006.
- [4] Гражданское Уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения / под ред. И.М. Тютрюмова. Том второй. СПб., 1910. С. 361-362.
- [5] Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2-х ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Ч. 1. М., 1997 (Классика российской цивилистики). С. 241.
- [6] Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. II. СПб., 1896. С. 365.
- [7] Савельев В.А. Дарение в римском праве и современном законодательстве. Журнал российского права. 2007. № 3.
- [8] Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. Птг., 1914.
- [9] Товстолес Н.Н. Дарение по действующему праву в связи с проектом гражданского уложения. Ж.М.Ю. 1906. Кн. 8. С. 18-20.
- [10] Французский Гражданский кодекс / Научн. редактирование и предисловие канд. юрид. наук Д.Г. Лаврова, перевод с французского А.А. Жуковой, Г.А. Пашковской. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
- [11] Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Т. 2. СПб., 1902. С. 127.

For notes

B&M Publishing

Humanities in the 21st century: scientific problems and searching for effective humanist technologies. 2nd edition: research articles, B&M Publishing, San Francisco, California. 2016. 156 pp.

PQN 100

ISBN-10:1-941655-39-4

ISBN-13:978-1-941655-39-9